

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

НРАВЫ
КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

УДК 37.034
ББК Ч110
Н869

Монография подготовлена
в рамках федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России» на 2009–2013 годы
(госконтракт № П433 от 12 мая 2010 г.).

Научный редактор
профессор, доктор социологических наук Л. С. Л и х а ч е в а

Рецензенты:
А. С. Ф р а н ц, профессор, доктор культурологии
(Российский государственный
профессионально-педагогический университет);
Е. С. Б а р з г о в а, профессор, доктор философских наук
(Уральский институт Российской академии народного хозяйства
и государственной службы)

**Нравы как социально-культурный феномен: проблема
Н869 модернизации в современной России : моногр. / [науч. ред.
Л. С. Лихачева]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. –
288 с.**

ISBN 978-5-7996-0898-9

В коллективной монографии представлены результаты исследований коллектива авторов по комплексному анализу сущности, содержания, форм и механизмов функционирования и изменения российских нравов в историческом и социально-культурном контекстах, исследование возможностей и особенностей их модернизации в современной России. Общая структура и содержание монографии отражают стремление авторского коллектива представить различные аспекты, методы и приемы исследования нравов как устоявшихся социально-культурных практик в повседневной жизни общества.

Монография будет полезна специалистам по теории и истории культуры, социологии, истории, антропологии, интересующимся проблемами повседневности в социально-культурной жизни общества, а также студентам, магистрантам, аспирантам и докторантам социально-гуманитарных направлений подготовки.

УДК 37.034
ББК Ч110

ISBN 978-5-7996-0898-9

© Уральский федеральный университет, 2013

ВВЕДЕНИЕ

В коллективной монографии представлены результаты исследований коллектива авторов по комплексному анализу сущности, содержания, форм и механизмов функционирования и изменения российских нравов в историческом и социально-культурном контексте, исследование возможностей и особенностей их модернизации в современной России.

Сегодня концепт «модернизация» стал основополагающим практически для всех сфер жизни российского общества – экономики, политической сферы, сферы образования и т. д. Даже Русская православная церковь в последнее время попыталась также принять участие в разработке идеи модернизации современной России. Так что же мешает успешной модернизации страны? Ответы находим разные.

«Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году, – считает председатель правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс. – Модернизации России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет»¹. А сам президент озвучил эти идеи на форуме в Ярославле 17 сентября 2010 г.: «Наверху по поводу модернизации все уже договорились. В процесс нужно включать народные массы. Народ нужно “зажигать”. У русских должно возникнуть чувство модернизации как неизбежности»².

Поэтому и возникает вопрос: а каковы возможность и необходимость модернизации повседневных социально-культурных практик, привычек, нравов россиян? Что и как надо модернизировать?

¹ Акимов В. Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году (интервью с И. Юргенсом) [Электронный ресурс] / В. Акимов // Новый регион. 2010. 15 сентября. URL: <http://nr2.ru/moskow/300609.html> (дата обращения: 02.03.2012).

² Там же.

И надо ли? И если надо, то что этому мешает? Возможна ли модернизация российских нравов «сверху»?

Эти и другие вопросы, связанные с теорией, историей и современными особенностями функционирования нравов российского общества, и явились предметом данного коллективного научного исследования.

Нравы, пожалуй, одно из самых распространенных явлений в жизни человечества. С их проявлениями каждый из нас сталкивается ежедневно и повсеместно. Нравы предстают перед нами повсюду: в экономической деятельности людей, в политических актах, в дружеском застолье, в семейном общении и т. п. Одними нравами люди восхищаются, другими – возмущаются и пытаются им противостоять, к третьим – стремятся или вынуждены следовать.

В современной России в условиях трансформации социальной системы наблюдается огромное разнообразие нравов. Это разнообразие напрямую связано с гетерогенностью российской культуры и проявляется неоднозначно. Во-первых, существенным образом различаются системы ценностей и социально-культурные практики различных социальных (в том числе социально-демографических) слоев населения. В обществе существуют различные субкультуры, находящиеся в противоречивых, а нередко и антагонистических отношениях. Это чревато напряженностью и конфликтностью не только в культурной, но и в социально-политической сфере. При этом мы имеем весьма фрагментарные знания о том, какие реальные нравы практикуются в этих субкультурах, какими ценностями они определяются, какова их направленность и тенденции развития.

Во-вторых, в настоящее время фактически происходит контаминация (смешение, наложение) нравов разных эпох, потому что современные нравы – это, по сути, сочетание новых формирующихся нравов, привычек, культурных практик с теми, которые существуют с советской эпохи.

В-третьих, России всегда было свойственно этническое многообразие, что также находит свое воплощение в различных способах организации повседневной жизни. Наличие этого многообразия нравов (как привычных, стереотипных форм поведения и восприятия окружающего мира, как формы репрезентации ментальности в поведенческих практиках) обуславливает возможность противоречий

и конфликтов между представителями различных социальных (этнических) групп. Особенно осложняется и приобретает актуальность проблема нравов в ситуации усиливающихся трансмиграционных процессов, с которыми столкнулась Россия, начиная с 90-х гг. XX в. Как показывают социологические исследования, проведенные нами в рамках проекта МИОНа «Будущее России: взгляд из центра и регионов» (2006–2008 гг.), коренное население Свердловской области испытывает как минимум «настороженное» отношение к трансграничным мигрантам из ближнего зарубежья. Причины такого, по сути, негативного отношения коренного населения области к трудовым мигрантам кроются, как отмечают респонденты, во-первых, в страхе усиления конкуренции на рынке труда (86,1 %), а во-вторых, в страхе обострения культурных конфликтов (на это указывают 69,3 % опрошенных). При этом местное население Свердловской области боится не процессов миграции как таковых и даже не мигрантов (в том числе и трансграничных). Высказываемые респондентами опасения связаны с тем, что трансграничные мигранты – «чужие», они способны разрушить культуру местного населения, поскольку говорят на непонятном языке, по-русски говорят плохо или совсем не говорят, носят свою национальную одежду, у них свои привычки, обычаи, праздники, гастрономические и музыкальные предпочтения, даже гигиеническая культура нередко имеет свои особенности. Это свидетельствует о том, что фактор культурных различий (особенно на уровне повседневных практик, бытовых нравов) оказывается очень существенным в преодолении возможных конфликтов и выстраивании толерантных отношений мигрантов и принимающего общества.

В этом отношении трудно не согласиться с В. И. Толстых: «Есть в цивилизационной парадигме России какая-то закавыка, какой-то секрет или изъян, который мешает ей доводить дело модернизации до конца, и притом успешного»³. Это дает основание высказать

³ Алгоритмы российских модернизаций. Ведущие: М. В. Масарский, О. В. Доброчеев [Электронный ресурс] // Институт философии Российской академии наук. Клуб «Свободное слово» (Москва, 18 апреля 2001). URL: <http://iph.ras.ru/page50460771.htm> (дата обращения: 05.03.2012).

гипотезу о том, что одним из основных культурных конфликтов нашей страны всегда был конфликт между требованиями, предъявляемыми обществу модернизационными процессами, и устойчивыми стереотипами российской ментальности, закрепленными в нравах. В условиях модернизации социальной системы именно нравы оказываются самыми малоподвижными и консервативными.

Вместе с тем, практическая актуальность проблемы нравов не совпадает с уровнем ее теоретической разработанности. Несмотря на то, что понятие «нравы» широко используется и в разговорном языке, и в художественной литературе, и в научном дискурсе, его употребление носит во многом интуитивный характер. В зависимости от ситуации или контекста, большинство людей понимают, о чем идет речь, хотя и вкладывают в это понятие зачастую очень разные смыслы.

Актуальность исследования нравов как социально-культурного феномена во многом связана и с тем, что нравы – органичная составляющая культуры повседневности. Начиная со второй половины XX в. повседневность как категория входит в исследовательское поле научного знания. Другими словами, культура повседневности значительно влияет на функционирование многих общественных феноменов культуры, так же как и они влияют на нее. И эти процессы и механизмы, безусловно, необходимо изучать. Один из авторитетнейших классиков отечественной культурологии Ю. М. Лотман отмечал, что «быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах... вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение», но, тем не менее, «быт, в символическом его ключе, есть часть культуры»⁴.

Таким образом, нравы как а) генетические составляющие самой культуры, б) ключевое понятие культурологии, в) специфический способ существования культуры повседневности, – являются актуальной, перспективной и творческой задачей и требуют комплексного междисциплинарного (философского, социологического,

⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство – СПб, 1994. С. 12.

культурологического) исследования, воссоздания целостного образа нравов как социально-культурного феномена.

Целью проведенного исследования стал комплексный анализ сущности, содержания, форм и механизмов функционирования и изменения российских нравов в историческом и социально-культурном контексте, исследование возможностей и особенностей их модернизации в современной России.

Методология любой науки – это, прежде всего, стратегия научного исследования, определяющая общее направление научного поиска. Сегодня проблема заключается в том, что не существует какой-то единой общей методологии познания социальных и культурных явлений и процессов. Как справедливо заметил И. Пригожин, «неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается “вид” на всю систему исследовательских методов анализа того или иного научного объекта»⁵. Современное состояние теории и методологии гуманитарных и общественных наук можно охарактеризовать как отсутствие единой научной парадигмы и стремление к установлению методологического плюрализма. Это требует от исследователей обновления методологического и теоретического инструментария, открытости к комбинации имеющихся и разработке новых методов теоретического и эмпирического анализа.

В настоящее время формируется новая методология социокультурного анализа, связанная не с предписыванием исследователям норм и правил исследования, а с выяснением особенностей, проблем и парадоксов, связанных с изучением того или иного объекта, и уточнением познавательного аппарата, арсенала познавательных средств в зависимости от этих особенностей и характеристик. Любая методология обнаруживает свою условность, но не в смысле ненадежности, а в смысле зависимости от определенных условий, к которым могут быть отнесены особенности самого процесса познания, тип изучаемого объекта, степень развития познающего

⁵ Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. С. 100.

субъекта и т. п. Иначе говоря, методология любого исследования по-своему уникальна. И она выстраивается под конкретное исследование, вырабатывая особую стратегию, исходя из специфики именно данного, изучаемого объекта.

В нашем случае таким объектом выступают нравы, которые в силу своей противоречивости, неоднозначности и парадоксальности требуют применения полипарадигмального подхода как наиболее органичной исследовательской стратегии, позволяющей «выйти из круга полемически односторонних эпистемологий как субъективного, так и объективного толка»⁶.

Иначе говоря, концептуальное осмысление феномена нравов также требует обновления теории и выработки новой методологической стратегии исследования, которая позволила бы а) разработать теоретическую модель феномена нравов; б) осуществить реконструкцию нравов на различных этапах развития российского общества; в) определить возможности и перспективы модернизации нравов в современной России.

Поиски адекватной предмету и задачам исследования методологии приводят к необходимости применения полипарадигмального подхода как возможности сочетания предметных областей, подходов и методов различных наук – философии, социологии, культурологии и др. Этот подход позволяет дополнить тенденцию специализации наук стремлением к методологическому и теоретическому синтезу. Он делает вполне допустимым заимствование понятий, теорий, методов разных наук, перенесение их через дисциплинарные границы и включение в проблемное поле конкретного исследования. Именно такой интеграции методов и подходов требует комплексный анализ нравов как социально-культурного феномена.

Полипарадигмальный подход предполагает не системность исследовательских парадигм, а согласованность результатов, получаемых с помощью различных парадигм. Единство исследовательских парадигм в полипарадигмальном подходе понимается нами

⁶ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? / Р. Коллинз // Теория общества. Фундаментальные проблемы : сб. / пер. с нем., англ. ; Ин-т социол. РАН ; Моск. высш. шк. социал. и экономич. наук ; Центр фундамент. социол. ; под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. С. 55.

не в смысле гегелевской логики тождества («принцип диалектического отрицания»), а как «единство многообразия» (Г. Риккерт). Иначе говоря, различные парадигмы находятся в полипарадигмальном подходе не в антитетическом отношении («либо – либо»), а в гетеротетическом («как – так и»).

Полипарадигмальный подход – это своего рода «методологическая триангуляция»⁷ – перекрестная интерпретация одного и того же объекта (в данном случае – нравов) несколькими дополняющими друг друга источниками (исследовательскими парадигмами). Это создает, во-первых, разное «видение» этого объекта, а во-вторых, способствует более полному и разностороннему представлению о нем.

Обращение к исследованию феномена нравов с позиции полипарадигмального подхода означает возможность изучения актуальных процессов социально-культурного взаимодействия в их спонтанности, повседневности. Методологические подходы, сложившиеся в развитии отдельных парадигм, становятся взаимодополняющими инструментами описания и анализа нравов в их статике и динамике формирования и развития в истории российского общества.

В процессе изучения феномена нравов мы опирались на разные теоретические модели («парадигмы»), но на каждую – в своем контексте. Различные исследовательские школы, подходы и научные парадигмы были использованы нами не как «набор альтернатив», а, скорее, как «палитра красок», позволяющих обрисовать российские нравы более полно и объемно, как многогранное явление, в единстве его социальных и культурных, устойчивых и динамичных, универсальных и локальных, объективных и субъективных и других характеристик.

Анализ нравов осуществлялся в трех срезах:

1. Изучение нравов с помощью разработанной теоретической модели, позволяющей рассмотреть структуру нравов, выделить механизмы их формирования, закрепления и воспроизводства в социально-культурных практиках (*теоретический срез*).

⁷ За основу этого условного понятия мы берем определение триангуляции, данное В. В. Семеновой. См.: Семенова В. В. Качественные методы : введение в гуманистическую социологию / В. В. Семенова. М. : Добросвет, 1998. С. 228.

Теоретический срез исследования нравов позволил провести процедуру концептуализации нравов как социально-культурного феномена. Это означает: во-первых, отличить нравы в социально-культурном пространстве от других явлений; а во-вторых, определить место нравов в потоке времени.

Иначе говоря, задача исследования заключалась в попытке ответить на вопросы: каковы типологические характеристики данного явления (процесса)? Каковы его социальные и историко-культурные смыслы? И почему они именно таковы? Каковы родовые и специфические характеристики и функции нравов в их статике и динамике?

Теоретический анализ феномена нравов предполагает конструирование инвариантной модели нравов, позволяющей совмещать реальный и абстрактный планы исследования, а также реконструировать культурно-исторические типы этого феномена и прогнозировать перспективы его развития и модернизации.

2. Реконструкция нравов в контексте динамики российского общества (*исторический срез*) – типизированное описание реальных процессов становления и развития нравов в истории России, основанное на систематических опытных наблюдениях, зафиксированных в исторических, биографических, художественных и научных источниках.

Значительное внимание в предлагаемом проекте было уделено проблеме трансформации нравов в России Нового и Новейшего времени, взаимосвязанности их развития с развитием политическим и экономическим. Была предпринята попытка проследить как изменение нравов в целом, так и эволюцию нравов, обычаев, повседневной культуры различных слоев населения, выявить взаимосвязь нравов с пространственно-временной структурой, с эпохой в целом и историей конкретного места в частности.

Одним из новых направлений исторического среза исследования был анализ российского человека с точки зрения содержания его советского габитуса; исследование способов и институции воспроизводства набора советских культурных практик в постсоветской действительности.

3. Исследование нравов как эмпирической реальности, представленной на уровне определенных социально-культурных групп российского общества в конкретно-историческом пространстве и времени (*эмпирический срез*).

На основе выработанной исследовательским коллективом методологии были рассмотрены современные российские нравы на материале театра и кино 2000-х гг.; нравы художественной среды (советский габитус в современной российской культуре и французский опыт сотрудничества художников); изучен феномен женского чтения как культурная практика модернизации женских нравов и др.

Кроме того, для анализа этого круга вопросов был выработан вариант прикладного исследования нравов в современной России (опрос информантов с помощью метода виньеток), опирающийся на принципы полиметодичности, комплексности и последовательности (этапности). Целью этого исследования стало выяснение когнитивных установок россиян по отношению к существующим нравам. В результате были выявлены границы допустимого и недопустимого с позиций господствующих нравов в разнообразных областях социокультурных практик; определены стратификационные различия и сходство (фиксация типов нравов, господствующих в разных слоях населения); выявлены идеальные типы нравов (фиксация ценностного содержания).

Общая структура и содержание монографии отражают стремление авторского коллектива представить различные аспекты, методы и приемы исследования нравов как устоявшихся социально-культурных практик в повседневной жизни общества.

Монография будет полезна специалистам по теории и истории культуры, социологии, истории, антропологии, интересующимся проблемами повседневности в социально-культурной жизни общества, а также студентам, магистрантам, аспирантам и докторантам социально-гуманитарных направлений подготовки. Надеемся, что знакомство с монографией хотя бы в малой степени будет способствовать преодолению прежней методологической, теоретической и эмпирической неоднозначности понимания обозначенных в ней проблем, а материалы исследования найдут отклик среди специалистов и станут стимулом молодым исследователям для продолжения поисков.

Раздел I

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ВЫРАБОТКИ ИНВАРИАНТНОЙ МОДЕЛИ НРАВОВ

Глава 1

ТИПОЛОГИЯ МЕТАПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ НРАВОВ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

1.1. Состояние проблемы нравов в этических исследованиях

Такие понятия, как «нрав», «нравы» кажутся нам привычными и понятными, постоянно находящимися «на слуху»: от знаменитого восклицания «O tempora! O mores!» («О времена! О нравы!» – Гораций) до выражений «порочные нравы», «провинциальные нравы», «деградация современных нравов» и т. д. Мы все время слышим – «нравы нынешней молодежи», рассуждаем (сетуем и негодуем) об извечном «падении нравов нынешнего века», цитируем классическую литературу: «...жестокие нравы, сударь, в вашем городе, жестокие» (А. Островский). Это понятие – «нравы» – используется и в разговорном языке, и в художественной, и в научной литературе. И, в зависимости от ситуации или контекста, большинство людей понимают, о чем идет речь, хотя и вкладывают в него зачастую очень разные смыслы. Во многом это связано с тем, что на сегодняшний день нет достаточно четкого научного определения

нравов, не говоря уж о развернутых аналитических работах, в которых была бы представлена теория и методология изучения реальных нравов в различных сферах современного общества.

Неоднозначно уже обыденное словоупотребление этого понятия. В русском языке «нрав» этимологически восходит к народному «норов», «ндрав». В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля это понятие объясняется как «...одно из двух основных свойств духа человека, его характер. Ум и нрав образуют дух (норовистый, своенравный, добронравный)»¹. С другой стороны, нравы – это «свойство целого народа, населения, племени, не столько зависящее от личности каждого, сколько от условно принятого, житейских правил, привычки, обычая»². В более современных версиях толковых словарей приводятся два значения понятия «нрав»: 1. То же, что «характер». 2. Обычай, уклад общественной жизни³.

Понятие «нравы» активно используется и в научном дискурсе, однако его содержательное наполнение остается неопределенным. В работах целого ряда авторов (от древнегреческих до современных) это понятие используется, скорее, в иллюстративном контексте, тогда как оно требует теоретического осмысления. Иначе говоря, само определение исходной дефиниции – «нравы» – оказывается весьма острой и актуальной проблемой.

Вместе с тем в истории гуманитарной мысли были попытки таких определений. Так, древнегреческий поэт и философ Пиндар размышлял о «врожденных нравах», т. е. имманентно присущих индивидам (от природы) их внутренних состояниях, реализуемых в повседневном поведении.

Русский мыслитель XVIII в. Симеон Полоцкий в своих стихотворениях и прозаических произведениях (философская проза) писал о зависимости нравов людей от их социального положения, подчеркивая значимость условий жизни в формировании нравов.

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И – О / В. И. Даль. Репр. изд. М. : Терра, 1994. С. 574.

² Там же. С. 575.

³ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1991. С. 420.

Значительный интерес в плане определения нравов и выявления их механизмов представляют взгляды французского философа – просветителя XVIII в. Ш. де Монтескье, изложенные в его книге «О духе законов». Он считал, что за кажущейся случайной цепью событий необходимо усматривать глубинные причины и, более того, важно то, что самые различные нравы, обычаи и мысли людей можно объединить в набор определенных типовых групп. Он писал: «Я начал с изучения людей и увидел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии... Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего»⁴. Сам «дух народа», считал Монтескье, конституируется из законов, обычаев и нравов: «Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их. Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы – действия человека. Между нравами и обычаями есть то различие, что первые регулируют внутреннее, а вторые – внешнее поведение человека»⁵. И еще один очень важный тезис, сформулированный Ш. Монтескье: «...несмотря на многообразие обычаев, нравов и мыслей, их можно распределить, объединив в небольшое число типовых групп»⁶. Таким образом, разнообразие нравов становится осмысленным, если их привести в порядок, сведя к небольшому числу типов или понятий⁷.

Неоднократно обращалась к осмыслению различных проявлений нравов в контексте общественно-политических движений русская философия XIX в. Так, К. Д. Кавелин, размышляя об особенностях общественно-политического устройства Европы, заметил,

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; сост., пер. А. В. Матешук. М. : Мысль, 1999. С. 264.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Проблема типологизации нравов будет рассмотрена в Гл. 3 данного раздела.

что «не формы политической деятельности обеспечивают гражданские и политические свободы: формы их только выражают, а обеспечивают их нравы, привычки, укоренившиеся веками»⁸.

Особое распространение понятие нравов получило в бытописательной литературе, в которой под нравами понимаются нормы поведения, бытующие в определенной общности или среде (отдельной сфере общественной жизни) в определенную эпоху. В современной популярной литературе словом «нравы» обозначается реально существующая (в отличие от декларируемой) нравственность.

Свой контекст вносят в определение нравов этнологи, которые определяют их как разновидность обычаев: «Нравы – обычаи, которые поддерживаются нормами общественной морали, принятыми внутри данной этнической общности, и могут быть подвергнуты нравственной оценке»⁹.

Таким образом, понятие «нравы» традиционно ассоциируется прежде всего с языком морали, нравственности, повседневности, обычаями, традициями, привычными формами поведения.

Современная ситуация с точным определением нравов осложняется наличием близких по смыслу понятий, таких как «нравственность», «ментальность», «габитус», «привычки», «стереотипы» и др. Более того, современные представители разных наук (социологи, этики, культурантропологи, историки, психологи, этнографы, культурологи) определяют данное понятие по-разному, а следовательно, и применяют к анализу соответствующего явления разные исследовательские стратегии.

Долгое время нравы как предмет изучения оставались преимущественно в рамках этических исследований, где они рассматривались как некая производная от близких по этимологии категорий «этика», «мораль» и «нравственность» (С. Ф. Анисимов, Р. Г. Апресян, Л. М. Архангельский, В. И. Бакштановский, В. И. Бачинин,

⁸ *Кавелин К. Д.* Наши недоразумения / К. Д. Кавелин // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М. : Правда, 1989. С. 417.

⁹ Российский Этнографический музей : толковый словарь : Нравы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/glossary/?Нравы> (дата обращения: 30.06.2012).

В. М. Блюмкин, В. Василенко, Л. В. Волченко, А. А. Гусейнов, Ю. В. Согомонов, А. С. Франц и др.). При этом нравы трактовались как повседневная мораль, включающая в себя такие явления как обычаи, привычки, причуды, манеры, обряды и т. д. Во многом эта традиция была задана работами по философии морали И. Канта, который пытался за конкретным многообразием нравов обнаружить всеобщий универсальный принцип (категорический императив).

В известном «Словаре по этике» под редакцией И. С. Кона отмечается связь нравов с «обычаями, имеющими нравственное значение», отмечается их близость с «нормами поведения». Но в то же время, нравы, в отличие от норм, характеризуются не как способ, а как содержание поведения (как именно принято поступать), присущего данному обществу¹⁰. Сходное понимание нравов можно обнаружить и в «Философском энциклопедическом словаре», где, однако, помимо определения нравов как «общественных привычек» есть указания на то, что «нравы» – это те «нормы поведения, которыми непосредственно руководствуются люди», и что «нравы в поведении отличаются от идеалов»¹¹.

1.2. Состояние проблемы нравов в теоретической социологии

Проблематика исследования нравов в социологии имеет весьма специфическую историю. Это заключается в том, что, с одной стороны, наличие нравов подчеркивается в социологической теории начиная с середины XIX в. (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, У. Самнер и др.), но, с другой стороны, полноценных работ, полностью обращенных к этому феномену, практически нет. Фактически проблематика нравов может быть отнесена к разряду

¹⁰ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М. : Политиздат, 1981. С. 216.

¹¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева. М. : Сов. энцикл., 1989. С. 358.

до-теоретических конструкций, т. е. выходящих за рамки предметных проблематизаций, а потому лежащих в пространстве бытовых категорий.

Вместе с тем, рассуждение о наличии структур социального порядка, организующих повседневные практики жизнедеятельности, как показали представители классического этапа развития социологической теории, доказывают необходимость более четкой концептуализации этого понятия в пределах науки. Так, например, в работах классического французского социолога Э. Дюркгейма¹² прослеживается идея о наличии так называемых «коллективных представлений», организующих солидарность в обществе. По сути, речь идет о механизме поддержания целостности общества. Указанные коллективные представления в традиционных обществах в пределах официальной и публичной культуры взаимодействий (носящих, как правило, институциональный характер) находили свое воплощение в религиозных ритуалах, в значительной степени в формировании национальных культур, служили источником вдохновения для создания публичных идеологий и легитимаций существующего, прежде всего, институционального порядка, например, легитимации власти, политического или экономического строя, логики распределения общественных благ и пр.¹³

Но существует и другой пласт существования человека – это пласт повседневности. Именно в пределах этого пласта происходит социализация индивидов, приобщение и укоренение индивида в конкретный социальный порядок. Этот пласт может рассматриваться как своеобразный уклад поведения, мышления и восприятия окружающей реальности. По отношению к этому укладу, как показал,

¹² См., например: Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 208–244.

¹³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр.; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 175–231.

в частности, А. Шюц¹⁴, у индивида образуется «естественная установка», т. е. четкое, но нерелексивное – не проблемное, доверчивое отношение к сложившемуся порядку вещей и своему месту в этом порядке. Само совместное, консенсусное восприятие окружающей реальности становится возможным благодаря ее общим типизациям и идеализациям. Другими словами, взаимодействие в обществе становится возможным благодаря тому, что существуют как бы общие алгоритмы восприятия социокультурной реальности и реагирования на нее.

Великий немецкий социолог М. Вебер показал, что социальное взаимодействие возможно только при условии взаимопонимания партнеров¹⁵. Мы добавим, что семантико-когнитивные формулы хотя и стремятся к полной рационализации деятельности, подтверждают наличие «общих оснований», коренного или генетического единства людей. Общество начинает «работать» в системном режиме, если существует не столько общесистемная идеология (система институциональных правил), сколько практики повседневного поведения, которые базируются на схожих представлениях о том, что правильно и неправильно, хорошо и плохо. Другими словами, единство социального порядка в обществе возможно лишь при условии наличия сходных представлений о должном, границах допустимого в поведении и императивных формулах обоснования деятельности, т. е. о нравах.

Э. Дюркгейм и М. Вебер олицетворяют собой рождение двух мощных метасоциологических парадигм – социального реализма и социального номинализма, в известной степени противопоставляемых друг другу. Наличие места для исследования нравов обнаруживается и в том, и в другом направлениях. Представляется, что одно это свидетельствует о высоком потенциале исследования нравов в социологической теории. Хотя в социологической науке

¹⁴ См., например: *Шюц А. Избранное* : Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М. : Рос. политическая энцикл. (РОССПЭН), 2004.

¹⁵ См.: *Вебер М. Основные социологические понятия* / М. Вебер // Вебер М. Избр. произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.

напрямую обращений к проблематике нравов фактически не наблюдалось, однако более общие механизмы функционирования и развития социального порядка достаточно широко исследуются.

Обратимся к ним более подробно. Усилиями Э. Дюркгейма в рамках социологической теории закрепились позиции социального реализма, суть которого в целом сводится к тому, что общество представляет собой реальность *suī generis*, отличную от природы. Эта реальность относительно свободна от воли конкретных индивидов и связывается с ними посредством институциональных механизмов. Пожалуй, именно благодаря этим методологическим установкам проблематика нравов становится в то время избыточной для социологической теории – фокус был направлен скорее на обнаружение особого статуса общества, легитимацию общего социального порядка и изоляцию индивидуальных и даже групповых влияний (несмотря на распространение процессов демократизации, либерализации и капитализации части социальных взаимодействий). В конечном итоге, идеалом общества становится общество с развитым общественным разделением труда на основе органической солидарности. Э. Дюркгейм подчеркивает необходимость развития не только объективных отношений, связывающих необходимым образом индивидов (через функционально выраженную деятельность), но и моральную связь, которая отвечает за сопричастность к происходящему вокруг, которая порождает некоторые жесткие и безусловные правила поведения и представления о себе и окружающей действительности¹⁶. В части этих представлений и обнаруживаются нравы, своеобразные правила поведения, не закрепленные в законах и правовых нормах и в силу этого выходящие за пределы механизмов традиционного социального контроля. Французский социолог не стал сосредоточивать свое внимание на этом феномене, его захватило исследование разнообразных форм религиозности. Однако можно отметить, что нравы, являясь своеобразной презентацией должного в социальном порядке,

¹⁶ См., например: *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда* / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996.

скрывают в себе явный потенциал укрепления солидаристических настроений в обществе. Нравы ускользают из исследовательского фокуса в силу того, что они обладают известной степенью текучести и подвижности, что мешает их помещать, словно эпидермис чешуи лука, под микроскоп и скрупулезно наблюдать – описывать. Онтологически социальные нравы располагаются в той же плоскости, что социальные нормы, однако они выпадают за пределы механизмов социального контроля. Объяснение этого, по всей видимости, связано с тем, что повседневные практики, исторические обстоятельства жизни народа еще только превращались в объект социологического анализа, интерес к конкретно-историческим механизмам регулирования социального порядка (а по сути, саморегулирования) был только намечен. Однако сложившиеся под влиянием Э. Дюркгейма социологические и исторические исследовательские направления в большей степени были ориентированы на прямую фиксацию нормальных ситуаций безотносительно к исследованию механизмов их регуляции (за исключением описания судебных механизмов и аномических состояний, имеющих непосредственное отношение к социальным нормам). Школа «Анналов» и структурализм хоть и обращали свое внимание на повседневность, но фиксировали ее как наличное (данное) состояние, а нравы фактически рассматривались как своеобразные виньетки, подчеркивающие своеобразность конкретного момента, привычки или ситуации.

Второй метаподход – социальный номинализм – оформился в социологической теории благодаря усилиям М. Вебера, который в своей классической работе «Основные социологические понятия» обращает внимание на то, что социальные нравы – это закрепленные социальные отношения – уже не взаимодействия, но еще не институты. Это переходная форма между уровнем индивидуального социального взаимодействия и жесткой объективированной социальной структурой. Он писал: «Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть нравами, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга объясняется просто привычкой. Нравы мы будем называть обычаем, если фактические

привычки укоренились в течение длительного времени»¹⁷. При этом важно подчеркнуть, что к нравам он относил и моду, манеры, другие формы повседневного массового поведения. Нравы, как и обычаи, нормы, по мнению М. Вебера, способны организовывать текущий социальный порядок. Он не обязательно, но желательно должен быть рефлексивен индивидами и только в этой связи может выступать в качестве опоры для выстраивания социального взаимодействия. По сути, социальные взаимодействия суть субстраты нравов, однако М. Вебер сосредотачивается на фиксации социальных норм и способах их рационализации. Так же, как и для Э. Дюркгейма, для него проблематика нравов выходит за пределы актуальной социологической проблематизации. Нравы, по всей видимости, можно было бы классифицировать как образцы традиционного типа социального действия, поскольку они мало осознаваемы, обычно актуализируются в поведении в виде спонтанных, изначально очевидных и ясных алгоритмов поведения.

М. Вебер, как и Э. Дюркгейм, писал об однородных обществах, в которых редко присутствует качественное разнообразие и несхожесть. Если социальные нормы можно жестко зафиксировать и даже выстроить строгий институциональный или другой социальный контроль над их исполнением (абсолютная социальная норма – это закон, правовая норма), то нравы, в силу их относительно малой влиятельности на социальный порядок, остались за пределами институций. Они, с одной стороны, имеют отношение к системным качествам общества (в силу их относительной распространенности и автономности существования), но, с другой стороны, они представляют собой механизм объективации социального порядка, перевода его из статуса индивидуального в статус доступного для «своих».

Структурно-функциональный анализ как воплощение первой попытки интегрирования социологической теории и практически полное выхолащивание проблематики различения внутри общества, если это различие не угрожает текущему социальному порядку,

¹⁷ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 634.

привел к вытеснению нравов из предметной области мейнстримовой социологии (модернизированного социального реализма) 60–70-х гг. XX в. Даже в советской социологии этот подход негласно использовался (В. А. Ядов, Ю. Левада и др.). В рамках этого направления общий ценностный интерес остался неизменным со времен Э. Дюркгейма: что делает общество целостностью? Ответ на этот вопрос был вдохновлен кибернетикой и успехами в области синергетики. Общество стало рассматриваться как абстрактная система¹⁸. Интерес к рядовому человеку становится вторичным, сам же человек становится зависим от системных приводов. Интерес к повседневной практике и механизмам, ее организующим, временно затухает. Появляется вера в то, что общество будет меняться эволюционным путем, а основная магистраль развития – это углубляющаяся индустриализация и массовизация. Казалось бы, сама социальная логика развития эволюции становится препятствием для развития нравов – они слишком неконтролируемы и независимы от институциональных переменных.

Альтернативой этого подхода становится плеяда теорий, выросших из феноменологической философии и социологии. Наиболее известными версиями становятся этнометодология Г. Гарфинкеля, драманизм И. Гоффмана и социальный конструктивизм Т. Лукмана и П. Бергера. Этих авторов объединяет интерес к исследованию структур повседневного мира – категории, появившейся в социологии благодаря А. Шюцу. Нравы выступают в качестве элемента интерсубъективной реальности – по происхождению они индивидуальны, их субстратом являются структуры мышления и со-знания индивидов. По сути, нравы в рамках этого направления можно рассматривать как элементы естественной установки, дешифрующие социальную реальность, делающие ее доступной и своей. Механизмы идентификации, закрепленные в нравах, таким образом, становятся важнейшим элементом поддержания «знакомости» и доступности социального порядка, а их основанием становится базальное доверие. Нравы не просто проникают в социальную ткань

¹⁸ См., например: *Парсонс Т. О социальных системах* / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002.

взаимодействия, они являются ее неудаляемыми элементами. Вместе с тем, они не могут рассматриваться в пределах только структур сознания и процессов конституирования социальной реальности. Фактически, исследование нравов в рамках указанного подхода становится также тупиковым, поскольку в нем нравы теряют свою интегрирующую и дифференцирующую функции, а значит, перестают работать как маркеры идентификации.

Ситуацию со статусом нравов в социологии старались решать многие современные социологи, но, пожалуй, лучше всего это вышло у французского социолога Пьера Бурдьё. В рамках своего интегрального проекта социологической теории он попытался соединить структурализм (как версию реализма) и конструктивизм (как версию номинализма). Свой подход он называет конструктивистским структурализмом или структуралистским конструктивизмом¹⁹. Приведем для примера цитату, ярко демонстрирующую суть подхода: «Нужно лишь избегать реализма структуры, к которому неизбежно приводит объективизм – необходимый момент разрыва с первичным опытом и построением объективных связей, – когда он гипостазировывает эти связи, рассматривая их как уже установленные реалии вне индивидуальной или групповой истории, но вместе с тем не впасть в субъективизм, не способный учитывать нужды социального мира. Для этого следует обратиться к практике – диалектическому месту *opus operatum* и *opus operandi* – объективированным и инкорпорированным продуктам практической истории, структурам и габитусам»²⁰. Общая идея заключается в особом подходе к фиксации статуса общества и взаимосвязи общества с практической деятельностью индивидов. В пределах этой взаимосвязи нравы обретают свой заслуженный статус, т. е. обретают искомую дуальную природу (промежуточность) – это не институты, чтобы быть слишком объективированными (объективными, независимыми напрямую от индивидов), но в то же время, не настолько устойчивы,

¹⁹ Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё ; [пер. с фр.]. М. : Socio-Logos : Адапт, 1994.

²⁰ Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. социологии : АЛТЕЙЯ, 2001. С. 101.

как социальные нормы (текучи, подвижны, как будто бы феноменальны и волюнтаричны). Общество перестает быть системой – оно становится пространством, организованным из диспозиций. Эти диспозиции определяются типом и объемом капиталов, т. е. объективированных ресурсов, значимых в пределах конкретного социального пространства. К таковым П. Бурдьё относит социальный капитал (его элементом является, например, образование), экономический капитал (в традиционном понимании – деньги, собственность, состояние) и символический капитал (владение «языками» общества, способность находить общий язык, устанавливать связи и поддерживать коммуникации). Единство социального пространства и агента (например, конкретного индивида) определяется масштабами капитала и поддерживается за счет габитуса, представляющего собой согласованные схемы восприятия, мышления и действия: «...габитусы – есть системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагать осознанную направленность на нее и непременное овладение необходимыми операциями по ее достижению»²¹. Габитус, будучи заданным структурными элементами конкретного социального пространства, становится матрицей для проявления индивида в общественных отношениях. Но активность индивида, вместе с тем, заключается в возможности оперировать капиталами (а современное общество заинтересовано в росте капиталов, отсюда, например, массовизация и инструментализация образования). Таким образом, габитус можно рассматривать как воплощение нравов в рамках конкретного социального пространства.

Используя подход Пьера Бурдьё, можно приблизиться к пониманию феномена нравов в современном обществе – они не могут рассматриваться по аналогии с социальными нормами (как это обычно делается), поскольку находятся вне прямого действия

²¹ Бурдьё П. Практический смысл. С. 102.

социального контроля, но они в то же время не могут быть сведены к особенностям индивидуального поведения или индивидуализированных практик. Нравы располагаются как бы между этими уровнями функционирования социальной реальности. Схожесть нравов внутри какой-либо гомогенной группы обеспечивается за счет сходства объективных условий ее существования. Таким образом, несводимые к четко индивидуализированным или надындивидуальным структурам, они занимают промежуточное состояние.

Нравы проявляются в практической деятельности, т. е. опираются на прошлый опыт. Вместе с тем, рассматривать прошлый опыт как жесткую систему детерминации, организующей текущее поведение индивида (наподобие ритуалов или традиций), также не стоит, ибо практика «напитывается» всегда «здесь и сейчас», она способна учитывать требования текущей (актуальной) социальной и согласовывать их с индивидуальной мотивацией. Именно по этой причине нравы обладают весомым потенциалом в организации направлений общесистемных изменений, пронизывающих как социетальный, так и индивидуально-личностный уровни общественных отношений.

Универсальный характер нравов фиксируется в их распространности фактически во всех областях социального пространства. Для демонстрации этого факта достаточно привести примеры распространения нравов в быту, деловых отношениях, гастрономии и практиках принятия пищи среди представителей разных поколений и эпох (советские и постсоветские, например), семейных и родительских отношениях, столичных и провинциальных, гендерных и т. п. Более того, мы можем утверждать, что *не существует социальных практик, в которых бы не фиксировались нравы, не организовывались бы эти практики и не подкреплялись бы ими.*

Тем ярче проявляется необходимость учета нравов при социальном планировании и принятии разнообразных (в том числе управленческих) решений. А для этого необходимо организовывать исследовательскую практику, которая бы позволила снабжать валидными данными соответствующих агентов социальных изменений (реформ, модернизаций, революций, трансформаций и пр.).

1.3. Состояние проблемы нравов в исследованиях представителей и последователей школы «Анналов»

Разработка проблематики повседневности в гуманитарных науках во многом была инспирирована исследовательской деятельностью историков школы «Анналов», обратившихся, среди прочего, к изучению менталитета. Для объяснения феномена нравов в методологии исследований менталитета, в первую очередь, представляется необходимым охарактеризовать понятие «менталитет».

Менталитет является предметом рассмотрения сразу нескольких социально-гуманитарных наук, каждая из которых вносит свою лепту в определение данного понятия. Философский энциклопедический словарь трактует менталитет как «склад ума» или социально-психические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать, а ментальность – как образ мышления, общую духовную настроенность человека или группы, называя ее более широким и вместе с тем менее ясным понятием, чем стиль мышления, характеризующий лишь интеллектуальную предрасположенность к определенным умственным действиям²².

Термин «менталитет» зародился во Франции. Впервые мы находим проблемное изучение национального менталитета и ментальности личности в рамках французской школы «Анналов». Приверженцы культурно-антропологического и историко-психологического направлений М. Блок, Л. Леви-Брюль, Л. Февр, представители первого поколения школы «Анналов», относили понятие «ментальность» к сфере автоматических форм сознания и поведения людей, что роднило понимание менталитета с «формами коллективного бессознательного» К. Г. Юнга.

Начиная с Л. Леви-Брюля категория *mentalite* стала употребляться не столько для характеристики особенностей типа мышления какого-либо социального объединения или этнической общности,

²² См.: Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 487.

сколько для отражения специфики социальной общности в рамках конкретной исторической эпохи.

Л. Февр считал, что благодаря изучению ментальности история получила возможность обратиться к исследованию массового сознания и чувств людей прошлого, чем существенно расширила свою предметную область. По его мнению, это было чрезвычайно важно, так как одним из главных недостатков истории Л. Февр считал «психологический анахронизм» – приписывание мыслей и чувств современного человека людям прошлого. Он говорил, что всегда необходимо учитывать, что каждой цивилизации присущ свой собственный психологический аппарат, который «отвечает потребностям ранней эпохи и не предназначен ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции отдельной цивилизации»²³. Л. Февр настаивал на том, что ментальность общества служит глубинной основой, из которой и формируются важнейшие убеждения личности, и в том числе нравы: «Да и можно ли представить себе человека – в том числе историческую личность – в качестве некоей самостоятельной, независимой, обособленной силы, в качестве первозданного и непосредственного источника творческой энергии, если каждый человек подвержен столь сильным влияниям, дошедшим из глубины веков или порожденным теперешней средой, – влияниям прежде всего языковым и техническим... Все это позволяет сказать, что личность такова, какой ее делают эпоха и общественная среда»²⁴. Отсюда одно из важнейших следствий для дальнейших исследований менталитета и нравов – менталитет, который выступает глубинным психологическим основанием нравов, так же, как и нравы, закрепляется и существует в языке, языковыми средствами преобразуется, в языке осуществляет свое непрерывное становление.

Л. Февр и М. Блок занимались изучением ментальности одновременно, но их подходы к пониманию ментальности были различны, точнее, они смотрели на нее с разных сторон. Л. Февр понимал

²³ *Февр Л. Бои за историю* / Л. Февр ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. М. : Наука, 1991. С. 28.

²⁴ Там же. С. 100.

менталитет психологически, стремился создать историю чувств, а М. Блок социологически, выявить влияние социальной структуры общества на его ментальность.

Предметом исследований М. Блока в первую очередь являлось общество и социальные группы. Отдельный человек интересовал М. Блока исключительно как элемент конкретной социальной группы или общества в целом: «Науке о разнообразном больше подходит не единственное число, благоприятное для абстракций, а множественное, являющееся грамматическим выражением относительности»²⁵. Изучение общественного сознания, которое в своих работах М. Блок довольно редко называл ментальностью, составляет значительную часть его научного наследия. Как правило, М. Блок для обозначения ментальности использовал психологические выражения с приставкой «коллективный» или «общий».

Итак, Л. Февр считал, что у каждой эпохи свой менталитет. Менталитет, по Л. Февру, может быть понят как общественная психология и общественное сознание определенной эпохи. М. Блок дополняет его подход, говоря, что не только каждой эпохе, но и каждой социальной группе присущ свой менталитет. Следовательно, менталитет, по М. Блоку, это специфическое сознание определенной социальной группы. Вместе их концепции дают нам более четкое представление о понятии «менталитет», но, тем не менее, они не дают нам исчерпывающего понимания этого феномена. Таким образом, в трудах этих двух ученых менталитет предстает как общественная психология и общественное сознание той или иной социальной группы в определенную историческую эпоху.

Представители следующего поколения школы «Анналов» Ж. Дюби и Р. Мандру так же, как и Л. Февр, считали, что до XVIII в. «историки не задумывались над тем, что психологические особенности людей далеких эпох существенно отличались от психологии современного человека, что чувства, эмоции, ценностные системы тоже имеют свою историю, и приписывали своим героям

²⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; пер. Е. М. Лысенко. М. : Наука, 1986. С. 18.

те желания и реакции, которые в аналогичных ситуациях проявили бы они сами»²⁶. Ж. Дюби и Р. Мандру рассматривали ментальность как систему определенных образов и представлений. По мнению Ж. Дюби, рождение истории ментальностей обусловило развитие новых социальных наук в конце XIX и начале XX в.

Представляется, что идея, предложенная Ж. Дюби, позволяет высказать гипотезу о том, что нравы как система поведения в том или ином социальном сообществе во многом коррелируют с менталитетом как системой представлений и образов, функционирующих в сообществе, и так же, как менталитет, определяются в том числе и системой образования. Система образования в современном обществе способна выполнять функции конституирования представлений о должном, предписывания этих представлений и легитимации новых образцов. Система образования выполняет эту триединую функцию через нормы языка, нормы поведения, нормы мышления и нормы действия. При этом образование, как адаптивно-адаптирующая система, создает свой метаязык, который позволяет ей говорить как с обществом, для которого образуются новые индивиды, способные нести новую ментальность и новые нравы, так и с самими воспитуемыми индивидами, и переводить значения и смыслы одного субъекта на язык другого, и наоборот.

Ж. Дюби допускал, что существует сходство в ментальных структурах в тех странах, которые можно отнести к одной и той же общественной формации. Т. е. формирование ментальности связано с социально-экономическим положением общества, что приводит к констатации различий в ментальности у разных общественных групп. Следовательно, можно сказать, что ментальность зависит от рода деятельности человека.

Третье поколение школы «Анналов» также внесло свой вклад в развитие понятия «менталитет». Наиболее яркие представители здесь Э. Ле Руа Ладюри и Ж. Ле Гофф.

²⁶ Дюби Ж. История ментальностей / Ж. Дюби // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. С. 18.

Ж. Ле Гофф, не являясь сторонником неподвижной истории, тем не менее соглашается с медлительностью изменения ментальности. Он стремится проследить эти изменения в сфере ценностных ориентаций отдельных социальных групп. Исследуя изменения в ментальности, он неизбежно ставит вопрос о причинах этих изменений и дает вполне конкретный ответ на него: «... экономические преобразования, назревающие там и тут, ведущие к более или менее радикальным, более или менее быстрым сменам воззрений...»²⁷. Он рассматривает исторический процесс как некое взаимосвязанное движение материальной жизни и духовной культуры.

Современный российский историк философии А. В. Перцев, подробно изучающий историю представлений о менталитете в Европе и России, уделяет огромное внимание анализу работ школы «Анналов», а также представляет свою концепцию менталитета. Он ставит в своих исследованиях в области русской ментальности такие вопросы, как: Можно ли изменить русский менталитет? Что это даст России? Почему не были успешными попытки, предпринятые ранее? А. В. Перцев анализирует множество концепций и пониманий менталитета, и выделяет несколько из них, прежде всего «старороссийский менталитет», подразумевая под «старороссийским» то, что на протяжении веков соответствовало специфике русского образа жизни в традиционном, а затем и догоняющем обществах. Также он рассматривает понятие «народный менталитет». Говоря «народный менталитет», А. В. Перцев подразумевает «жизнь», как она понималась философами XIX–XX вв. Он делает вывод, что «менталитет народа есть его системная жизненная философия – ведь только философия может противостоять философии»²⁸. А. В. Перцев отмечает, что, в конечном счете, «народный менталитет остается неосознанным и в сознании народа, так как

²⁷ *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. С. В. Чистякова, Н. В. Шевченко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 29.

²⁸ *Перцев А. В.* Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям). Толерантность. Ч. 2 / А. В. Перцев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 161.

народ не подвергает рефлексии то, что является для него само собой разумеющимся, самоочевидным». Кроме того, А. В. Перцев рассматривает «национальный менталитет» и приходит к выводу, что существует множество трактовок этого понятия, часто исключаящих друг друга. Также он выводит в обсуждение «жизненную философию» народа, говоря, что каждый «человек дела» имеет свою жизненную философию. Но «человек дела» не всегда осознает, что обладает какой-то особенной жизненной философией. Он не подвергает рефлексии свои убеждения, желания, поступки. Этим занимаются «философы по профессии». Они создают все эти категории, концепции и вписывают в них людей и мир «практического дела».

В результате своих исследований А. В. Перцев предлагает несколько составляющих менталитета: 1) акты повседневной жизни; 2) уверенности, лежащие в основе привычных действий; 3) жизненная философия народа: доминирующие «самоочевидные» представления о мире в целом, душе и трансцендентном; 4) профессиональные философия, теология, литература, искусство, наука народа²⁹. А. В. Перцев отмечает, что при таком понимании «философия жизни народа», вплетенная в его повседневную жизнь, может выступать как посредник между повседневной практической деятельностью народа и профессиональной философией.

Интересным является то, что А. В. Перцев отдельно выделяет предпринимательский менталитет: «Возникает предпринимательство – не только как род профессиональных занятий, но и как стиль мышления, связанный с освобождением от плена традиций, от рутины, с поиском нового, с риском ради достижения жизненного успеха. Именно предпринимательский менталитет, предпринимательский стиль мышления и жизни, а не наличие индустрии как таковой является главным отличительным признаком индустриального общества»³⁰. Он сравнивает менталитет предпринимателя – бизнесмена, естествоиспытателя, инженера и техника – и приходит

²⁹ Перцев А. В. Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям). Толерантность. Ч. 2. С. 177.

³⁰ Там же. С. 194.

к выводу, что их союз становится социальным субъектом, создающим индустриальное общество. В этом союзе лидирующие позиции остаются за предпринимателем. Именно предприниматель осознает необходимость кардинального изменения всего общественного строя. Предпринимательское мышление А. В. Перцев называет «рассудком».

Важным моментом для изучения нравов в заявленной исследовательской парадигме также является соотношение понятий «менталитет» и «ментальность». В начале XX в. термин «ментальность» применялся в двух случаях. В обычной речи этим в некоторой степени модным словом обозначались предпочтительно коллективные системы мироощущения и поведения, «формы духа». В это же время он появляется и в научном лексиконе, опять же как «образ мыслей» или «особенности мироощущения». «Современный философский словарь» определяет менталитет как устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающий специфику их реагирования на феномены окружающей действительности. Ментальность, по «Современному философскому словарю», есть общие характеристики индивидов, живущих в одной культуре, но имеющих различные менталитеты ввиду принадлежности к различным социальным слоям³¹.

В своей сущности ментальность представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии. Рассмотрение ментальных особенностей сознания той или иной социальной группы позволяет проникнуть в «скрытый» слой общественного сознания, более объективно и глубоко передающий и воспроизводящий умонастроения эпохи, вскрыть глубоко укоренившийся и скрытый за идеологией срез реальности – образов, представлений, восприятий, который в большинстве

³¹ См.: Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. С. 382.

случаев остается неизменным даже при смене одной идеологии другой. Это объясняется большей, по сравнению с идеологией, устойчивостью ментальных структур.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ментальность – весьма насыщенное содержанием понятие, отражающее общую духовную настроенность, образ мышления, мировосприятие отдельного человека или социальной группы, недостаточно осознанное, большое место в котором занимает бессознательное.

В то же время отдельные исследователи предпринимали попытки установить содержание и соотношение терминов «менталитет» и «ментальность».

Так, одним из первых разграничить эти категории попытался О. Г. Усенко, предложивший определять ментальность как универсальную способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени³². Т. е. индивидуальная ментальность, по сути дела, растворяется в социальном менталитете, что представляется не совсем реальным отражением действительности.

Одну из наиболее интересных точек зрения предлагает российский ученый Б. Н. Миронов. Он отмечает, что понятие «менталитет» не приобрело в исторической науке строгих очертаний и не имеет общепринятого четкого определения. Он подразумевает под ментальностями социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности. Одни и те же ментальности разделяются всеми членами данной общности или подавляющим большинством и обеспечивают каждого отдельного индивида жизненной программой. Менталитет Б. Н. Миронов определяет как совокупность ментальностей: «Взятые в совокупности ментальности образуют менталитет – некую систему, нередко

³² Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» / О. Г. Усенко // Русская история: проблемы менталитета. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 15.

противоречивую, которая, тем не менее, обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться»³³.

Таким образом, обзор основных подходов к рассмотрению категорий «менталитет» и «ментальность» указал на диалектическую взаимосвязь этих понятий. Понятия «менталитет» и «ментальность» в современной научной литературе все чаще используются при культурфилософском анализе социальной действительности, цивилизационных процессов, культуры в целом. Потенциал методологии исследования ментальности и менталитета представляется эвристичным и продуктивным и в плане анализа нравов как социально-культурного феномена повседневности.

1.4. Состояние проблемы нравов в культурантропологических и кросс-культурных исследованиях

Исследования нравов являются традиционными для целого спектра гуманитарных наук – психологического, этнологического, антропологического и лингвистического направлений, а также набирающих обороты межкультурных исследований и коммуникативистики. Современные представители этих наук анализируют близкие по смыслу понятия, такие как «культурно-ценностные ориентации», «ценности», «культурные или поведенческие паттерны», «модели поведения», «стереотипы», «предрассудки», «обычаи», «культурные традиции», «привычки», «национальный характер», «языковая и культурная картина мира», «культурные измерения» и т. д.

Пальма бесспорного первенства среди этих направлений принадлежит этнологии в отечественной традиции и антропологии в западной традиции. Известно, что именно с изучения этносов,

³³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 327.

сначала чисто описательного, в рамках этнографии, а постепенно, с накоплением эмпирического материала, и сравнительного, в рамках этнологии, начался интерес к изучению разных культур. Антропология также начиналась с интереса к человеку в целом и изучала группы человечества вне цивилизованного мира или примитивные культуры.

Неудивительно, в свете сказанного, что одно из первых определений культуры было предложено пионером в области антропологии, классиком эволюционистского направления Э. Тайлором. Это определение культуры стало классическим и использовалось на протяжении многих лет: «Культура... слагается в целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества»³⁴.

Для Э. Тайлора и исследователей эволюционистского направления, доминировавшего в науке XIX в., культура понималась дескриптивно, т. е. рассматривалась как некое целое, которое должно быть разложено исследователем на составные части с целью их дальнейшей систематизации и категоризации. Выделение сходных элементов различных культур было принципиально важным для эволюционизма, потому что затем, на основании культурных характеристик разных обществ, происходило изучение культуры путем сравнения сходных элементов различных культур. Окончательной целью сравнительного анализа было выстраивание эволюции. Это, в свою очередь, означает, что исследование нравов являлось составной частью общих исследований культуры древних стадий развития общества и понималось в морально-нравственном аспекте.

Понятие «нравы» также использовал У. Самнер в работе «Народные обычаи», в которой он анализирует ряд терминов, традиционно используемых в антропологии: «обычаи», «народные обычаи», «традиции», «моральные устои» и «нравы». Термин «нравы» он возводит к греческой традиции использования слова «этика» и «этология», но объясняет, что оно звучит более естественно в латинском

³⁴ Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор ; пер. с англ. Д. А. Корочевского ; предисл. и примеч. А. И. Першица. М. : Политиздат, 1989. С. 18.

варианте «mores». Он приводит классификацию этих понятий и определяет нравы как групповые нормы, имеющие силу предписаний, в которых отразились интересы общего благоденствия группы, отличая их тем самым от прочих видов обычаев: «Мы называем народные обычаи нравами, когда они, в ходе своего развития, начинают включать философские и этические концепции социального благополучия»³⁵.

Изучение нравов являлось одной из первостепенных задач в исследованиях психологии народов (М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт, Л. Уорд), которая тоже развивалась в рамках эволюционизма и пыталась дать психологическое объяснение существующему разнообразию культур. В психологии народов анализируется «дух народа вообще, его общие условия жизни и деятельности, устанавливаются общие элементы и отношения развития духа народа. Во-вторых, более конкретно исследуются частные формы народного духа и их развитие»³⁶. Этот анализ проводится на материале морали, *нравов*, быта, мифов, языков, которые раскрывают перед исследователем уникальность, неповторимость, сущность народного духа, специфику его функционирования, законы развития и существования.

Однако понятие «нравы», в силу уже отмеченной лингвистической архаичности, не стало центральным в антропологии, и большинство коллег Э. Тайлора и У. Самнера больше концентрировались на изучении обычаев, традиций, уникальных культурных, национальных ценностей и образов мышления. Как пишет А. А. Белик, для этого направления было характерно исследование «исторического развития культур... сравнительный анализ их различных типов, изучавший закономерности функционирования и структурной организации, взаимодействие с природными условиями... Независимо от способа, метода, предметной области исследований все

³⁵ Самнер У. Г. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики / У. Г. Самнер ; пер. М. Добряковой // Рубеж. 1998. № 12. С. 27.

³⁶ Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур : учеб. пособие / А. А. Белик. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 49.

они опирались на описания самых различных сторон жизни и быта многочисленных народов, населявших в прошлом Землю и живущих на ней поныне (конкретно-этнографические исследования)»³⁷.

Итак, в фокусе антропологических исследований, предметом их неисчерпаемого интереса всегда была **культура как уникальная форма организации жизни человека**, ее особенности, принадлежащие различным народам, и поэтому в центре пристального внимания всегда были привычные или общепринятые формы группового поведения, гармонично встроенные в систему культуры. Именно поэтому антропология и этнология стали прочным фундаментом для многих междисциплинарных заимствований и пересечений, так как любая попытка анализа группового повседневного поведения должна быть основана на солидной фактологической и научно проверенной информации, касающейся жизненного уклада, традиций, системы ценностей и особенностей картины мира того или иного этноса, нации или этнической группы.

Можно назвать две во многом схожие отечественные дисциплины, которые опираются на мощный фундамент антропологии и этнологии, сложенный учеными не одного поколения и не одной научно-исследовательской школы. Это этническая социология (этносоциология – Ю. В. Арутюнян, Г. М. Андреева, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов, В. А. Тишков, В. А. Ядов, Л. С. Перепелкин, С. В. Соколовский) и этническая психология (этнопсихология – Б. А. Душков, Е. Н. Резников, Т. Г. Стефаненко, О. В. Лунева, А. Н. Татарко, М. Ю. Мартынова), которые динамично и успешно развиваются в нашей стране.

В этих дисциплинах также отсутствует понятие «нравы», хотя, по сути, они продолжают антропологическую традицию изучения культурного разнообразия и обоснования разных форм группового поведения в соответствии с варьирующимися социально-культурными контекстами. В центре внимания этносоциологии находятся «социальная структура народов, особенности социальных

³⁷ Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур. С. 23.

изменений в их среде; миграции; специфика внутрисемейных отношений у народов с учетом социальной дифференциации; тенденции в использовании языков в различных социальных группах; соотношение модернизированной и традиционной культуры, функционирующей в городе и деревне, в социальных группах; межкультурные взаимодействия; этническое самосознание; межэтнические отношения»³⁸.

Большинство российских ученых-этносоциологов работали и продолжают работать в рамках крупномасштабного национального проекта, а их исследования призваны анализировать феномен этнического самосознания или процессов этнической идентификации, структуру этнической идентичности, ее амбивалентность, социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. Также этносоциологи уделяют большое внимание изучению этнических стереотипов восприятия других этносов, стереотипов поведения, природе и механизмам формирования этнических предрассудков.

Этнопсихология считает своей целью раскрыть особенности психологии разных этносов и описать их через формулирование и анализ понятия «национальный характер». Подобный подход свидетельствует о концентрации этнопсихологии еще в большей степени, по сравнению с этносоциологией, на проблемах индивида и психического механизма идентификации. Этнопсихологию чаще всего определяют как «науку о национальном характере» (И. С. Кон) или же науку, предметом исследований которой должны быть «все особенности психических функций, все сочетания психических свойств, которые обусловлены этнической принадлежностью людей независимо от того, являются ли эти свойства врожденными или приобретенными в ходе социализации (и этнизации) индивидов»³⁹.

Однако само понятие «национального характера» в научной среде считается довольно противоречивым: некоторые современные исследователи структуралистского и постструктуралистского

³⁸ Арутюнян Ю. В. Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов. М. : Наука, 1999. С. 3–4.

³⁹ Кочетков В. В. Психология межкультурных различий / В. В. Кочетков. М. : Per Se, 2002. С. 208.

направлений склонны считать его «анахронизмом» или даже «дурным тоном». С ними согласны и многие современные социологи, указывающие на некорректность этого определения в силу его неоперациональности. Поэтому, наравне с понятием «национального характера» или вместо него, вводятся другие теоретические конструкты: «этническое представление» (Н. А. Ерофеев), «психологический склад нации» (С. М. Арутюнян), «иерархическая структура этнопсихологических характеристик». Среди подходов зарубежных этнопсихологов можно отметить теорию «базовой структуры личности» (А. Кардинер, Р. Линтон) и концепцию «модальной личности» (А. Инкелис, Д. Левинсон, Х. Дьюкер).

Таким образом, этносоциология и этнопсихология способны внести ценный вклад в разработку понятия «нравы» через анализ понятий «стереотип», «предрассудок», «национальный характер» и производные от него другие теоретические концепции, которые стремятся преодолеть его противоречивость и неоперациональность. Наиболее ценным также является анализ феноменов этнического и национального, процессов идентификации, которые позволяют индивидам и группам отождествлять себя полностью или частично с определенными этно-национально обусловленными структурами.

Продолжить перечень разных гуманитарных направлений, в которых исследуется понятие «нравы» в таком же латентном варианте, можно разговором о кросс-культурной психологии. Количество исследований в этой области чрезвычайно велико, но среди наиболее авторитетных можно назвать кросс-культурную или культурную психологию (Д. Мацумото, Н. Триандис, Дж. Берри, Н. М. Лебедева), психологию межкультурных различий (В. В. Кочетков) и психологию межэтнической напряженности (Г. У. Солдатова).

Большинство исследований в области кросс-культурной психологии сконцентрированы вокруг понятий «культурная универсалия – культурное различие». По словам Дэвида Мацумото, «в своем наиболее широком виде кросс-культурный подход относится к пониманию истины и психологических принципов либо как универсальных (верных для всех людей, представляющих все культуры), либо как культурно-специфических (верных для некоторых людей,

представляющих некоторые культуры)»⁴⁰. Далее Мацумото следующим образом определяет смысл изучения психологии через призму культуры, включения этого колоссального феномена жизни в корпус психологических знаний и истин путем сопоставления:

- ради того чтобы понять культурные различия;
- для того чтобы научиться уважать и оценивать их;
- ради того чтобы суметь проникнуться культурными различиями, когда это необходимо и когда они имеют место.

Таким образом, кросс-культурные исследования предлагают уникальный материал по исследованию культурных различий, а, как мы подчеркивали во введении, фактор культурных различий играет большую роль в преодолении возможных конфликтов и выстраивании толерантных отношений мигрантов и принимающего общества. Выявление культурных различий может способствовать формулировке особенностей действий, установок, паттернов и способов мышления их представителей, а значит, методология кросс-культурных исследований, которая настроена на анализ и выявление культурных различий, может быть продуктивно привлечена к постановке и решению проблем нравов в современном российском обществе.

Еще одно направление исследований заслуживает внимания в свете постановки проблемы нравов – современные лингвистические исследования, которые тяготеют к анализу языковой и культурной картин мира у представителей разных культур, их «национально-лингво-культурной детерминированности» и ее проявления в дискурсе. Большинство существующих работ в основном касаются области современной лингвистики, лингвокультурологии и этнопсихолингвистики (В. В. Красных, Д. Гудков, В. Г. Костомаров, Н. В. Уфимцева, В. Н. Телия), в рамках которых, к сожалению, проблема нравов также не озвучивается как самостоятельное и актуальное поле исследований. Однако если проанализировать круг тем, которые выделяются лингвистами, то нельзя не заметить их схожесть с проблемами нравов. Наиболее актуальными направлениями в данных исследованиях являются следующие:

⁴⁰ Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. М. ; СПб. : ОЛМА-ПРЕСС : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. С. 20.

- выявление универсальных и национально-специфических черт дискурса;
- исследование национально-культурной составляющей дискурса;
- определение и классификация факторов, обуславливающих национальную специфику дискурса;
- выявление, изучение и описание феноменов, с одной стороны, отражающих, а с другой стороны – предопределяющих специфику национальной картины мира;
- выявление и описание кодов культуры, эталонов культуры, определение культурно-детерминированной метрически-эталонной сферы;
- изучение и описание окультуренных человеком сфер (пространственной, временной, деятельностной и т. д.);
- выявление и изучение базовых оппозиций культуры и древнейших архетипичных представлений, находящих свое отражение в языке и дискурсе⁴¹.

Как видно, эти дисциплины объединяет принципиальная схожесть объектов изучения – язык (для лингвокультурологии) и совокупность речевых событий или ситуаций (для этнопсихолингвистики), а также предмет изучения – национальный дискурс во всем его разнообразии (для этнопсихолингвистики) и единицы языка и дискурса, раскрывающие культурно-исторический пласт (для лингвокультурологии). Различия между ними можно сформулировать следующим образом. Лингвокультурология исследует «фиксацию культуры в языке и проявление ее в дискурсе», в то время как этнопсихолингвистика основное внимание уделяет «национально-лингво-культурной и этнопсихолингвистической детерминированности речевой деятельности, языкового сознания и общения»⁴².

Итак, лингвистические дисциплины предоставляют не только ценный эмпирический материал о представителях нашей культуры, но и еще более ценную методологию исследования таких

⁴¹ Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : лекционный курс / В. В. Красных. М. : Гнозис, 2002. С. 13–14.

⁴² Там же. С. 25–26.

феноменов, как культурная картина мира в ее пространственной, временной и деятельностной составляющих, оппозиции культуры, закрепленные в языке и относящиеся не только к современным, но и к архаическим пластам коллективного бессознательного.

Последнее направление в области гуманитарных исследований, которое очень активно занимается изучением проблем повседневной культуры и межкультурного взаимодействия, группового поведения и культурных моделей, паттернов, принятых в обществе, – это уникальное сочетание исследований в области коммуникативистики и межкультурного взаимодействия. Межкультурные, или кросс-культурные, исследования, изначально возникшие на стыке культурной антропологии и теории коммуникаций, продолжают традиционный для антропологии интерес к изучению культур разных стран и развивают его в сопоставительном или кросс-культурном аспекте. Любое исследование ситуации межкультурного взаимодействия исходит из анализа обычно двух культур на межличностном или межгрупповом уровне, т. е. через процесс взаимодействия двух индивидов или двух групп коммуникантов, идентифицирующих себя с определенной культурной, национальной, этнической, расовой общностью.

Так, С. Г. Тер-Минасова выделяет в качестве ключевых следующие вопросы:

- как соотносятся между собой язык и культура;
- каким образом язык отражает мир, пропущенный через сознание человека;
- каково влияние языка на формирование личности;
- как отражаются в языке и одновременно формируются им индивидуальный и коллективный менталитет, идеология, культура;
- что такое национальный характер и как он формируется языком;
- как языком и культурой создается картина мира – первичная, от родного языка, и вторичная, усваиваемая при изучении других языков⁴³.

⁴³ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М. : Слово/Slovo, 2000. С. 9–10.

Межкультурные исследования также не используют понятие «нравы», однако в центре их внимания находятся проблемы взаимодействия и параллельного сосуществования разных культур, поэтому большинство исследователей межкультурной коммуникации занято разработкой и усовершенствованием методологии, которая позволяет анализировать поведение людей в разнообразных ситуациях повседневной жизни, выделять те модели и паттерны поведения, которые признаются нормативными, общепринятыми, описывать и объяснять культурные различия и фиксировать типичные формы социально-культурного взаимодействия в различных культурах, т. е., по сути, очень многие явления, которые близки или идентичны нравам.

Данные исследования являются одной из наиболее бурно развивающихся отраслей современного гуманитарного знания и объективно считаются научно продуктивным и эффективным подходом среди западных исследователей большинства гуманитарных наук – психологии, культурной антропологии, социологии и лингвистики. Причиной этого является смена парадигмы научного мышления, которая, начиная с постструктуралистского «поворота», на первый план выдвигает реабилитацию различия за счет обязательной смены систем координат любого научного исследования. Кросс-культурный подход хорошо соответствует этим целям, поскольку его теоретические методы постоянно корректируются через сравнение и сопоставление с другими культурами. Это сравнение и корректировка результатов исследования направлены прежде всего на элиминацию европоцентричных подходов. В том числе, это достигается через осознание культурно обусловленной позиции автора и как можно более полное устранение подобной «культурной субъективности» суждений.

Надо признать, конечно, что методология межкультурных исследований является далеко не идеальной, в ней существует множество противоречий и проблем. Например, понятие «культура» в межкультурных исследованиях до сих пор вызывает много споров и характеризуется методологической расплывчатостью, что неудивительно, потому что понятие «культура» обычно обозначает всю

тотальность бытия человека и объединяет все сферы человеческой жизни, деятельности, творчества. Проблема с этим понятием выражается в том, что в межкультурных исследованиях в принципе «межкультурная коммуникация» может быть эквивалентом межнациональной, межэтнической, межрелигиозной, межвозрастной, межпрофессиональной коммуникации, потому что термин «культура» используется в качестве максимально широкого понятия.

Тем не менее, межкультурные исследования характеризуются сильным уклоном в практику, и поэтому они большое внимание уделяют разработке практического и удобного инструментария, позволяющего проводить сопоставительный анализ культурных ценностей, культурных паттернов и моделей поведения, стереотипов и предрассудков, а также поведенческих установок. Одно направление подобных исследований, ставшее традиционным в американской школе межкультурных коммуникаций, – изучение взаимоотношений системы ценностей и человеческой коммуникации, а точнее, обусловленности коммуникативного поведения системой культурных ценностей или культурно-ценностных ориентаций. В истоках этого подхода можно назвать таких ученых, как К. Клакхон и Ф. Стробек, К. С. Ситарам и Л. В. Хаапанен, Дж. С. Кондон и Ф. Юзеф, Г. Хофштеде.

Особенный интерес представляет работа «Изменения в ценностных ориентациях» К. Клакхона и Ф. Стробека, по праву считающихся пионерами этого направления. Эти авторы не только впервые ввели очень важное понятие «культурно-ценностных ориентаций», но и выделили основанные на них пять универсальных проблем, с которыми сталкиваются все человеческие сообщества. К. Клакхон и Ф. Стробек определили ценностные ориентации как сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем. Их теория ценностных ориентаций основана на трех положениях:

1. Люди во всех культурах призваны решать одни и те же общие человеческие проблемы.

2. Набор доступных решений ограничен, но каждое решение в той или иной культуре может иметь разный ранг внутри данного набора.

3. Хотя одно из решений предпочитается членами данной культуры больше других, все потенциальные решения имеются в каждой культуре⁴⁴.

Ф. Клакхон и Ф. Стродбек выделяют следующие пять основных общечеловеческих проблем: 1) отношение к человеческой природе; 2) отношение человека к природе и сверхприродному; 3) отношение человека ко времени; 4) направленность человеческой деятельности; 5) отношение человека к другим людям⁴⁵. Благодаря их концепции культурно-ценностных ориентаций стало возможно накладывать общую матрицу на разные культурные общности и анализировать основные культурно-ценностные ориентации в поведении членов разных культурных групп, а потом сравнивать их с формами социально-культурного взаимодействия в других культурных общностях.

В 1975 г. С. Кондон и Ф. Юзеф переработали и расширили пять категорий К. Клакхона и Ф. Стродбека, добавив еще одну общечеловеческую проблему, с которой сталкиваются разные человеческие общества: я, семья, общество, человеческая природа, природа и сверхприродное⁴⁶. В своем исследовании С. Кондон и Ф. Юзеф также расширили количество ориентаций, приходящихся на каждую проблему, и количество доступных решений. Они также подчеркивали взаимозависимость и взаимовлияние этих ориентаций друг на друга. Важным для исследований культуры является и их утверждение, что все решения присутствуют в каждой культуре одновременно и что члены данной культурной группы вольны выбирать самостоятельно предпочитаемое ими решение, даже если оно противоречит доминирующей установке их группы.

⁴⁴ См. подробнее: *Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variation in value orientation*. New York : Row & Peterson, 1961.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Condon J. C., Yousef F. S. An introduction to intercultural communication* / J. C. Condon, F. S. Yousef. Indianapolis ; New York : Bobbs-Merrill, 1975.

Большое значение для анализа межкультурной проблематики имеют работы, посвященные теориям выстраивания отношений и управлению межкультурными конфликтами, которые принадлежат Дж. А. Девино, А. Альтману и Д. Тейлору, С. Р. Бергеру и Р. Калабрезе, Дж. О. Юму, Дж. М. Чену, С. Тинг-Туми, Дж. Чангу, В. Дж. Старосте.

Нельзя обойти вниманием и более специализированный круг литературы, которая в значительной степени посвящена практическим сторонам межкультурного взаимодействия в области бизнеса, разработки и реализации разноплановых международных проектов (Р. Д. Льюис, Г. Хофштеде, П. Карт и К. Фокс, Ф. Тромпенарс, Г. Триандис). Однако все эти работы носят или популяризирующий, или слишком конкретно прикладной характер, а значит, оставляют обширное проблемное поле для исследователей межкультурной коммуникации.

Важную роль в постановке и решении проблем в области делового общения, маркетинга, менеджмента и организационной культуры играет несколько базовых концепций культуры, разработанных исследователями межкультурной коммуникации. Данные концепции выделяют базовые категории культуры, такие как взаимоотношения, общение, время, пространство, истина, смысл жизни, которые являются ключевыми для понимания процессов взаимодействия в рамках группового повседневного поведения в таких сферах жизни, как профессиональная, личная, семейная, туристическая и т. д. Например, концепция Э. Холла, в рамках которой выделяются монохромные и полихромные культуры, высококонтекстные и низкоконтекстные культуры⁴⁷; концепция «ментальных программ» Г. Хофштеде, которые включают так называемые измерения культуры (дистанцию власти; коллективизм – индивидуализм; маскулинность – феминность; избегание неопределенности)⁴⁸; или выделение моноактивных, полиактивных и реактивных культур Р. Льюисом

⁴⁷ Hall E. T. *Beyond Culture*. New York : Doubleday, 1976.

⁴⁸ См.: Hofstede G., Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York : McGraw-Hill, 2005.

для процесса ведения переговоров⁴⁹; модель корпоративных культур Ф. Тромпенарса⁵⁰.

Ценность этих концепций, несмотря на их разносторонность и разноплановость, состоит в попытке анализа и структурирования группового поведения в процессе межкультурного общения или взаимодействия с целью типологизации группового поведения в разных ситуациях повседневной жизни современных высокодинамичных глобализирующихся обществ, описания стандартных культурных паттернов и моделей поведения в разных сферах жизнедеятельности, анализа культурных ценностей и общепринятых норм. Методология межкультурных исследований может помочь решению наших исследовательских задач в плане уточнения базовых понятий, способствующих адекватному пониманию нравов, выявлению их взаимосвязи и анализу нравов в актуальных социально-культурных практиках российского общества; изучению различных видов и форм проявления нравов в различных сферах общественной жизни.

1.5. Состояние проблемы нравов в культурологических исследованиях

Появление в XX столетии культурологии как особой науки о культуре задало еще один вектор в исследовании нравов. Однако понятие «нравы», занимая одно из ключевых мест в предметном поле данной науки, тем не менее, нечасто выступает предметом детального культурологического изучения. Свидетельством тому – отсутствие определения термина «нравы» в культурологических словарях и энциклопедиях. Исключение составляет «Словарь по культурологии» А. И. Кравченко, где автор определяет нравы как

⁴⁹ См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис ; пер. с англ. Т. А. Нестик. М. : Дело, 2001.

⁵⁰ Trompenaars F., Hampden-Turnek C. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. London : Nicholas Brealey Publ., 1997.

«обычаи, приобретающие моральное значение»⁵¹. Однако такая точка зрения, по существу, повторяет уже ставшую традиционной позицию сведения нравов к нравственности и морали и потому мало что проясняет в понимании этого явления.

Действительно интересная и во многом эвристичная попытка теоретического анализа проблематики нравов в культурологии была предпринята в работах А. С. Франц⁵². Она, изучая соотношение нравственности и деятельности в культуре разных социокультурных групп, предприняла попытку типологии нравов, выделяя три основных типа: альтруистические, моральные, аморальные. При этом А. С. Франц выявила специфику тех базовых ценностей, которые составляют содержание каждого из этих типов. Вместе с тем, А. С. Франц определяет нравы как «стабильные, предельно медленно изменяющиеся, одобряемые обществом или его частью и ожидаемые им от каждого человека нормы поведения людей, воспринимаемые ими как целесообразные»⁵³. И в этом отношении она остается на прежней позиции сведения нравов к моральным нормам, что представляется не вполне правомерным. Если и исходить из заданной И. Кантом парадигмы универсального морального закона, то «нравы» в ряду понятий «мораль» – «нравы» – «нравственность» могут быть рассмотрены через диалектику «всеобщего – особенного – единичного». Мораль – это уровень должного, претендующий на статус всеобщности и безусловности; она всегда безусловна, повелительна (императивна) и претендует на выражение интересов всего общества, всего человечества. Нравственность – это уровень единичного; мера индивидуального долженствования; индивидуально устанавливаемые внутренние границы допустимого / недопустимого, проявляющиеся в поведении. Нравы же – это уровень особенного (массовое, групповое поведение); это мера

⁵¹ Кравченко А. И. Культурология : словарь / А. И. Кравченко. М. : Академический проект, 2001. С. 360.

⁵² См.: Франц А. С. Российские нравы: истоки и реальность / А. С. Франц. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999; Франц А. С. Нравственная культура; стратегия исследования идеального образа / А. С. Франц. Екатеринбург : Изд-во РГПУ, 2005.

⁵³ Франц А. С. Российские нравы: истоки и реальность. С. 37.

реализации должного (морали, права и др.) в привычном, повседневном поведении определенных групп (общностей) людей. Более того, на уровне обыденного восприятия это не столько реализация представлений о должном, сколько представлений о «естественных», само собой разумеющихся, не требующих дополнительного доказательства их необходимости и правомерности способах поведения людей данной социальной группы. Эти различия обнаруживаются и в мотивации поведения. В морали эта мотивация основывается на том, что «Так *должно* поступать людям!» В нравственности – «*Я* должен так поступать!» В сфере нравов мотивация определяется тем, что «Так поступают *все!*» или «*У нас так принято!*».

Вместе с тем, как представляется, проблема нравов обладает не только моральным, но универсальным культурным контекстом. Нравы могут проявляться и как религиозные нравы, и как хозяйственно-бытовые, и как политические нравы, и т. д. И в этом отношении нравы – явление многослойное, неоднозначное, полисемантическое, не сводящееся только к привычным моральным нормам. Более того, содержание нравов не исчерпывается их нормативностью. Нравы есть не только нормы, но и реальные формы поведения людей, система социокультурных коммуникативных взаимодействий, знаково-символических способов репрезентации личности в определенной социально-культурной группе и т. д., т. е. все то, что составляет традиционную сторону образа жизни социума, определяемую характером ментальности. Нравы – это массовое, групповое поведение, содержание которого обусловлено наиболее значимыми для человека представлениями о должном и ценном. Нравы включают в себя оптимальные (для данной группы) в практическом отношении формы социально-культурного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности: от бытовой, повседневной сферы (этикетные нравы (манеры), гигиенические нравы, гастрономические нравы и др.) до религиозных, политических нравов и др.

Таким образом, в самом общем виде можно дать следующее рабочее определение нравов. **Нравы – это стабильные, привычные, повседневные формы реализации должного в социально-культурных взаимодействиях, одобряемые общественным**

мнением той или иной группы людей, закрепленные и постоянно воспроизводимые в их социальной практике в различных сферах жизнедеятельности.

* * *

Обращение к анализу нравов как социально-культурного феномена ставит нас перед проблемной ситуацией, которая заключается в том, что в современных социально-гуманитарных исследованиях не существует какой-то единой методологии анализа социокультурных явлений. Реально имеется ряд сложившихся исследовательских парадигм (метаподходов), находящихся в изолированности по отношению друг к другу. При этом разные исследователи выделяют в качестве ведущих разные метатеории. Так, Дж. Ритцер выделяет три основные парадигмы: «фактуалистскую» (функционализм, теория конфликта), «дефиционистскую» (символический интеракционизм, феноменология, этнометодология) и парадигму социального бихевиоризма (теория обмена и собственно социальный бихевиоризм)⁵⁴. Ю. М. Резник дополняет этот перечень еще тремя метатеориями: «психологистской», «детерминистской» и «культуралистской»⁵⁵. Профессор З. Бауман считает, что в социологии сегодня существуют лишь две ведущие исследовательские парадигмы – «законодательная» и «интерпретирующая»⁵⁶. Но так или иначе, независимо от количества выделяемых исследователями метаподходов, «когда мы ищем социологическое знание, то повсюду находим его осколки и фрагменты... Современной социологии присущи фрагментация и антагонизм»⁵⁷.

⁵⁴ См.: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная системология : пособие / Ю. М. Резник. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 153–159.

⁵⁵ Там же. С. 153–154.

⁵⁶ См.: Бауман З. Философия и постмодернистская социология / З. Бауман // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 46–61.

⁵⁷ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? / Р. Коллинз // Теория общества. Фундаментальные проблемы : сб. / пер. с нем., англ. ; Ин-т социол. РАН ; Моск. высш. шк. социал. и экономич. наук ; Центр фундамент. социол. ; под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. С. 62.

Ситуация осложняется тем, что в гуманитарных науках также сложился целый комплекс метаподходов, которые могут быть применены к анализу нравов как социально-культурного феномена. Большинство этих подходов так или иначе связаны с анализом повседневности как органичной составляющей культуры.

Со второй половины XX в. категория повседневности входит в исследовательское поле научного знания. В последние десятилетия повседневная культура (элементом которой можно считать нравы), как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной науке, исследуется достаточно активно, что обусловлено целым рядом объективных исторических причин и тенденций. Прежде всего, следует отметить смену исследовательской парадигмы, смещение интереса со сферы высокой культуры в область повседневных практик. Этот интерес обусловлен расширяющимся процессом глобализации, который все больше начинает охватывать и повседневную культуру разных стран, в том числе и России. В огромной степени фактором, обуславливающим и определяющим содержание и результативность модернизационных процессов, является повседневность в ее различных измерениях. Культура повседневности, по мнению В. Д. Лелеко, представляет собой «область, в которой проявляются, преломляются магистральные исторические процессы и которая, в свою очередь, оказывает влияние на ход истории»⁵⁸. В этой связи механизмы взаимодействия макро- и микропроцессов социокультурного развития заслуживают глубокого изучения.

На сегодняшний день существует солидная традиция исследования повседневной культуры в социально-гуманитарных науках. Можно выделить следующие подходы к изучению повседневной культуры, в рамках которых был разработан методологический инструментарий для анализа нравов как социально-культурного феномена повседневности.

1. *Исторический подход* (работы А. Терешенко, Н. Костомарова, И. Забелина, Э. Виолле-ле-Дюка, Э. Фукса и др.). Помимо

⁵⁸ Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств, 2002. С. 12.

постановки проблем, которые стали традиционными для исследования повседневности, важным достижением данного подхода стало введение в научный оборот понятия «ментальность», разработанного представителями школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и др.) и активно исследуемого их российскими последователями – А. Гуревичем, Г. Кнабе, Л. Ястребицкой и др.

2. *Семиотический подход* (труды Р. Барта, Г. Кнабе, Ю. Лотмана, Ю. Степанова, У. Эко и др.)

3. *Социологические исследования повседневности* (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и др.). Особое значение в этом плане имеют работы П. Бурдьё, в которых используется понятие «габитус».

4. *Кросс-культурный подход* (Д. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен, Д. Мацумото, Н. Триандис, Н. М. Лебедева, О. В. Лунева, Т. Г. Стефаненко, М. Ю. Мартынова). Главной целью кросс-культурных исследований является проверка универсальности существующих представлений о человеческой психике. Эта проверка проводится на материале разных культур. Целью подобных исследований является последующая верификация полученных результатов и создание на их основе универсальной теории. Данный подход позволяет сопоставить тенденции модернизации в России и результативность модернизационных процессов по сравнению с другими странами и их различными измерениями повседневной культуры. Кросс-культурный подход предлагает единую методологию и практический инструментарий, способные создать общую картину развития современной российской культуры и соотнести изменения в сфере российской повседневности с другими странами, тем самым поместив Россию в общемировую культурную матрицу и прояснив, какие проблемы в трансформации «нравов» испытывает Россия на данный момент.

5. *Антропологический подход* (Э. Тайлор, У. Самнер, М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт, Л. Уорд, А. Крёбер, М. Мосс, М. Дуглас, Л. Уайт, К. Гирц и др.) – один из старейших и наиболее традиционных в исследовании проблем культурного, этнического, религиозного, мировоззренческого разнообразия человеческих групп

и способов их жизнедеятельности. Антропология изначально выделялась как наука о культурах необычных или странных обществ, и поэтому ее всегда интересовали специфические обычаи, обряды, способы организации жилья, питания, обучения и т. д. Антропологический подход позволяет привлечь наиболее длительную традицию исследования других культур, и методологически в нашем распоряжении окажется многообразие исследовательских позиций в понимании и определении культуры как особого образа жизни человеческого общества, что позволит нам проявить гибкость и пластичность в анализе нравов в их историко-культурном контексте, а также нравов как социокультурных практик повседневности.

6. *Коммуникативный подход* (Э. Холл, Г. Хофштеде, К. М. Клакхон, Ф. Строббек, К. С. Ситарам, Л. В. Хаапанен, Дж. С. Кондон, Ф. Юзеф, К. Фокс, Ф. Тромпенарс, Г. Триандис, Т. Г. Тер-Минасова и др.) открывает совершенно новый спектр возможностей в исследовании нравов, потому что исследование нравов как социокультурных практик и форм взаимодействия в некой культурной группе нельзя представить без анализа процесса символической передачи культурно значимой информации, ценностей, опыта и моделей поведения от одного индивида этой группы к другому. Подобный анализ будет возможно осуществить только в рамках коммуникативного подхода, основным тезисом которого можно считать утверждение Э. Холла о том, что культура – это коммуникация, а коммуникация – это и есть культура. Культура, которая рассматривается в повседневном, поведенческом и культурно-ценностном аспектах, выступает уникальным символическим полем, которое рождается, передается, изменяется только в процессе общения или коммуникации между людьми, поэтому исследование нравов должно обязательно включать анализ того, как передаются нравы в рамках одной группы из одного поколения в другое и между разными группами, и как происходит формулирование и актуализация наиболее значимых культурно-ценностных паттернов.

Вместе с тем, многообразие методологических средств (методов) осмысления повседневных практик (в том числе и нравов) не приводит современную гуманитарную науку к выработке системной стратегии исследования повседневности. Объект

исследования – повседневность – распадается в каждом из этих отдельно взятых подходов на различные проекции, что влечет за собой его фрагментарность и отсутствие целостного образа. Возможность преодоления этого «методологического тупика» сегодня видится в отказе от чисто позитивистской методологической установки и переходе на позиции плюрализма, диалога (полилога), полипарадигмальности, заложенные в основу методологии *социокультурного анализа*. Эта новая метатеория связана прежде всего с работами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и др. Среди отечественных исследователей методологию социокультурного анализа применительно к различным явлениям социально-культурной жизни общества разрабатывали Б. С. Ерасов, А. И. Ракитов, В. В. Скоробогатский, Л. С. Лихачева, К. М. Ольховиков, И. Б. Фан и др. Результатом их работы явилось осознание социокультурного подхода как «некоей переходной платформы, выражающей общую направленность исследований, нацеленность на преодоление недостатков старой парадигмы и поиск контуров новой»⁵⁹.

Социокультурная парадигма предлагает признать равноправность ценностей культуры и социальных фактов как элементов общественной системы и рассмотреть социальную реальность как динамичную взаимосвязь, взаимное дополнение и обусловливание ценностей и фактов, что и порождает специфические черты социальной реальности в целом⁶⁰. Социальное и культурное – две стороны одного процесса, или «разные аспекты единого и неразделимого социокультурного мира»⁶¹. Это означает, что любой социальный феномен имеет две стороны – собственно социальную, позволяющую рассматривать социальные феномены (в данном случае нравы) в синхроническом аспекте, и культурную, раскрывающую диахронический аспект этого явления. Единство и взаимосвязь этих

⁵⁹ Фан И. Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина / И. Б. Фан. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. С. 35.

⁶⁰ См.: Там же.

⁶¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. С. 503.

аспектов дают возможность понять нравы как в статике, так и в динамике, как в пространственных, так и во временных измерениях, раскрыть социальные и культурные смыслы.

Этот новый формирующийся метаподход предполагает дополнение объективистского исследования общества как институтов анализом общества сквозь призму мотивируемого культурой субъекта, воспроизводящего и изменяющего само общество и культуру. Социокультурный анализ позволяет использовать исследовательский потенциал других подходов для более многомерного (многогранного) анализа объекта исследования (в данном случае – нравов), в единстве его социальных, культурных и природных характеристик, в соотношении объективного и субъективного, устойчивого и динамического, уникального и универсального, вариативного и инвариантного, и др. Именно социокультурный анализ как вариант новой методологической парадигмы позволяет преодолеть разрыв между классической и модернистской парадигмами и в полной мере раскрыть феномен нравов в трехмерном измерении: пространственном, временном и смысловом.

Глава 2

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ НРАВОВ

Современные российские нравы представляют собой совокупность очень разных по своим основаниям и ценностным ориентациям повседневных культурных практик, нередко противоречащих и остро полемизирующих друг с другом. Поэтому систематизация, классификация, типологизация этих форм повседневности представляют собой актуальную и достаточно сложную научную проблему. Эта проблема осложняется тем, что в научном дискурсе существует несколько близких по смыслу понятий: типологизация, систематизация, классификация, таксономия и др. Поэтому, прежде чем вести речь непосредственно о возможности типологизации современных российских нравов, необходимо уточнить данные понятия применительно к интересующему нас вопросу.

Анализ имеющихся источников⁶² и точек зрения позволяет прийти к следующим выводам.

Типологизация (греч. *tipos* – «отпечаток, форма, образец» и *logos* – «слово, учение») – метод научного познания, направленный на разбиение некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа (идеального или конструктивного).

Типологизацию следует также отличать от классификации, предполагающей нахождение четкого места каждому элементу (объекту) в группе (классе) или ряде (последовательности), при четком проведении границ между классами или рядами (один отдельно взятый элемент не может как одновременно принадлежать разным классам (рядам), так и не входить в какой-либо из них вовсе). К тому же считается, что критерий классификации может быть случайным, а критерий типологизации всегда сущностный. Различают типологизации по процедурам их построения: морфологические и структурные (статические); процессуальные (динамические); генетические; сравнительно-исторические и др. Результатом типологизации выступает обоснованная внутри нее типология⁶³.

Типология (от греч. «отпечаток, форма, образец» и «слово, учение») – метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. Этот термин нередко используется в качестве синонима по отношению к термину «типологизация» или в качестве обобщающей категории для всей сферы типологических предпосылок, понятий, процедур, а также частных и конечных результатов, достигнутых в конкретной исследовательской области. Специфически содержательный смысл термина «типология»

⁶² См., например: Логический словарь : ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова. М. : Мысль, 1994; Горский Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров ; под ред. Д. П. Горского. М. : Просвещение, 1991 и др.

⁶³ См.: Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов ; науч. ред. В. Л. Абушенко, М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. Минск : Б. и., 1999.

раскрывается в контексте отношений «цель – средство – результат»: типология есть результат типологизации, взятый вместе с процессом, ведущим к нему⁶⁴.

Тип – категория, означающая такую совокупность признаков, которая образует внутреннее устойчивое ядро взаимозависимостей и в этом своем виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания. Категория «тип» опосредует отношение между понятиями рода и вида, обнажая внутри «рода» его уникальную, т. е. собственную, структуру и позволяя сократить до минимума «видовое» многообразие, превратив тем самым непосредственное множество во вполне определенное, доступное пониманию. Понятие «тип» употребляется в трех смыслах или может иметь три значения:

- типический, т. е. специфический, характерный, антимодальный, редко встречающийся;
- типологический, т. е. особенный, общий, объединяющий, связывающий;
- типовый, т. е. стандартный, модальный, часто встречающийся, распространенный⁶⁵.

Классификация – попытка определить регулярно встречающиеся типы социальной структуры: общества, организации, отношения. Цель классификации состоит в группировке всех отдельных случаев явления, чьи сходства и отличия от других типов явлений таковы, что оправдывают классификацию для определенных теоретических целей⁶⁶. Классификацией называется как сама процедура разбиения на группы, так и результат разбиения.

Таксономия (от греч. *táxis* – «расположение, строй, порядок» и *nómos* – «закон») – теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих

⁶⁴ Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006.

⁶⁵ Там же. С. 530.

⁶⁶ Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins : Русско-английский, англо-русский. Т. 1 : А – О / Д. Джери, Д. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече : АСТ, 1999.

обычно иерархическое строение (органический мир, объекты географии, геологии, языкознания, этнографии и т. д.). Термин (предложен в 1813 г. швейцарским ботаником О. Декандром) длительное время употреблялся как синоним систематики. В 60–70-х гг. XX в. возникла тенденция определять таксономию как раздел систематики, как учение о системе таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов – таксоны. В современных социальных науках под «таксономией» понимается теория и практика классификации социальной жизни, вырабатываемая социологами в процессе исследований. Таксономия представляет собой один из основных путей упорядочения зачастую хаотичного социального мира и является первым шагом к формулированию теории⁶⁷.

Таким образом, типологизация современных российских нравов, или построение некоей системы типов, т. е. типологии нравов, должно осуществляться с помощью двух важнейших исходных логико-познавательных процедур. Во-первых, как и любая классификация, типологизация нравов, упорядочивание по группам опирается на выбор оснований, критериев классификации.

В качестве оснований могут выступать определенные совокупности показателей, включающие в себя значимые характеристики исследуемого феномена. Применительно к нравам таким основанием может служить социальная структура российского общества. В соответствии с ней можно выделить нравы по следующим признакам.

По социально-демографическим: детские нравы, подростковые нравы, молодежные нравы, нравы взрослых, нравы людей «третьего возраста».

По гендерным: мужские нравы, женские нравы, нравы «третьего пола».

⁶⁷ См. подробнее: Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins: Русско-английский, англо-русский. Т. 2 : П – Я / Д. Джери, Д. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече : АСТ, 1999. С. 316; Лоусон Т. Социология. А – Я : словарь-справочник / Т. Лоусон, Дж. Гэррод ; пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. С. 473.

По социально-профессиональным: студенческие нравы, нравы работников торговли и услуг и др.

По национально-этническим: нравы русских, нравы татар, нравы башкир и др.

По сферам деятельности: экономические нравы, политические нравы, религиозные нравы и др.

По видам деятельности: питейные нравы, сексуальные нравы, застольные нравы и др.

По воспитательным стратегиям и системам ценностей: традиционные нравы, аристократические нравы, гедонистические нравы, прагматические нравы, нигилистические нравы, авторитарные нравы, демократические нравы.

Вместе с тем, каждая из выделенных по данным основаниям типология нравов не является полной и исчерпывающей все многообразие современных российских нравов. В связи с этим логически напрашивается необходимость проведения процедуры типологизации одновременно по нескольким основаниям. И хотя это делает рисуемую нами панораму современных российских нравов более пестрой и менее стройной, но зато более полно отражающей реальную картину.

Таким образом, классификация нравов с необходимостью оказывается многоизмеримой, т. е. осуществленной по нескольким основаниям, исходя из нескольких критериев. При этом проведение классификации по разным основаниям делает ее более громоздкой и приводит к тому, что вычленяемые типы оказываются частично перекрещивающимися. Например, молодежные нравы пересекаются с социально-профессиональными типами (студенческие нравы, нравы рабочей молодежи и др.), гендерными типами (мужские, женские, «третьего пола»), субкультурными (нравы гот, рокеров и др.) и т. д.

Это свидетельствует о том, что исчерпывающая «объективная» классификация/типологизация нравов как социально-культурных практик повседневности на сегодняшний день практически невозможна. Всегда могут обнаружиться такие реальные практики, которые не вписываются в рамки существующих логических

конструкций. Это означает, что каждая такая типология должна выстраиваться для решения каких-то конкретных исследовательских задач как элемент общей стратегии исследования.

Поэтому **второй** важнейшей логико-познавательной процедурой, определяющей типологизацию нравов, является определение познавательных целей (задач) такого классификационного построения.

Именно исследовательские задачи диктуют необходимый набор показателей, которые и должны стать основанием для той или иной типологии нравов. Эти идеи были положены в основу выработки теоретической модели описания современных российских нравов, осуществляемого участниками проекта.

Раздел II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКИХ ПРАВОВ

Глава 1

ПРАВЫ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Процесс модернизации в современной России сталкивается с многочисленными трудностями, поэтому возникает необходимость в выявлении тех особенностей отечественной культуры, которые связываются с повседневными практиками и привычками, актуализирующими национальное и локальное прошлое. Цель настоящего исследования – установить, каким образом взаимодействуют зафиксированные в коллективной памяти образы прошлого и актуальные нравы. Что именно из сконструированных представлений о прошлом – и почему – сохраняется, вытесняется, трансформируется, обретает социальную значимость в нравах сменяющих друг друга поколений?

Обсуждение всего того, что связано с нравами и переменами в них – один из тех случаев, когда теоретическая проблема, являющаяся предметом изучения для культуролога (или представителя иной гуманитарной науки), настолько органично вписана в ткань повседневной жизни, что каждый может с уверенностью назвать себя специалистом по данному вопросу. Однако если начинаешь конкретизировать само понятие, возникает необходимость в его теоретическом осмыслении, а также в исследовании процессов, обеспечивающих формирование, сохранение и трансформацию нравов. Все, что связано с фиксацией и хранением в культуре в целом

и в отдельных обществах в частности, так или иначе связано с проблематикой памяти, с проблемами запоминания и забывания. В данном случае мы имеем в виду не мнемотехнику, которая широко применялась, например, в эпоху античности, или актуализируется сейчас на тренингах, направленных на улучшение свойств индивидуальной памяти. За формирование, сохранение и воспроизводство нравов отвечает, безусловно, коллективная память.

Как уже отмечалось ранее, единого определения понятия «нравы» пока не существует¹, поэтому, говоря о нравах в контексте проблематики коллективной памяти, мы будем иметь в виду некие стереотипные действия, за которыми стоят обычаи, традиции, образцы поведения, сложившиеся в том или ином обществе и воспринимаемые как «правильные» или «привычные». Само наличие нравов, как более или менее устойчивой системы, позволяет предположить наличие общей памяти социума, содержание которой и определяет основные образцы восприятия общества и себя в этом обществе, а также – стандартизированные образцы поведения. Как правило, за этим стоит система ценностей, которая, безусловно, коррелирует с содержанием коллективной памяти.

В свою очередь, в качестве пространства, в котором «удерживается», транслируется от поколения к поколению коллективная память, можно рассматривать повседневную жизнь. Повседневность, основным элементом которой являются стандартизированные образцы поведения, полагается «высшей реальностью» (А. Шюц), базисом, местом приложения основных человеческих сил. Э. Гидденс отмечает, что «условности и традиции повседневной социальной жизни оказываются фундаментальным каркасом социальной жизни, играют первостепенную роль в деле “укрощения” или обуздания источников подсознательной напряженности, которые в противном случае полностью поработили бы нас»². В воспроизведении и распространении представлений о том, как поступать «правильно» с точки зрения членов общества, важнейшую роль играет коммуникативная (социальная) память. Именно наличие коммуникативной

¹ См. подробнее Гл. 1 раздела I.

памяти обеспечивает передачу основных повседневных поведенческих образцов в рамках одного-трех поколений. В данном случае речь идет о коммуникации повседневной, составляющей среды прочего ткань повседневной культуры. В том числе это и те самые практики поведения, обычаи и традиции, которые определяют нравы.

Монотонность и повторяемость привычных действий, рациональный смысл которых зачастую неясен, поддерживают так называемую «онтологическую безопасность», т. е. уверенность в своем будущем существовании. Культура несет в себе набор определенных практик, за которыми закрепляется ощущение порядка и стабильности. Поэтому желание вернуться к прошлому посредством воспоминаний может рассматриваться как проявление культурного механизма по преодолению кризиса. С точки зрения Р. Жира-ра, человек интуитивно ищет в прошлом механизм преодоления «жертвенного кризиса», и культура предлагает ему набор необходимых для этого «образцов» или практик. Однако современная ситуация такова, что культура и история не способны из своего накопленного багажа предложить адекватный алгоритм по выходу из кризиса.

Культурное наследие есть ландшафт памятных мест. В момент встречи с Другим происходит разворачивание изгибов, рельефных границ «мнемонического пространства». Еще М. Бахтин считал, что Другой является необходимым условием существования человеческого «Я». Мы никогда не найдем всей полноты бытия только в себе самих, поэтому Другой является онтологическим условием существования любого «Я», в том числе «Я» помнящего и забывающего.

Таким образом, концептуализация нравов в качестве практик повседневности приводит к постановке следующих вопросов:

- Являются ли нравы способом адаптации, посредством которого «критические ситуации – непредсказуемые ситуации радикального

² Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. С. 19.

разобщения социального целого – самостоятельно встраиваются в размеренную систему социальной жизни»³ и поддерживают состояние «онтологической безопасности»?

• Какова роль коллективной памяти в указанном процессе? Как «следы» памяти, опыт прошлого вписываются в структуру повседневности?

В настоящее время можно говорить об избыточной фиксации на «памяти»: исторической и культурной, персональной и коллективной. Важнейшая особенность в осмыслении памяти – это осознание разрыва, напряженной пульсации между памятью индивида и внеиндивидуальными ее формами. Осмысливая роль индивидуальной памяти для осуществления преемственности, исследователи говорят о надындивидуальных средствах и формах хранения социально значимой информации. Социологи – о «коллективной памяти поколений» или «памяти мира» (Г. Шуман, А. Моль); антропологи и социальные философы – о «коллективном сознании», «духе народа» (Г. Тард, Э. Дюркгейм, П. Блондель); историки – об «исторической» либо «социальной» памяти (Э. В. Соколов, А. И. Ракитов). Таким образом, во всех перечисленных понятиях акцентируются внеиндивидуальные аспекты памяти. В чем заключается отличие? В ответе на вопрос, о конструировании какого прошлого идет речь: актуальные воспоминания, обсуждаемые и «живые», удерживаемые в пределах двух-трех поколений – это, как мы уже подчеркивали, коммуникативная и социальная память. Если память носит институционализированный характер, когда прямых свидетелей событий может и не быть – это пример культурной и исторической памяти, которые предполагают также определенную организацию/разметку пространства, например, в форме музея или архива.

Как в этом случае представить феномен «исторической памяти»? Ответ на этот вопрос предполагает осмысление границы, пролегающей между памятью и историей. Возможно как отождествление памяти, культуры и истории (Д. С. Лихачев), так и, напротив, их

³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального / С. Жижек. М. : Логос, 2005. С. 111.

противопоставление друг другу (П. Рикер). Память – независимо от того, коллективная или индивидуальная, публичная или приватная, – всегда избирательна, специфична. История нередко стремится подчинить себе память, претендуя на последовательность и универсальность. Таким образом, связь культуры и памяти, нравов и исторической памяти не кажется мне столь очевидной. Но, превращая все многообразие исторического наследия в музейные экспонаты, мумифицированные останки, а память в пассивное хранилище следов Истории, мы перестаем обращать внимание на живое присутствие «мнемы» в нашей повседневной жизни.

Историческая память отражается не только и не столько в масштабных процессах; она проявляется через историю того или иного человека, микроисторию или «жизненную историю» (М. Блок). В связи с этим Николай Бердяев в работе «Смысл истории» писал: «Для того, чтобы проникнуть в тайну “исторического”, я должен, прежде всего, постигнуть это историческое и историю как до глубины мое, как до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу ...»⁴. Поэтому, рассуждая о проблемах исторической памяти, мы всегда окажемся на пересечении индивидуального и коллективного, приватного и публичного в пространстве культуры.

Нередко понятие «историческая память» отождествляется с понятием «культурная память». На наш взгляд, все же следует разделять понятия «культурная память» и «историческая память», несмотря на наличие некоторых схожих характеристик. Философ А. М. Пятигорский, отвечая на вопрос, что же такое историческая память, говорит: «Это, прежде всего, направление сознания человека на его прошлое»⁵.

Отдельными авторами «историческая память» трактуется как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, если речь идет о группе, и как социальная память

⁴ Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. М. : Мысль, 1990. С. 15.

⁵ См. интервью А. М. Пятигорского электронному изданию «Новое время» (The New Times) № 29 от 27.08.2007 [Электронный ресурс]. URL : <http://newtimes.ru/articles/detail/10813/> (дата обращения: 30.03.2011).

о прошлом, когда речь идет об обществе, наконец, просто как синоним исторического сознания⁶.

Итак, историческая память – это, скорее, феномен, возникающий при симбиозе исторического сознания и историографии. Историческая память в большей степени ориентирована на восприятие существования человечества как линейного, поступательного процесса, в котором прошлое в целом значительно отделено от настоящего, несмотря на периодическое возвращение к тем или иным историческим событиям. В определениях понятия «историческая память» нередко особо подчеркивается отнесенность к негативно-му опыту народа, его угнетению. Добавим, что в историческом сознании индивидов история, как правило, представляется чередой пиковых событий, связанных либо с негативным опытом, либо, напротив, с триумфами.

Говоря об осмыслении феномена памяти в общем и исторической в частности, можно выделить два варианта ее описания:

1) «консервирующе-монументальный» (Платон, Аристотель, Августин, Дж. Локк, И. Кант, Н. Федоров и др.) – память как хранилище всего предшествующего опыта, которое необходимо оберегать от разрушительной силы забвения;

2) «ретроактивистский» или «динамичный» – память, как «ретроактивная проработка», перестает мыслиться как статический объект (Т. Адорно, Н. Луман, П. Бергер, М. Ферретти и др.).

Выстраивая соотношение между памятью и нравами, мы также можем выделить два возможных варианта его описания и осмысления:

1. Нравы как мера реализации должного в повседневном поведении людей или определенных общностей. В этом контексте Ф. Ницше в «Генеалогии морали» писал: «Чем менее человечество было в “памяти”, тем ужаснее бывало всегда зрелище его обычаев и нравов»⁷. Но в интересующем нас контексте содержание

⁶ См., например: Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Фонд «Университет» : Владимир Даль, 2003.

⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : [избр. произведения]. Кн. 2 / Ф. Ницше ; сост., подгот. текста М. Ш. Ивановой. М. : Сирин, 1990. С. 45.

нравов не исчерпывается только лишь нормативностью. Это реальные формы поведения людей, определяемые характером ментальности. Акцент делается на повторяемости, консервирующем содержании нравов. С точки зрения данного подхода можно объяснить, почему в условиях модернизации социальной системы нравы остаются самыми малоподвижными.

2. Нравы, понимаемые в качестве практик повседневности. В этом случае делается акцент на множественности и процессуальности в понимании исследуемого феномена. Представление нравов в качестве практик повседневности осложняется наличием близких по смыслу понятий: например, «габитус». Обнаруживая связь между понятиями «нравы» и «габитус», мы и в том, и в другом случаях представляем человека как индивида, включенного в исторический процесс. Являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные. Важно отметить, что практика, которая хоть и имеет в своем основании устойчивую схему, сформировавшуюся в определенных социокультурных условиях, предполагает бесконечное число форм своей реализации.

Габитус обеспечивает «активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени»⁸. Мы обладаем способностью присваивать наше отдаленное прошлое и вовлекать его в нашу настоящую жизнь, и эта способность «инкорпорирована», по мнению П. Бурдьё, в человеческую телесность. Габитус в этом отношении можно рассматривать как систему приобретенных, вписанных в человеческую телесность норм, оценок.

Габитус есть деятельное присутствие памяти, продуктом которой он является. В качестве «инкорпорированной истории», ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус придает

⁸ Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. социологии : АЛЕТЕЙЯ, 2001. С. 105.

практикам воспоминания и забывания согласованность друг с другом: «В каждом из нас, в той или иной пропорции, живет вчерашний человек. И это тот самый вчерашний человек, который силой вещей главенствует в нас, поскольку настоящее только в малой степени сравнимо с долгим прошлым, в котором мы сформировались и откуда мы приходим. Однако мы не чувствуем этого человека прошлого, поскольку он инвертирован в нас, он составляет бессознательную часть нас самих. Вследствие этого, мы настроены не замечать ни его, ни его закономерные требования»⁹.

Применительно к исторической памяти и нравам это можно выразить следующим образом:

- во-первых, историческая память не дана нам в качестве трансцендентной реальности;

- во-вторых, образы прошлого конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей и актуализируются в нравах.

Это, в свою очередь, открывает возможность для рассмотрения исторической памяти и нравов не «со стороны», а «изнутри», акцентируя внимание на моментах поддержания/разрыва отношений преемственности между поколениями.

Память способна выдержать испытание временем, лишь опираясь на социокультурный контекст. Индивидуальные воспоминания трудно зафиксировать: они мимолетны и в большей степени изменчивы. Именно поэтому о них помнят только тогда, когда они поддерживаются неким сообществом. Конечно, помнит и забывает отдельный человек, но его воспоминания зависят от «рамок», организующих память. Забвение, в свою очередь, объясняется исчезновением рамок или их части. Таким образом, не только память, но и забвение, как считал Морис Хальбвакс, является социальным феноменом. Точно так же и нравы являются системой практик поведения, одобренных коллективом, а не отдельными индивидами. Складывание системы нравов неизменно оказывается «растянутым» во времени и, следовательно, требует обращения к уже пройденному, требует припоминания того, как делали предшественники.

⁹ Бурдые П. Практический смысл. С. 109.

Таким образом, формирование и установление образцов поведения оказывается привязанным к проблематике памяти: обращение к прошлому через воспоминание о том, «как делали» предки; процесс запоминания того, как «надо поступать», либо, наоборот, процесс забвения.

История трансформации российских нравов дает богатейший материал для анализа названной проблематики. Коренные переломы в политической и культурной жизни страны накладывали отпечаток и на нравы общества, способствуя их дифференциации. Так, только в XX в. было два сложнейших переходных периода: после Октябрьской революции 1917 г. и после распада Советского Союза в 1991 г. (хотя фактически распад начался еще до официальной даты прекращения существования СССР). Тот факт, что революционные повороты касались в первую очередь политического устройства государства, определил, на наш взгляд, и вектор трансформации нравов. В качестве примера рассмотрим дореволюционную эпоху, трехсотлетнее правление династии Романовых. Нравы русского народа складывались почти исключительно как бытовые поведенческие образцы либо как образцы поведения военной или аристократической прослойки общества. Немаловажным являлось также и осознание себя как русского, т. е. национальность на тот момент была важнее политической составляющей в обыденной жизни. И даже когда речь заходила о защите государства, к народу обращались как к «русскому народу» (сравним со знаменитым «россияне»). Политическая составляющая всегда была отстранена от жизни простого человека. И потому система нравов складывалась с таким же четким разделением: простой люд и верхушка общества. Более того, у большинства населения (за исключением незначительной части общества) не в традиции было всерьез обсуждать и осуждать действия правящей элиты. Легитимность власти не подлежала сомнению, и ее существование рассматривалось как изначальная данность.

Свершившаяся революция и свержение дома Романовых раскололи общество. Так в обществе появляются два очень условных лагеря – тех, кто помнит, как жили и думали до революции,

и считающих, что это было правильно, и тех, кто в корне отрекается от своего прошлого и, следовательно, от того, как было завещано жить предками. Коренной слом нравов не означает одномоментный слом. На формирование новой системы нравов и постепенное вытеснение дореволюционных представлений ушли годы. Отметим, что уже в этот период политическое тесно переплетается с повседневным, и отсутствие интереса к политике вызывает подозрения в ненадежности. Начинается активная работа по «созданию» нового, советского человека и вместе с тем складывается система «советских» нравов. С другой стороны, продолжает существовать, хотя уже и на нелегальном положении, воспоминание о потерянном «золотом веке», когда жили так, как жили предки сотни лет до этого. Отсюда – постоянное обращение к содержанию коллективной культурной памяти, что выражается в апелляции к тому, что «раньше/в наше время так не делали, или делали так-то».

Отметим, что немаловажным фактором становится и привязка воспоминаний к конкретному историческому моменту или событию. До революции в этом не было особой необходимости, поскольку история была одна – история правления царской (императорской) семьи. После революции жизнь становится все более насыщенной с исторической точки зрения. Видимо, это можно связать с «молодостью» режима. Дореволюционная Россия последовательно переживала к концу XIX в. период зрелости и упадка, и все основные поведенческие стереотипы уже сложились, прижились и приобрели статус традиционных. Молодое советское государство переживало период «детства» и «юности», когда жизнь кажется гораздо более насыщенной событиями. В этом отношении «проработка» исторического прошлого может рассматриваться как процесс трансформации коллективного опыта: от болезненной травмы до дистанцированного отношения к прошлому как к «другому». Ярким примером манипулирования прошлым, оказывающим влияние на область повседневных практик, является введение «новых», но «хорошо забытых» праздничных дат. Или другой пример, более трагичный, – апрельские события 2007 г. вокруг переноса «Бронзового солдата» – памятника советским воинам – из центра

Таллина на Военное кладбище. Трансформации в исторической памяти – это постоянное «изобретение»; не репродуцирование, а конструирование прошлого. В результате ретроактивной проработки нередко вытесняется все то, что нарушает легитимность и стабильность установленного порядка.

В дореволюционную эпоху наличествовало четкое разделение нравов по принципу социального расслоения, в советскую эпоху это расслоение нивелировалось (по крайней мере – официально), и система нравов была единой для всего советского народа. В постсоветскую эпоху наступает переломный момент, когда отрицание прошлого, на этот раз уже советского, приводит к тому, что система нравов, не имея ни политической, ни культурной платформы, начинает деградировать. Современная российская культура, если характеризовать ее в отношении к прошлому, носит переходный характер, поэтому историческая память оказывается полем для «политической борьбы». Важно отметить, что «проработка прошлого» зависит от того, насколько связанными являются события, образующие каркас представлений о современности. Пока в этой последовательности и связности обнаруживаются разрывы, провалы, незаполненные «места» и «лакуны», пока существует возможность обратного влияния событий на смысл предыдущих (стирающего границу между прошлым и настоящим), процесс «репродуктивной проработки» оказывается не завершен. Как отмечал еще Ф. Ницше, характеризуя мнемотехнические практики, «только то, что не перестает болеть, сохраняется в памяти...»¹⁰. Притупление боли наступает вместе с обнаружением дистанции по отношению к тому, что являлось ее причиной.

В качестве незавершенной, но включенной в ретроактивный процесс может рассматриваться проработка важнейших для постсоветской России событий, связанных с советским прошлым. Эти события симптоматичны. Понятие «симптома» в лакановском смысле как раз и связывается с возвращением вытесненных следов забытого прошлого, которые продолжают «упорствовать» в нашей

¹⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. С. 46.

жизни: «Симптомы являются виртуальными архивами пустоты... они выражают не только прошлые неудачные попытки, но и прошлую неспособность откликнуться на призывы к действию...»¹¹. Но симптом является также и защитным образованием, поскольку удерживает место чего-то, что борется за свое существование в промежутке между припоминанием и забвением. Переход к культурной памяти (по Я. Ассману, это формализованная, оторванная от повседневного опыта, живой коммуникации форма коллективной памяти) всегда связан с обнаружением и признанием дистанции по отношению к прошлому, преодолением состояния «одержимости» им.

Коллективные воспоминания о советском и постсоветском периодах продолжают влиять на настоящее. На первый взгляд, начиная с 1990-х гг., выросли целые поколения («сельцинское», «путинское»), которыми «война в Афганистане», «перестройка», «распад СССР» и др. переживаются не как события личной биографии, а как отвлеченные «книжные» факты. С другой стороны, с позиции старшего поколения, когда государством взят курс на модернизацию, «одержимость» прошлым и отсутствие его конструктивной проработки может восприниматься как угроза обновлению. Поэтому при ответе на вопрос о роли коллективной памяти в процессе воспроизводства российских нравов необходимо учитывать, какой образ коллективного прошлого конструируется различными сообществами вспоминающих; как память о тех или иных событиях связана с временной дистанцией, разделяющей поколения; региональную/локальную специфику коллективных воспоминаний. Так, например, исследование «Память и забвение как феномены культуры», которое было проведено авторами в 2012 г. и в ходе которого были собраны и обобщены интервью с 25 студентами Екатеринбургa и Новоуральска, показало следующее. Для жителей уральских закрытых городов, которые находились на привилегированном положении во времена существования СССР, распад последнего остро переживался не только непосредственными свидетелями

¹¹ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. С. 29–30.

«горбачевской» эпохи, но и младшими поколениями в качестве события «пост-памяти», вторичных воспоминаний.

«... Все в нашем городе связано с заводом... Практически у всех дедушки, бабушки там работали... Как говорят родители, раньше наш город считался “уральской Венецией”. Помню, в детстве ходили даже на парусные регаты. Культурная жизнь была ключом... а после распада Советского Союза все изменилось... дефицит, дефолт и тому подобное...» (жен., 20).

Ощущение закрытости, особенного положения, подчеркиваемый статус принадлежности к заводской жизни – во всем этом проявляется региональная специфика воспоминаний, позволяющая в этом контексте проводить различие между нравами жителя крупного мегаполиса и моногорода.

Специфичным является и восприятие «советского человека – мужчины – женщины».

«Советский мужчина – это рабочий... человек в форме. Сильный, мужественный... Крепкие руки, ясный взгляд, устремленный в будущее» (жен., 19).

«Советский мужчина – рабочий в брезентовом комбинезоне, как на агитплакатах. На плакатах у женщин очень суровые лица, а у мужчин – более радостные, даже возвышенные...» (жен., 20).

«Советский мужчина – как большая советская энциклопедия: знает много разных нужных и не очень нужных вещей...» (жен., 20).

Показательно сравнение этого описания с результатами опроса, проводимого С. Ушакиным еще в 1997–1998 гг. среди старшеклассников – по сути, первого поколения, выросшего в процессе постсоветских трансформаций:

«Советский мужчина – толстенький, лысенький, вечно суется-щийся. Работа всегда на первом месте, важнее всего. Никогда не откажется от стопарика и еды» (жен., 17)¹².

Отличия очевидны. Описание «советского человека» в первом случае – плакатный образ, абстрактное клише. Во втором – конкретный образ, практически целиком состоящий из примет

¹² Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии / С. Ушакин // Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 73.

советской повседневности. В первом случае такие приметы повседневности, детали отсутствуют. Это свидетельство дистанцирования по отношению к прошлому: чем больше деталей, примет повседневности в припоминании, тем в большей степени мы этим прошлым охвачены. Мы видим трансформацию, произошедшую в восприятии «прошлого», и возникновение дистанции по отношению к нему со стороны поколения молодых людей, родившихся в 1990-е гг. Важно также обратить внимание и на отсутствие негативных характеристик в их представлениях о советском человеке.

Очевидны также региональные особенности и в топологической разметке меморативного пространства. Значимые для сообществ вспоминающих события фиксируются, закрепляются в местах памяти – своеобразных культурных локусах, которые важны для ныне живущих в социально-историческом, символическом смыслах: «...Мы вспоминаем о нашем путешествии и посещении памятных мест, расположенных именно на поверхности обитаемой земли... на этом изначальном уровне конституируется феномен “мест памяти”... Они выступают в качестве опорных пунктов воспоминания...»¹³. С точки зрения П. Нора, топологическая «разметка» пространства памяти или процесс мемориализации происходят осознанно, поэтому необходимо организовывать празднования, отмечать юбилейные даты, создавать архивы и «книги памяти», поддерживать деятельность общественных организаций. «Места памяти» «...управляют присутствием прошлого в настоящем», связывая отдаленный исторический период с современностью, способствуя поддержанию коллективной идентичности. Примечателен с этой точки зрения проект «*Roter Faden*», осуществленный несколько десятилетий назад в немецком городе Ганновере, в котором при помощи «красной линии» был обозначен пешеходный маршрут по основным достопримечательностям города. «Свои» линии есть уже во многих городах Европы и России («зеленая» и «красная линии» в Перми, «красная линия» в Тюмени и в Самаре). В мае 2011 г.

¹³ Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 40.

«Красная линия», объединяющая значимые культурные объекты, появилась и в Екатеринбурге. С. Бобунец, например, так выразил свое отношение к проекту: «Очень интересная идея! Хотелось бы, чтобы... проект стал постоянно действующим. Есть шанс пробудить интерес жителей к тому месту, в котором они живут, к тому, что их окружает... Мы, на самом деле, очень мало знаем о самих себе. А для того, чтобы любить свой город и иметь возможность гордиться им, нужно его знать и понимать»¹⁴.

Таким образом, исследование реалий современной России подталкивает к выводу, что система нравов определенно не может строиться на «пустом» месте. Разрушение уже имеющегося и при этом отсутствие внятной стратегии дальнейшего преобразования и развития приводит к постепенной утрате сложившихся поведенческих практик в условиях нехватки новых поведенческих образцов.

В результате проведенного исследования мы выявили: анализ представлений о советском прошлом на микроуровне подтвердил тезис о переходном характере современной эпохи, разрыве в поколениях в плане конструирования образов прошлого. Важно подчеркнуть, что процесс модернизации России сталкивается и будет в дальнейшем сталкиваться со следующими проблемами: во-первых, необходимостью дальнейшей проработки исторического опыта; во-вторых, понимания особенностей тех повседневных практик и привычек, которые оказывают влияние как на конструирование прошлого, так и на восприятие модернизационных процессов в целом.

¹⁴ Ekbredline [Электронный ресурс]. URL: <http://ekbredline.livejournal.com/> (дата обращения: 02.04.2012).

Глава 2

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОЧЕРК НРАВОВ

Характер и состояние духовно-религиозной жизни горнозаводского Урала на протяжении XVIII–XX вв. не раз становились объектом внимания и обсуждения. Существуют свидетельства путешественников, чиновников, священнослужителей, которые пытались описать нравы населения уральских заводов. Важное место при этом отводилось отношению к церкви, специфике религиозности жителей уральских заводских поселков. Большинство из этих оценок диаметрально противоположны: если одни видели на Урале падение нравов, упадок религиозной жизни (а в советский период считалось, что уральские рабочие сплошь атеисты), то другие фиксировали проявления религиозного энтузиазма, напряженность духовной жизни.

Так, в публикациях неофициального отдела пермских или оренбургских епархиальных ведомостей священники отмечали, что «народ здешний проникнут духом религии, духом христианских идей», «к числу отрадных явлений, выражающих религиозное настроение, нужно отнести благоговейное стояние в храме»¹⁵, однако за внешней обрядовой стороной было сложно выявить подлинный характер религиозных чувств. И. И. Шалаев в «Описании Лысьвенского завода» (1857 г.) отмечал: «... что касается до нравственных качеств, то не многие жители завода набожны, но почти без исключения сметливы. <...> В религиозном отношении заботятся только о соблюдении одних обрядов, которые исполняются без душевных убеждений»¹⁶.

¹⁵ Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского, что Осинского уезда // ПЕВ. 1885. № 30. Неофициальный отдел. С. 422.

¹⁶ Цит. по: *Лазарев А. И.* Тип уральца в изображении русских писателей / А. И. Лазарев // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 2. Филология. 1997. № 1 (5). С. 38.

Суждения о характере проявления религиозности в среде горнозаводского населения Урала носят по преимуществу оценочный характер. В своей основе они порождены желанием выразить то, что духовно-религиозная жизнь горнозаводского населения заметно отличалась от привычной. Но с чем могли сравнивать характер, состояние и облик духовно-религиозной жизни горнозаводского Урала? Прежде всего и, наверное, исключительно с жизнью русского крестьянства, русской деревни. Православная вера и жизнь церковных приходов на селе принимали смысл и значение образца, для которого были характерны регулярное посещение церковных служб, вероисповедная практика, благочестивое поведение в храме. С этих позиций оценивали и религиозную жизнь горнозаводского населения (см., например, исповедные росписи, свидетельствовавшие о количестве приходящих к исповеди и причастию, или оценку поведения прихожан в храме: «переглядываний, перешептываний, улыбок, смеху... во время богослужения не допускается... ни один прихожанин... не пройдет и не проедет мимо храма... чтобы не осенить себя знаменiem креста, или даже не помолиться»¹⁷; факты благочестивого поведения: «прихожане Чермозской церкви отличаются благочестием и усердием к храму Божию»¹⁸; встречаются сведения о большом количестве тех, кто посещал публичные чтения в Перми о жизни святых¹⁹; о прихожанах, которые «очень усердны к церковным богослужениям, говению, поминовению умерших»²⁰).

Православная вера и жизнь церковных приходов в том виде, в каком они проявляли себя на селе, бессознательно и некритично принимались за образец исповедания православной веры, пример организации религиозной жизни. Тем самым упущенным оказывалось одно существенное обстоятельство. Горнозаводский Урал

¹⁷ Нравственное состояние Усть-Косвенского прихода // ПЕВ. 1871. № 28. Неофициальный отдел. С. 400.

¹⁸ Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда // ПЕВ. 1876. № 5. Неофициальный отдел. С. 67.

¹⁹ Публичные чтения в Перми о жизни святых в январе и феврале текущего года // ПЕВ. 1880. № 16. Неофициальный отдел. С. 177–178.

²⁰ ГАПО. Д. 1172. Л. 224 об.

в XVIII–XIX вв. представлял собой раннеиндустриальную культуру с характерными типологическими отличиями от традиционной культуры крестьянства, составлявшего абсолютное большинство Российской империи. Могла ли организация духовно-религиозной жизни горнозаводского населения в этих условиях остаться прежней, по существу, крестьянской, не претерпев видимых изменений?

Обращаясь к характеристике крестьянской религиозности, следует обратить внимание на особенности бытования традиционного общества, крестьянской общины и народной культуры. Можно выделить ряд характерных признаков. В первую очередь, это единство людей с природой, зависимость сезонного сельского (ручного) труда от природно-климатических условий, значительная социальная однородность крестьянского мира. Другая важная характеристика – переплетение хозяйственно-производственных связей, внутренняя институциональная нерасчлененность жизни общины, которой соответствует слабая дифференциация регулятивных механизмов социальной жизни, слабая сформированность социальных ролей, преобладание социальных связей личностного типа, замедленный ритм жизни, невыделенность «духовного производства» в отдельный специализированный вид деятельности, большая роль художественно-образного освоения действительности.

Православие определяло весь облик духовной культуры русского крестьянства. Традиционная народная религиозность интегрирует в себе не только собственно религиозные, но и нравственные, эстетические представления. Семейно-брачные отношения, нравственные нормы поведения, формы проведения досуга, различные виды взаимопомощи формировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия. Православные традиции были не только тесно вплетены в канву повседневной крестьянской жизни, но и освящали все ее рубежные события христианскими таинствами (крещения, венчания, отпевания)²¹.

²¹ См. подробнее: *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004.

Циклы и ритмы крестьянской жизни определялись церковным календарем. Церковные праздники являлись ориентирами, с которыми крестьяне соотносили все наиболее значимые события своей жизни. Положение и авторитет крестьянина в общине определялись не только его трудовыми навыками и умением вести хозяйство, но соблюдением им норм христианской морали, личным благочестием. Наблюдение со стороны общины за обязательным посещением церкви было одним из проявлений социального контроля.

Обычно считается, что доминантой крестьянской народной религиозности являлась ее образно-обрядовая составляющая. Но скорее следует говорить о том, что она была выражением особого типа миропостижения, восходящего в своих корнях к архаическому мифо-магическому мышлению, основывающемуся скорее на миропереживании, чем на рассудочном отношении к действительности: «Основная интенция этого типа религиозности направлена к глубинам природно-стихийного бытия. Этот тип религиозности очень связан с интуитивно-чувственно-природной сферой человека. В социальной плоскости важны чувства своего родного дома (национальности), своей территории (родины). В религиозном понимании значительное место занимает суеверные представления: вера в гадания, сны, знахарские способы лечения. Для образно-обрядовой религиозности характерно такое состояние сознания и поведения субъекта, которое отличается повышенными уровнями эмоциональности, нерелексивности, легкостью ассимиляции любых верований, даже противоречащих основному символу веры»²², — отмечает Т. А. Сережко.

Основанием народной религиозности является как относительная стабильность во времени социальной жизни, так и мало меняющийся массив социальной информации, что обеспечивает воспроизведение этой формы религиозности от поколения к поколению.

²² *Сережко Т. А.* О теоретико-методологическом подходе к исследованию религиозности крестьянской субкультуры в современных условиях [Электронный ресурс] / Т. А. Сережко // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 1 (16). URL: http://www.analiculturolog.ru/component/k2/item/269-article_30.html (дата обращения: 05.05.2012).

Как пишет М. В. Ефименко, «такой тип культурно-религиозного развития можно определить как традиционалистско-экстенсивный, достаточно консервативный, охраняющий действие традиционных религиозных структур, поддерживающий специфический уклад жизни, традиционные ценностные ориентации и предпочтения, трудновосприимчивый в религиозной жизни к любым переменам»²³.

На Урале изменения в мироотношении крестьян происходили при более активном общении с городскими жителями или заводчанами. «Оренбургские епархиальные ведомости», в частности, свидетельствовали, что «народ, населяющий село Васильевку, более или менее развитой... что зависит от частого столкновения с городскими и заводскими жителями»²⁴.

Стиль религиозной жизни промышленного Урала генетически связан с крестьянским (он может быть представлен как эволюция последнего). Этому способствовал сам статус крепостных горнозаводских работных людей, по сути, «полукрестьян», не похожих ни на европейских пролетариев, ни на российских фабричных рабочих. Одновременно в жизни края постепенно начинают проявляться новые черты, свойственные раннеиндустриальному обществу.

Нам представляется, что горнозаводский Урал можно отнести к промежуточному раннеиндустриальному типу культуры, сочетающему черты аграрного (с которым он так и не порывает своей связи) и индустриального общества. Более того, в силу ряда исторических обстоятельств (государственной политики, сохранения крепостного права и системы горных округов, отдаленности географического положения Урала) промышленный Урал оказался лишен возможности развиваться естественным образом в соответствии с общей логикой индустриализации.

²³ Ефименко М. Н. Религиозная традиция как фактор регионального религиозного пространства [Электронный ресурс] / М. Н. Ефименко // Третьи Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность : научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург : Димур, 2007. URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=73:iii-&id=1014:2010-08-06-14-31-27&Itemid=195 (дата обращения: 12.05.2012).

²⁴ Село Васильевка (Стерлитамакского уезда) // ОЕВ. 1880. № 14. Неофициальный отдел. С. 542.

Почти на два столетия Урал был превращен в своеобразный промышленный анклав внутри крестьянской России, что привело к консервации специфических форм горнозаводской культуры как неких компромиссных образований, сочетающих и примеряющих в себе черты доиндустриальной и индустриальной культур. Подобная специфика индустриализации края не могла не отразиться на социальном статусе горнозаводского населения, во многом определив не только его социокультурный облик, но и стиль религиозной жизни.

Зависимость от завода, сохранявшаяся связь с землей, низкая мобильность и другие признаки, свойственные положению уральских горнозаводских рабочих как социальной группы, дают основание ряду историков (среди которых Н. Н. Алеврас, Ю. Д. Коробков, Б. Н. Миронов и др.) утверждать, что в их социально-правовом положении сословные черты и характеристики преобладали над классовыми. По существу, признается, что они представляли собой искусственно созданное государством для обслуживания нужд горнозаводской промышленности сословие.

Одной из обсуждаемых базовых характеристик нравов уральских горнорабочих остается их связь с крестьянской культурой. По словам Б. Н. Миронова, «крестьянское происхождение» уральских рабочих, проявлявшееся в сходных моделях поведения, политических представлениях и психологии выживания, «мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению»²⁵. Соответственно, горнозаводского рабочего определяют как «наполовину рабочего, наполовину земледельца».

При этом состав вспомогательных рабочих во многом формировался за счет крестьян, которые, постоянно вращаясь в заводской среде, были непосредственным резервом пополнения постоянного

²⁵ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 343.

рабочего состава. «В уездах горнозаводской полосы Урала (Верхотурский, Екатеринбургский, Златоустовский и часть волостей других уездов), особенно в волостях, где располагались заводы, сельское население и рабочие жили совместно в одних селениях, в общих административно-волостных единицах, все вопросы повседневной жизни решались их жителями на сельских и волостных сходах, которые обсуждали «сплошь и рядом заводские дела»²⁶.

В то же время существуют многочисленные свидетельства и наблюдения, что уральские горнозаводские рабочие осознавали себя особой социальной группой, отличной от ближайшего социального окружения. Они считали заводскую работу своим главным предназначением и гордились ей. Исторические источники постоянно указывают на оговариваемое рабочими «кровное родство» с их «огневой» работой. Так, опрошенные в 1891 г. рабочие мартеновского цеха нижнетагильского завода говорили, что их профессия помимо овладения технической стороной дела «требуется сноровки, выдержки, осмысленного отношения к процессу производства. И вообще, резюмировали они, “не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огневую работу”»²⁷.

Можно согласиться с существующим мнением о том, что в социальной структуре горнозаводского Урала в начале XX в. переплетались процессы незавершенного сословного синтеза горнозаводского населения и его начавшегося разложения. В основе жизни горнозаводского рабочего лежал индустриальный труд, который утверждался в качестве центрального структурообразующего элемента всей жизнедеятельности не только индивидуальной, но и социальной (культ индивидуального мастерства, профессий, появление династий). Важной специфической чертой трудовой деятельности горнозаводского населения Урала была меньшая зависимость труда от сезонности.

²⁶ Гуськова Г. К. Облик рабочих Урала / Г. К. Гуськова // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М. : Наука, 1970. С. 295.

²⁷ Цит. по: Положение рабочих Урала во второй половине XIX и начале XX века (1861–1904 гг.): сб. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 435.

Характер заводского труда не мог не повлиять на специфику проявления религиозности. Так, одной из черт ее является исполнение обрядов. Однако известны факты, когда в горнозаводских центрах к Причастию редко приходили мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На увещевания священника они обычно отвечали: «Некогда нам, батюшка, говеть-то, мы люди рабочие, то надо хлебушко молотить, то в извоз съездить, в лес сходить дровец нарубить. Подушно трясут, а где мы его возьмем, если не станем трудиться; радехоньки бы Богу помолиться, да некогда, видит Бог, некогда!»²⁸ В самой манере общения проявляются не только внешние приметы секуляризации (они прослеживаются и во внешнем облике мастеровых и рабочих людей, и в устройстве быта, приобретающем внерелигиозную окрашенность), но и специфическое личностно-индивидуальное отношение к церковной жизни.

Следующими чертами горнозаводского стиля жизни, обусловившего специфику религиозности, было формирование новых типов поселений – «заводов» (в том числе с регулярной застройкой) как части общего процесса преобразования уральского ландшафта. Вместе с ними создавались системы гидротехнических сооружений, рудников, идет прокладка сети дорог. Одновременно с этим происходила унификация культурного облика жизни, изменение культурных потребностей, появлялся интерес к городской мещанской культуре. Горнозаводское население начинало не только осознавать свое отличие от деревенских жителей, но и активно его демонстрировать в манере поведения, в одежде, способах коммуникации. В. В. Блажес отмечал, что «в среде уральской заводской молодежи сформировался идеал красоты, включающий в себя не только умение хорошо трудиться, но и умение по-новому одеваться, по-новому общаться»²⁹. Есть и свидетельства очевидцев того времени³⁰.

²⁸ Голошубин И., свящ. Случаи из практики сельского священника // Руководство для сельских пастырей. 1889. Т. 3. № 43. С. 280.

²⁹ Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала / В. В. Блажес. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 23.

³⁰ См. подробнее: Голикова С. В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века / С. В. Голикова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 110.

Постепенно в среде горнозаводского населения Урала разделяются духовное производство и потребление – процессы, не знакомые деревне. Следует упомянуть и об еще одном важном факторе, оказывавшем влияние на стиль религиозности горнозаводского населения Урала, – бóльшей плотности межконфессиональных и межнациональных контактов, изначальной пестроте самого горнозаводского населения. В фольклоре горнозаводского населения зафиксировано предание о том, откуда появились Уральские горы, схожее с космогоническим мифом народа манси, с которым пришлось контактировать переселенцам; жители Верх-Исетского завода вплоть до начала XX в. праздновали день Святого Николая как свой собственный праздник, поскольку, когда их переселяли на Урал из Центральной России (из Орловской губернии), приходской священник благословил их иконой Святого Николая.

Схожие сведения встречаются и о жителях целого ряда населенных пунктов на Южном Урале, выходцев из разных регионов Центральной России.

Эти условия формировали новый личностный тип уральца – «тагильского мастера», о котором писал Д. Н. Мамин-Сибиряк³¹. Его отличали такие качества личности, как мастеровитость, независимость, предприимчивость. Это дало определенный повод приписывать уральскому мастерскому или горнорабочему склонность к вольнодумству, в том числе и религиозному, в то время как в горнозаводской среде Урала сохранялись все основные типы благочестия.

В качестве еще одного компонента системы духовно-религиозной жизни горнозаводского населения Урала следовало бы рассмотреть роль старообрядчества в крае. Но ввиду того, что данная тема требует отдельного освещения, мы ограничимся лишь указанием на некоторые черты этого феномена, повлиявшие на состояние и характер народной религиозности в крае.

Находясь в оппозиции к официальной церкви, лишенные опоры на государство, старообрядцы привыкли опираться на свои

³¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск : Свердловгиз, 1947. С. 333.

собственные силы (Церковь находится только там, где исповедуется живая православная вера). Со старообрядцами связано появление в России, а потом и на Урале, особого типа религиозности, который характеризовался активностью вероисповедания, строгостью в соблюдении религиозно-этических норм, преданностью конфессиональным принципам, религиозным рационализмом, аскетизмом, методизмом, обостренным эсхатологическим чувством. Постоянная, в том числе и богословская, полемика с господствующей церковью, а затем и между различными согласиями староверов, способствовала распространению в их среде грамотности, религиозной образованности. Вся организация повседневной жизни старообрядца была тщательно соотнесена с целями спасения личности.

Истовая приверженность своей вере, апелляция к древним традициям церкви и национальной жизни служили основой духовного авторитета «ревнителей древнего благочестия» в народной среде. В отличие от старообрядца, писал Н. И. Костомаров в статье «История раскола и раскольников», именно «простолудин православного вероисповедания, как его деда и прадеды, очень часто отличался холодностью к религии, невежеством и безучастием к области духовного развития»³².

В. Г. Сенатов в работе «Философия истории старообрядчества» (1908–1912) отмечал в связи с этим: «Историк старообрядчества на протяжении двух с половиной веков постоянно наблюдает борьбу между господствующей церковью и старообрядчеством. <...> Вместе с этим ему почти вовсе не приходится изучать факты столкновения между чисто народными массами и господствующей и старообрядческой. <...> В момент появления старообрядчества и народ не усматривал никакой разницы между собою и приверженцами старины. Одни прямо и открыто шли за вождями старообрядчества, другие сочувствовали им втайне. Эти делили

³² Костомаров Н. И. История раскола у раскольников / Н. И. Костомаров // Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М. : Чарли, 1994. С. 291.

свою привязанность к видимому храму с преданностью старой вере: на старую веру они смотрели как на чистое и благодетельное житие, а на новую – как на немощь греховную»³³.

Это, однако, не исключало резко отрицательного отношения старообрядцев к проявлениям народной религиозности. Борясь за сохранение истинно православной веры с официальной церковью, находясь вне государства, старообрядцы должны были одновременно прилагать усилия к тому, чтобы избежать угрозы превращения в «народное православие». Они рано осознали необходимость борьбы с народными поверьями и обычаями, не говоря уже о колдовстве, считавшемся страшным грехом. Подобное, правда, не исключало того, что, по мнению ряда исследователей, в комплексе религиозных представлений самих старообрядцев (беспоповцев и поповцев) оставались верования и культовые практики, имевшие по существу дохристианские корни (одно из которых – традиция почитания объектов окружающего мира и особые культовые практики, связанные с этим).

Место старообрядчества в системе духовно-религиозной жизни горнозаводского населения Урала оказалось в значительной степени определено необходимостью для староверов решать проблемы своего собственного существования, своей внутренней организации, отстаивания своих религиозных убеждений. Такое положение не исключало распространения не столько религиозного в узком смысле, сколько духовного влияния старообрядчества в народной среде. И в этом смысле оно служило одной из опор народной религиозности.

Православная церковь сохраняла на горнозаводском Урале свое место в качестве обязательного элемента социальной и духовной жизни, но уже не в том прежнем всеобъемлющем смысле, какой она имела в жизни крестьянской общины. Проявлялось это в том, что мастеровые и работные люди начинали больше проявлять личностное и индивидуальное начала (в том числе в вопросах веры), связанные, в частности, с их более высоким уровнем грамотности.

³³ *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. Т. I–II / В. Г. Сенатов. М.: Изд. Союза старообрядческих начетчиков, 1908–1912 [Электронный ресурс]. URL: <http://oldbelief.chat.ru/senatov/philos.htm#ed> (дата обращения: 07.02.2012).

В архивных документах встречались сведения о споре в здании Каслинского завода между старообрядцем и представителем ортодоксальной традиции о вере³⁴, о жителях Косулинского прихода Челябинского уезда «Оренбургские епархиальные ведомости» сообщали, что местные жители «нередко сами вступают в прение с раскольниками об истинах веры. Например, во время ярмарки один раскольник что-то читал своим единомышленникам, доказывая, что в настоящее время “несть церкви Божией”, на что православный из толпы сказал: “Кроме Божьей церкви нигде же несть спасения”»³⁵.

Можно обратиться к историческому материалу – исповедным росписям, в которых отмечалось количество верующих из числа горнозаводского населения, приобщавшихся к церковным таинствам.

Положение православной церкви как государственного института в Российской империи в XIX в. регламентировало многие стороны жизни общества. С петровских времен посещение церкви вменялось в обязанность всем прихожанам, строго отслеживалось количество исповедовавшихся и причастившихся прихожан, о чем делались записи в так называемых исповедных росписях. Несмотря на усилия властей, исповедные росписи на уральских заводах показывают, что число бывших у исповеди среди горнозаводского населения с течением времени не оставалось неизменным. Это дает основание предположить, что вопрос об отношении к исповеди как Таинству Церкви в среде горнозаводского населения определялся не только официальным статусом православной церкви как государственного института, но и был выражением действительного отношения человека к вере. Это позволяет рассматривать вопрос отношения к исповеди как один из показателей, характеризующих состояние религиозности горнозаводского населения.

Мы привлекли в качестве объекта исследования исповедные росписи Выйско-Николаевской церкви³⁶ (Нижний Тагил), охватывавшие промежуток времени с 1846 по 1866 гг. Их анализ свидетельствует,

³⁴ ГАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 18. Л. 2.

³⁵ Косулинский приход Челябинского уезда (историко-статистический очерк) // ОЕВ. 1899. № 7. Часть неофициальная. С. 274.

³⁶ ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 12, 18, 19, 24, 28.

что существовала определенная динамика отношения к исповеди у различных слоев горнозаводского населения. Согласно им, среди тех, кто исповедался и причастился с 1846 по 1849 гг., наблюдаются временные спады и подъемы. С 1848 по 1856 гг. наблюдается некоторый рост в этой категории прихожан, затем снижение (к 1860 г.), которое к 1866 г. становится постоянным. Если в 1858 г. исповедалось и причастилось 45,6 % к общему числу всех прихожан, то к 1866 г. – только 23 %. В этот период растет число тех, кто не был у исповеди. Показательно, что среди крестьян те, кто исповедался и причастился, в конце 1840-х гг. составляют более 70 % от всех прихожан данной группы, а с середины 1850-х гг. наблюдается неуклонное снижение. По-видимому, эта тенденция связана с начавшимися реформами 1860-х гг.: «Отмена крепостного права в 1861 г. больно ударила по экономике края: коренная ломка старой феодально-крепостнической структуры требовала иной социальной организации промышленного производства»³⁷, – и свидетельствует не столько о потере религиозного чувства, сколько о взаимообусловленности социальных процессов.

В ряде источников отмечается, что юридическая практика ведения дел о святотатстве, кощунстве и богохульстве может выступать в качестве свидетельства о серьезных трансформациях в религиозном сознании, а преступления, которые можно сопоставить со смертными грехами (самоубийство, убийство и пр.), говорят о падении нравов и ухудшении религиозно-нравственного состояния населения. Однако наши изыскания³⁸ и исследования, проведенные О. В. Никифоровой, не позволяют сделать столь однозначного вывода.

Любые попытки посягательства на православную веру рассматривались в Российской империи как попытка подрыва государственных устоев. Святотатство, богохульство и кощунство в XIX в.

³⁷ *Артемова Е. Т.* Урал / *Е. Т. Артемова, А. В. Бакунин, В. Д. Викторова, Д. В. Гаврилов* // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : УрО РАН, 1998. С. 530.

³⁸ См. подробнее: *Мурзин А.* «Иконы красит, а церковь грабит»: уголовное дело о святотатстве, богохульстве и кощунстве в Пермской области / *А. Мурзин* // Родина. 2010. № 4. С. 56–58.

относились к тяжким уголовным преступлениям. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» первой половины XIX в. святотатством признавалось «всякое похищение церковных вещей и денег». Богохульством и кощунством считалось публично проявляемое в той или иной форме посягательство на все то, что признавалось церковью божественным или священным. Наказание за эти преступления было суровым: богохульство, например, в зависимости от обстоятельств каралось тюремным заключением, каторжными работами на срок до 12–15 лет или ссылкой в «отдаленнейшие районы Сибири». В Государственном архиве Свердловской области сохранился ряд уголовных дел о святотатстве (краже церковных предметов), богохульстве и кощунстве, рассматривавшихся в Екатеринбургском уездном (позже – окружном) суде Пермской губернии в XIX в.

В Государственном архиве Свердловской области уголовные дела о святотатстве, богохульстве и кощунстве занимают около 1 % от общего количества уголовных дел Екатеринбургского уездного суда и Екатеринбургского окружного суда. Как видим, это ничтожно малые цифры. Однако если посмотреть на само количество уголовных дел такого рода вне зависимости от их процентного отношения к общему количеству всех уголовных дел Екатеринбургского уездного суда и Екатеринбургского окружного суда, то обнаружится резкий рост дел о богохульстве и кощунстве к концу XIX – началу XX в., в то время как в начале XIX в. и в XVIII в. такого рода дел нам обнаружить не удалось.

По этим документам можно проследить следующую динамику. Если в 1890 г. процентное соотношение такого рода преступлений к общему числу всех преступлений составляло 2,4 %, то к 1892 г. – 9,6 %. К 1905 г. прослеживается тенденция к резкому снижению числа преступлений против веры, а к 1906 г., напротив, обнаруживается резкий рост их числа. Далее прослеживается резкое снижение числа таких преступлений к общему числу остальных преступлений по сравнению с 1906 г., в 1912–1913 гг. наблюдается их некоторый рост и затем резкое снижение к 1914 г.

В динамике роста числа преступлений против веры к общему числу остальных преступлений обнаруживаются два «пика» их роста. Это 1892 г. (9,6 % к общему числу всех преступлений) и 1906 г. соответственно (14,7 % к общему числу всех преступлений). Первый «пик» роста числа преступлений против веры к общему числу остальных преступлений можно связать с социально-экономической ситуацией на Урале в этот период времени – это годы нараставшего кризиса уральской промышленности, сложных попыток ее модернизации, обострения социальных противоречий. По-видимому, социально-экономическая ситуация отразилась на том, как горнозаводское население Урала относилось к церкви как государственному институту и православной вере.

Подтверждением этого могут служить следующие факты: среди крестьян (в том числе и среди живших при горных заводах в Пермской губернии) наблюдается рост числа осужденных за преступления против веры (как мужчин, так и женщин). Среди женщин прослеживается такая динамика: если в 1890 г. число осужденных женщин-крестьянок от общего числа осужденных за преступления против веры всех сословий составляло 23,3 %, то в 1892 г. – 11,8 %. По-видимому, рост и снижение количества женщин среди крестьян, осужденных за преступления против веры, можно также объяснить социально-экономической ситуацией, связанной с кризисом уральской промышленности 1890–1892 гг. Это подтверждается и тем, что отношение общего числа женщин, осужденных за преступления против веры (вне зависимости от сословий), к общему числу женщин, осужденных за остальные преступления, за 1890–1892 гг. возрастает с 10 до 17 % соответственно.

Следующий «пик» роста числа преступлений против веры, который приходится на 1906 г., можно связать с последствиями революции 1905 г. Судя по тому, что число преступлений в это время составляло 14,7 % к общему числу всех преступлений, можно сказать, что одним из последствий революции 1905 г., нашедшим свое отражение в том, как горнозаводское население Урала относилось к церкви как социальному и государственному институту и православной вере, был рост такого рода преступлений.

По «Ведомостям о числе и роде преступлений в Пермской губернии» (1890–1914) можно проследить и динамику социального и возрастного состава тех, кто совершал преступления против веры, и выяснить, какое место здесь занимало горнозаводское население, сопоставляя его с другими социальными группами.

На первом месте в этом ряду оказываются крестьяне (в том числе приписанные к уральским горным заводам). Необходимо отметить, что с 1905 по 1906 гг. отношение числа крестьян, осужденных за преступления против веры, к общему числу осужденных за этот тип преступлений резко снижается с 43 до 10 % соответственно. Это можно объяснить событиями революции 1905 г., из-за которой крестьянам стало «не до отношения к церкви» (социальная ситуация и так была накалена до предела, на первый план вновь вышел «крестьянский вопрос» о земле). На втором месте оказываются военные, третье место занимают мещане. На последнем месте среди осужденных за преступления против веры находятся дворяне и почетные граждане и купцы – за рассматриваемый период времени мы практически не встречаем среди них тех, кто был осужден за преступления против веры (дворян за весь период насчитывается 0 % к общему числу осужденных за этот вид преступлений), а если такие люди встречаются, то составляют ничтожное число – 1,2 %.

Анализ динамики изменения числа осужденных за преступления против веры и за прочие преступления за 1890–1914 гг. показывает, что они имеют схожий характер – увеличение числа преступлений происходит в нестабильные в социально-экономическом отношении времена.

Задокументированные факты дают возможность говорить, что в повседневной жизни горнозаводского населения Урала присутствовали проявления асоциального поведения, в том числе и формально связанные с отношением к вере и церкви. Но анализ конкретных дел подобного рода говорит о том, что они в большинстве своем свидетельствуют не об изменившемся отношении к христианской вере в среде горнозаводского населения, а указывают скорее на рост социальной напряженности в кризисных общественно-

политических ситуациях, прорывающийся, в частности, и в отношении к церкви как государственному институту.

Приведем ряд примеров. В Государственном архиве Свердловской области нами было обнаружено уголовное дело крепостного крестьянина Билимбаевского завода Дмитрия Жуклина о похищении им колокола из местной церкви. В документах сообщается, что, по собственному признанию, преступник учинил «покражу» из корысти, «в пьяном образе, по подговору бывшего в Билимбаевском заводе в отпуску Троицкой крепости гарнизонного полку рядового Федора Сидорова Латишева», который обещал за украденный колокол заплатить и впредь «употреблять в другие поделки»³⁹.

В 1816 г. было возбуждено уголовное дело по обвинению крепостной дворовой Марфы Михайлышевой во взломе церковного столбца при Пророко-Ильинской церкви, находившейся в городе Березовском, с намерением кражи денег. Мастеровой Березовского завода Авраам Попов, который в 5 часу утра возвращался домой после отработки ночной смены на золотом прииске, случайно застал Михайлышеву за разламыванием ящика с деньгами. Об этом Попов тут же сообщил ее хозяину, шахтмейстеру Ераму, после чего Михайлышева была арестована по обвинению в попытке кражи денег из церкви. Из показаний Марфы Михайлышевой, которые она дала на следствии, можно сделать вывод, что она так же, как обвиняемый в краже колокола из церкви Дмитрий Жуклин, совершила преступление с корыстными мотивами: «Действительно она сего числа из дому господина Ерама без позволения господ отлучилась поутру в 5 часу под видом якобы за водою, с намерением, чтобы у пророкоильинской каменной церкви столбец с ящиком разломать, и покрасть из оного деньги, но, однако... учинить того не успела, почему и по донесению того Попова взята в полицию; что и показала по чистейшей справедливости; ничего не утаила, потом подписалась»⁴⁰.

В 1828 г. в Екатеринбурге произошел случай в духе толстовских рассказов. Речь идет об уголовном деле, возбужденном по факту

³⁹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 129. Л. 1–1 об.

⁴⁰ Там же. Д. 471. Л. 5, 6.

кражи ковчежца со Святыми Дарами из алтаря Екатеринбургской церкви Сошествия Святого Духа, совершенной малолетним сыном мастерового Артамона Тагильцева.

19 сентября 1828 г. священник Екатеринбургской церкви Сошествия Святого Духа Стефан Капустин пришел в церковь для служения заутрени. Перед этим Капустин проверил, все ли церковные предметы находятся на своих местах. На месте не оказалось серебряного ковчега, в котором лежали Святые Дары. Капустин сообщил об этом остальным священникам, служившим в церкви, и причетникам, состоявшим при ней. Все они отправились искать пропавший или кем-то украденный церковный предмет.

В ходе поисков выяснилось, что в то время, когда в церкви никого из прихожан уже не было, в нее заходил мальчик из мастеровых по фамилии Тагильцев, который впоследствии был пойман. Он чистосердечно признался в содеянном, показав место, где спрятал украденное.

Мотив своего поступка мальчик объяснил так: «Зовут меня Артамоном Андреев сын Тагильцова от роду имею 7 лет, грамоте не учен, на исповеди и святаго причащения по малолетству не бывал. <...> Сего месяца в 18-е число пришед я к вечерне с дедом моим, не имеющим зрением, отставным неперменным работником Меаком Федоровым Кармановым в Сошественскую церковь, в коей кроме пришедших неизвестных мне людей и двух трапезников никого не было, оставя я деда моего Карманова в той церкви, и в самом том месте где продают свечи, а сам пошел один для просмотра во алтарь увидал на престоле малинькой ящичек с крестиком: но какой он не знаю, которой взяв я положил к себе за пазуху с намерением моим, чтобы класть в его деньги подаваемые в милостыню разными людьми, оставя в означенной церкви выше реченного деда моего, а сам особо имеемой при той церкви избушкой ушел в другие двери, зашел в дом господина здешнего начальника и кавалера Осипа Семеновича Осипова на кухню для обогрения себя, ибо я напред сего тут бывал за милостыней... на каковой раз приходили неизвестный мне по лицам человек, которого, однако, в лицо признать могу, чтобы ящичек взял к себе, причем сказал мне,

чтобы я пошел домой, а он стал запиратца. Из означенного ящичка во время шествия из церкви при открытии увидал какие-то крошечки, из которых одну съел, а прочие оставил во оном... на другой день в обед увидел меня на рынке священник Стефан Капустин и спросил о том ящичке сими словами: куда я девал маленькой ящичек, которому я сказал так же, как и выше, мною показано, почему он взял меня с собой, а тот ящичек от показанного мною человека отобрал, а меня привел в часть. Меня не научал, и я о сем никому не сказывал, что показал справедливо, ничего не утаил»⁴¹.

Кража церковных вещей рассматривалась законом не как преступление против имущества, а именно как акт святотатства, т. е. действие, направленное против христианской веры. Этим объясняется строгость закона. Поэтому укравший колокола пытался оправдаться тем, что «сия покража учинена имя в пьяном образе»⁴², обвиняемая в краже денег из церкви заявляла, что «на исповеди и святого причастия от роду своего была только один раз, и тому времени уже довольно нисколько»⁴³, а Артамон Тагильцев, укравший из церкви ковчежец со Святыми Дарами, «грамоте не учен, на исповеди и святого причащения по малолетству не бывал»⁴⁴. Очевидно, обвиняемые по этим делам не знали, что совершение такого рода преступлений (святотатство, богохульство, кощунство) в пьяном виде, по невежеству или без умысла рассматривалось как сознательное, что влекло за собой соответствующие последствия.

Статья закона о святотатстве так определяла этот тип преступлений: противоправное действие, которое совершается в корыстных целях или для оскорбления чувств верующих. В приведенных выше и в других подобных делах, сохранившихся архивах, мотивом действия обвиняемых по ним выступают именно корыстные мотивы. Оскорбление же чувств верующих становилось скорее их следствием, оно не было их прямой целью, как следует из показаний самих обвиняемых и общей картины происшедшего.

⁴¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 884. Л. 9–9 об.

⁴² Там же. Д. 129. Л. 1 об.

⁴³ Там же. Д. 471. Л. 5 об.

⁴⁴ Там же. Д. 884. Л. 9.

Дела о богохульстве и кощунстве, датирующиеся концом XIX – началом XX вв., в подавляющем большинстве однотипны: арестованный за пьянство 16-летний крестьянин Березовского завода Николай Федоров Волков (дело датируется 1902 г.) в арестантском помещении принялся непристойно ругаться. На попытку сокамерника урезонить буяна словами «что ты, Бог с тобою»⁴⁵, крестьянин начал ругать матерной бранью Бога, Богородицу и православную веру. Столь же показательное дело по обвинению в богохульстве крестьянки Нижне-Исетского завода Епистимии Шмыровой (1908 г.): «26 октября в гор. Екатеринбурге на толкучем рынке крестьянка Нижне-Исетской волости Епистимия Шмырова громко ругалась скверными словами. Проходивший в это время мимо ней крестьянин Николай Алексеев, обратившись ней, сказал: “Что ты Бога-то не боишься, как не совестно”. В ответ на это Шмырова при свидетелях-очевидцах произнесла скверноматерную брань и по отношению к Богу»⁴⁶. 4 марта 1905 г. в торговую лавку, находившуюся в Нижне-Тагильском заводе, заявился выпивший крестьянин Невьянского завода Яков Алексеев Бердников с требованием отпустить ему в долг папирос. Лавочник отказался это сделать, при этом побожившись и указав на висевший на стене крест. В ответ крестьянин в присутствии находившихся в лавке еще нескольких человек разразился матерной богохульной бранью⁴⁷. 26 декабря 1908 г. в деревне Щербаковке Щелкунской волости Екатеринбургского уезда в гости к крестьянину Егору Степанову Пронину пришел сосед Иван Иванов Лазарев, который был пьян и принялся ругаться матерными словами. В ответ на замечание Пронина «Побойся Бога»⁴⁸, Лазарев матерно выругался на образ Богородицы, висевший в доме⁴⁹. 29 января 1907 г. в Сысертском заводе к крестьянке зашел выпивший крестьянин Полевского завода Лаврентий Никандров Чехомов: «и, не снимая с головы шапки, сел к столу и попросил Попову дать ему пообедать. Юрьева заметила Чехомову, что

⁴⁵ ГАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 6. Л. 2–2 об.

⁴⁶ Там же. Д. 767. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Д. 24.

⁴⁸ Там же. Д. 60. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

нехорошо сидеть за столом в шапке, и, указывая на святые иконы, сказала: “Вон Бог”. На это Чехомов, выругавшись скверноматерной бранью, сказал, что никакого Бога нет. Пообедав, Чехомов стал просить у Таисьи Поповой денег на водку, угрожая в противном случае разбросать все иконы. Попова денег дать ему отказалась. Тогда Лаврентий Чехомов, встав на лавку, стал сбрасывать висевшие на стене иконы на пол, а, засим соскочив с лавки и увидев, что икона Спасителя не разбилась, Чехомов со словами “ты что на меня шары-то выпучил” стал топтать эту икону ногами»⁵⁰.

Если думать, что такого рода судебные дела в большей степени характеризуют специфику религиозности горнозаводского населения, то следует отметить, что большинство подобного рода преступлений не отражали осознанно отрицательного отношения к церкви и христианской вере, что можно было бы связать с антиклерикальными настроениями. Подавляющее большинство судебных дел о богохульстве и кощунстве были связаны скорее с пьянством или бытовыми и межличностными конфликтами. Рост дел о богохульстве, совершаемом в пьяном виде, главными обвиняемыми по которым проходили крестьяне, жившие при уральских заводах, был связан с ростом потребления алкоголя в пореформенное время. А это, в свою очередь, вызвано политической и социально-экономической обстановкой в стране (отменой крепостного права, завершением промышленного переворота).

Известны и прямо противоположные факты. Во второй половине XIX – начале XX вв. в России начали создаваться общества трезвости, вступление в которые рассматривалось «как церковная форма отречения от винопития»⁵¹. Иначе говоря, отказ от пьянства и вступление в общество трезвости рассматривалось как обет, обязательство перед Богом. Таким образом, это можно рассматривать как проявление религиозности. И горнозаводское население Урала в данном случае – не исключение.

⁵⁰ ГАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 752. Л. 2.

⁵¹ Кудряшова И. Как создавались общества трезвости [Электронный ресурс] / И. Кудряшова. URL: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/article.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (дата обращения: 07.06.2012).

Достоверно известно, что на рубеже XIX–XX вв. общества трезвости существовали в Кунгурском, Арамилском, Басмановском, Щелкунском селах, на Нижне-Синячихинском, Сысертском, Полевском, Шуралинском, Нижне-Тагильском, Богословском и Верх-Исетском заводах. О последнем имеются подробные сведения. Оно было открыто в 1911 г. и к 1913 г. среди его членов насчитывалось «мужчин – 3 841, женщин – 433» и в целом – 4 274 члена. Такие цифры говорят о том, что даже в пореформенное время и на рубеже веков, когда, как показывает рассмотренный выше фактический материал, качество религиозности ухудшалось, очень большое количество людей давало обет трезвости перед Богом.

Социальный состав членов данного общества трезвости выглядел следующим образом: духовных и фельдшеров – 0 % (в абсолютных числах – 7 и 2 человека – *подсчеты наши*), служащих – 3 %, столько же приказчиков, 2 % составляли сельские хозяева (крестьяне, не горнозаводское население). Большинство составляли чернорабочие и ремесленники (горнозаводское население) – 52 % и 37 % всех членов соответственно. Это говорит о том, что даже во время, когда общее качество религиозности ухудшалось, в среде горнозаводского населения Урала пьянство представлялось как грех перед Богом, а отказ от него – как обет перед ним, который человек добровольно брал на себя. Такого рода проявления народной религиозности свидетельствуют о прочности православной традиции в среде горнозаводского населения Урала даже на рубеже веков. Это черта народной религиозности с местной спецификой.

Об этом же говорят и количественные данные о тех, кто принял участие в народных чтениях, организованных Верх-Исетским обществом трезвости: «За два года деятельности народных чтений было проведено – 178, в них приняло участие примерно 26 430 человек, а за 10 месяцев 1913 г. чтения посетили еще 27 220 человек»⁵². В другое общество трезвости, Симеоновское, также в Екатеринбурге,

⁵² Кудряшова И. Как создавались общества трезвости [Электронный ресурс] / И. Кудряшова. URL: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/article.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (дата обращения: 07.06.2012).

за этот же промежуток времени «записалось 280 мужчин и 43 женщины», всего – 1 138 человек⁵³.

Среди архивных дел о кощунстве и богохульстве особняком стоит дело крестьянина Каслинского завода Феодосия Михайлова Самойлина (датируется 1903 г.), связанное со спором вокруг догматов веры.

Главный обвиняемый по этому делу, как показывали свидетели, «заходя неоднократно в литейном цехе означенного завода разговор о вере, позволял себе при рабочих кощунственно отзываться о православной церкви, называл Св. мощи мышинными обгрызками и говорил, что на православную церковь он наплюет и этим несколько не погрешит»⁵⁴. Самойлин, тем не менее, не признал себя виновным в кощунстве. В свое оправдание на суде он заявил, что «...никогда не глумился над обрядами православной церкви и не порицал православную веру, а отвечал лишь рабочим, которые глумились над ним и смеялись иногда над обрядами секты поморцев [поморского согласия старообрядцев. – *А. М.*], к которой принадлежал и он, подсудимый, – что он наплюет на них и “отстаивал” свою веру. Когда еще рабочие глумились над ним, говоря, что он, подсудимый, “в лохани крещен”, то он, рассердившись, называл попов “еретиками” и говорил, что настало ныне царство антихриста. Все это он вычитал из газеты, но хульных слов не произносил по отношению к вере и церкви»⁵⁵. В документе также отмечается: «Самойлин, работая в цехе, стал высказывать, что они (православные) погибнут в своей вере, и считал правильной только свою поморскую секту»⁵⁶.

Богохульство или кощунство возникает из желания совершить нечто, идущее вразрез общепринятым правилам, нормам жизни, как-то уязвить другого человека. Судебные разбирательства по таким фактам являлись скорее делами, связанными с оскорблением

⁵³ Кудряшова И. Как создавались общества трезвости [Электронный ресурс] / И. Кудряшова. URL: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/article.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (дата обращения: 07.06.2012).

⁵⁴ ГАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 18. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 27.

⁵⁶ Там же. Л. 28 об.

общественной морали и нравственности в той мере, в какой православная вера выступала как составляющая общественной морали.

Труд на рудниках, шахтах и горных заводах, особенная жизнь и бытовой уклад на Урале заметно отличался от образа жизни крестьянской России. Это, как было отмечено выше, породило особый человеческий тип уральца – «тагильского мастерка», которому нередко приписывали склонность к вольнодумству, в том числе и религиозному. Другое дело, что можно привести свидетельства и прямо противоположного рода. Так, родоначальник уральского краеведения Н. К. Чупин в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» 1886 г. отмечал, говоря о Невьянском заводе: «Невьянское общество, начиная от высших до низших слоев, чрезвычайно разединено на противные одна другой партии. Так, постарше служащие не ладят с младшими, казенные личности с частными, работники одного цеха не сходятся с работниками другого; то же замечается и между промышленниками и нередко между промышленниками, занимающимися одним и тем же делом. Главною причиною разединения, не боясь промаха, можно назвать разнородность в религиозных убеждениях, доходящих нередко до фанатизма. Кто знает, как, например, раскольники смотрят на людей православного и иных исповеданий, тот, вероятно, согласится с этим»⁵⁷.

Даже на рубеже XIX–XX вв. в среде горнозаводского населения Урала православная вера выступала ключевой составляющей общественной морали и, следовательно, повседневной жизни. В. И. Немирович-Данченко сообщал о жителях Нижнего Тагила: «...ругань здесь не в обычае, и нецензурные слова не слышатся на каждом шагу, как в других местах нашего в этом единственном отношении, весьма либерального Отечества. Тагильцы очень вежливы друг с другом, о драках у них не слышать. Люди тут себя “соблюдают в аккурате”, и с первого взгляда вы замечаете в них некоторую выдержку»⁵⁸. В среде горнозаводского населения Урала

⁵⁷ Невьянский завод // Географический и статистический словарь Пермской губернии, составленный Н. Чупиным / Н. К. Чупин. Пермь : Тип. Поповой, 1873. С. 303.

⁵⁸ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (Очерки и впечатления) / В. И. Немирович-Данченко. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1890. С. 705.

бытовали предания о наказании тех, кто оскорблял Бога или непочтительно относился к иконам⁵⁹.

Приведенные факты позволяют констатировать, что ценностно-нормативная основа жизни в горнозаводской культуре – православная, но, в отличие от других регионов России, она обладает рядом специфических черт. Особый характер жизни, предопределенный индустриальным типом культуры в сочетании с формами традиционной для крестьян жизни, не мог не повлиять на религиозность. Это проявилось и в отношении к церкви как социальному институту, и в отношении к вере как индивидуальному выбору человека, и в обрядово-праздничной традиции. Нравы горнозаводского населения определялись производственно-хозяйственной «специализацией» края, требовавшей выработки новых, по сравнению с традиционно-крестьянской, способов/маркеров самоидентификации, проявлявшихся в повседневной жизни.

Глава 3

«ЧЕКИСТ... МОРАЛЬНО И ПОЛИТИЧЕСКИ АБСОЛЮТНО БЕЗУПРЕЧЕН»: О НРАВАХ СОТРУДНИКОВ НКВД В 1930-Е ГОДЫ

В истории советского государства одним из наиболее дискуссионных вопросов остается проблема политического насилия, особенно – дилемма жертв и палачей, участие простых людей в репрессиях. В зарубежных исследованиях данный феномен имеет разные названия, отражающие те или иные его аспекты: «горизонтальный» террор, «участие снизу» (Дж. Гетти), советский идентитет (Й. Хелльбек). К сожалению, несмотря на огромное количество публикаций

⁵⁹ Наказанный Богом сквернословец // ОЕВ. 1880. № 24. Неофициальный отдел. С. 1002; Наказанный грех кощунства // ОЕВ. 1908. № 45. Неофициальная часть. С. 353–356.

по теме массовых политических репрессий, до настоящего времени российские ученые не акцентируют внимание на изучении данного ракурса⁶⁰. Более того, очень часто репрессии оправдываются историческим контекстом и сложностью задач, стоявших перед советским народом и государством; романтизация сталинизма и сотрудников ВЧК-ОГПУ-НКВД является содержанием многих современных художественных произведений (фильмов, TV-сериалов, печатной продукции, в частности, издается серия книг «Ангелы НКВД»).

Некоторые ученые, признавая политические репрессии неотъемлемой характеристикой советской системы на всех этапах ее существования, называют самой трагичной страницей этих событий историю противостояния следователя и арестованного – историю до сих пор, по мнению С. В. Журавлёва, не изученную⁶¹. В настоящее время уже есть исследования, в которых представлена подробная информация о руководителях НКВД и сведения о рядовых исполнителях. Однако остается вопрос, который задавали арестованные: «откуда брались “кадры” нравственных палачей (не говоря уже о физических), которым могла бы позавидовать любая инквизиция?»⁶².

Мемуары и материалы судебно-следственных дел позволяют рассмотреть, как сотрудники НКВД относились к своей работе, каким образом получали необходимые им «добровольные» признания арестованных. Об этом свидетельствуют факты, содержащиеся в письмах арестованных, которые они пытались во время следствия передать родным; в ходатайствах, жалобах и заявлениях, отправленных в областные и союзные органы суда и прокуратуры, адресованных правительству, ЦК ВКП(б), лидерам партии и государства. Эти документы воссоздают историю ареста, условия содержания во время предварительного заключения и произвол следователей. Пострадавшие называли различные формы физического

⁶⁰ Кит Дж. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кит, А. Литвин. М. : Рос. политическая энцикл., 2009. С. 157.

⁶¹ Журавлев С. В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. / С. В. Журавлев // Социальная история. Ежегодник, 2004. М. : Рос. политическая энцикл., 2005. С. 372.

⁶² Швед С. Заветные тетради / С. Швед. Челябинск : Изд. Татьяна Лурье, 2005. С. 87.

и морального давления, применяемые на допросах: отказ от очных ставок со свидетелями и другими обвиняемыми; отказ от внесения в протокол объяснений и показаний, опровергающих версию следствия; нецензурные оскорбления; лишение пищи и сна, избегания; запрет на письма родным и свидания; угрозы бросить в камеру к рецидивистам или отправить в карцер, расстрелять, арестовать членов семьи⁶³.

Тысячи просьб, свидетельствующих о произволе сотрудников НКВД, сохранились в архиве организации «Помощь политическим заключенным», возглавляемой Е. П. Пешковой с 1922 г. до официального закрытия (по распоряжению Н. Ежова) 15 июля 1938 г., считавшей своей целью помощь «лицам, лишенным свободы по политическим мотивам, без различия их партийной принадлежности и исповедуемых ими убеждений»⁶⁴.

В опубликованных материалах Архива Главной военной прокуратуры в каждом письме содержатся описания методов следствия: «работники НКВД не заинтересованы в настоящем, большевистском разборе дела»; вместо этого – бесконечные допросы, попытки обмана, «психические» атаки⁶⁵. На стенах камер арестованные находили надписи, благодаря которым узнавали о предшествующих обитателях – о ветеринарных врачах из г. Красноуфимска, ожидавших смертного приговора; об арестованных женщинах; о группе комсомольцев, передавших свои страдания: «Погибаем от пыток. Палачи Гайда, Мизрах, Парушкин, Варшавский»⁶⁶.

⁶³ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20878. Т. 2. Л. 17, 61–62; Д. 16602. Т. 3. Л. 10 и др. дела.

⁶⁴ Изгнанники в своей стране. Письма из советской ссылки 1920–1930-х годов: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / [сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Л. Милова; отв. ред. С. В. Чешко]. М.: Наука, 2008. С. 20–49.

⁶⁵ «Дорогой наш товарищ Сталин!» и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны / сост. Н. С. Черушев. М.: Звенья, 2001. С. 45.

⁶⁶ Изгнанники в своей стране. Письма из советской ссылки 1920–1930-х годов. С. 19, 23, 26.

Данные свидетельства подтвердили следователи, привлеченные в 1938–1939 гг. к ответственности «за нарушение революционной законности». Именно они, обвиненные И. Сталиным, правительством и ЦК ВКП(б) в превышении служебных полномочий и других преступлениях, рассказывали, каким образом, находя в картотеках отделов кадров предприятий и учреждений польские или немецкие фамилии, «создавали» «шпионские организации»; как печатали («под копирку») протоколы допросов; как приглашали чертежников из заводских конструкторских бюро для составления графических схем «контрреволюционных» групп; как читали газеты в поисках названий иностранных разведок; как добывались признаний, используя «конвейеры», «камерных колунгов» и другие «эффективные методы».

Демонстративное подчеркивание бесправия обычных людей перед сотрудниками НКВД проявлялось уже во время ареста. Плановый характер репрессий, казалось бы, позволял им не утруждать себя поиском вещественных доказательств. Однако обычно обыск продолжался несколько часов, иногда несколько дней – просматривали все: книги, документы, личные вещи, подвалы и хозяйственные постройки. Для большинства современников поведение сотрудников НКВД во время обыска являлось ярким свидетельством полного бесправия жертв: грубость и невежество «сыщиков» отражалась в каждом действии – они бесцеремонно поднимали спящих детей, надеясь найти в их кроватках компрометирующие родителей материалы; бросали на пол книги, письма и фотографии, топтали их сапогами... Очень часто во время обыска, стараясь быть незамеченными, воровали ценные вещи, деньги. Среди следственных дел встречаются дела на сотрудников НКВД, которые не сдавали конфискованные у арестованных вещи (мебель и другие предметы интерьера, посуду, фотоаппараты, книги, одежду) в комиссионные магазины, как требовал закон, а присваивали их.

Необразованность и политическая безграмотность большинства сотрудников НКВД определяли характер их действий: изымали все, что вызывало подозрения, или только то, что было указано в доносе. По этой причине при обыске могли не обратить внимания

на наличие в личной библиотеке «завещания Ленина», считавшегося секретным документом, но в другом случае, «перевернув все, искали... консервные банки», поскольку автор в присутствии знакомых, сожалеющих, что ее «колымские стихи» не будут напечатаны, в шутку сказала, что спрячет их в консервные банки⁶⁷.

Вторым свидетельством пренебрежительного отношения сотрудников НКВД к арестованным является судебное-следственное дело. В некоторых случаях в деле насчитывается от двух до шестидесяти томов, в каждом из которых содержатся разнообразные материалы. Иногда дело представляет собой один том, включающий минимальный набор документов, необходимых для формального обвинения (6–7 листов). Следует иметь в виду, что отсутствие улик по делу следователи объясняли тем, что их уничтожили сами арестованные. Иногда в протоколах обысков так и указывалось: «обнаружен и взят в качестве вещественного доказательства пепел» (!).

Вопреки распространенному мнению о строгом соблюдении правил сбора и оформления материалов, обязательных для вынесения приговора, следственные дела не всегда содержали регламентированный законом перечень документов. Дж. Скотт, американский журналист, являвшийся свидетелем вакханалии арестов в г. Магнитогорске, отмечал крайнюю беспорядочность действий НКВД: «Арестованные пропадали, иногда неправильно устанавливалась их личность...»⁶⁸. Такая ситуация была предопределена и темпами работы следствия во время массовых репрессий, и уровнем профессионализма сотрудников НКВД, и их пренебрежением к процессуальным нормам, а особенно – к правам человека. Содержание таких документов, как постановление и ордер на арест, текст заключительного обвинения, приговор и справка о приведении его в исполнение, демонстрировали неограниченные полномочия властных структур. Отсутствие какого-либо из обязательных

⁶⁷ Швед С. Заветные тетради. С. 9, 3, 102–104; 37-й на Урале. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 11, 24, 194, 211, 287.

⁶⁸ Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали / Дж. Скотт ; пер. с англ. М. ; Свердловск, 1991. С. 197, 202.

документов, несвоевременность или неточность в их оформлении выразительно подчеркивали степень бесправия арестованного.

Следователи прагматично и откровенно цинично использовали искренние чувства преданности Родине оказавшихся в их распоряжении людей. Согласно множеству свидетельств, следователи сначала стремились внушить, что они знают об арестованном только положительные отзывы, однако «интересы государства требуют...»⁶⁹. В большинстве случаев обещания следователей являлись расчетливым обманом: они знали, что суда не будет, что многие из арестованных уже приговорены к ссылке или расстрелу.

Игра в патриотизм предназначалась не только для арестованных, но и для самих следователей: в документах встречаются свидетельства, как руководство убеждало их в том, что массовые аресты и «особые» методы ведения следствия осуществляются «в интересах родины», «в интересах советской власти», «в интересах партии и страны», «кто сомневается в правильности проводимой нами политики, – тот враг и сам подлежит уничтожению». Иногда начальники выражали недовольство «бледностью» протоколов и заявляли следователям: «Что вы стесняетесь, враг никогда не скажет о себе всего: нужно писать в протоколах не то, что говорит враг, а то, что он думает»⁷⁰. Следователи, за редким исключением, были готовы применять физическое насилие по отношению к людям, оказавшимся в их полной власти. Из более чем ста сотрудников УГБ УНКВД по Вологодской области отказались принимать участие в избияниях подследственных только три человека; из 45 выпускников Ленинградской межкраевой школы НКВД, направленных в область в конце 1937 г., – только один комсомолец⁷¹.

Как правило, прибывавшие в камеру получали от своих товарищей по несчастью первые необходимые сведения. К. Ф. Штеппу, научного сотрудника АН УССР, оказавшегося по доносу своих

⁶⁹ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18001. Л. 64; Д. 4514. Л. 29; Д. 17554. Т. 30. Л. 86–87. Т. 32. Л. 77; Репрессии. 2006. С. 273.

⁷⁰ Там же. Д. 15258. Л. 39; Д. 18001. Л. 63.

⁷¹ Петров Н. «Сталинский питомец» – Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. М. : Рос. политическая энцикл., 2008. С. 127, 277.

коллег в киевской тюрьме в 1938 г., сразу предупредили о «приемах следственного воздействия»: «Существовала целая система – с учетом личных качеств каждого подследственного. Первый этап – уговаривание, убеждение; второй – угрозы, устрашение; третий – конвейер, выстойка, побои. Из всех встреченных за два года избитию не подвергались единицы». Как и другие арестованные, К. Ф. Штеппа отмечает в своих воспоминаниях, что следователи использовали ножки от стула, каучуковые палки⁷². Кроме того, в каждой следственной тюрьме были изобретены особенно жестокие виды истязаний: киевские следователи создали «футбол» и «самолет»; в Челябинском центре – «крест»; в Свердловской тюрьме – «катание по городу» зимой⁷³.

Очень часто следователи, имея сведения о социальном происхождении, статусе и уровне образования арестованных, стремились внушить доверие и вызвать симпатию, играя роль поклонника искусства⁷⁴. Одна из самых трагичных историй – судьба Даниила Андреева и его романа, за чтение которого были арестованы и приговорены к длительным срокам исправительных работ (от десяти до двадцати пяти лет) около двухсот человек. Следователь смог вызвать доверительное отношение жены Д. Андреева Аллы цитированием стихов Блока, заявлением, что ценит творчество ее мужа. Допросы были похожи на интеллектуальные беседы, в течение которых Алла рассказала «культурному» следователю, как созрел замысел романа, кто присутствовал на его чтениях и какие высказывал мысли. Итогом такого «высокого» стиля общения стали аресты всех названных Аллой знакомых и приговор ей лично на десять лет исправительных работ в Темниковском лагере⁷⁵.

⁷² XX век. История одной семьи / под ред. А. В. Попова. М. : Ин-т политического и военного анализа, 2003. С. 63.

⁷³ Там же. С. 63, 19, 290–291; *Шангин М.* Дороги / М. Шангин // Завещание. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 209.

⁷⁴ *Керсновская Е.* Сколько стоит человек / Е. Керсновская. М. : Рос. политическая энцикл., 2006. С. 295–298.

⁷⁵ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria / Н. И. Гаген-Торн ; сост., предисл., послесл. и примеч. Г. Ю. Гаген-Торн. М. : Возвращение, 1994. С. 173, 177.

Вероятно, единственным случаем позитивного сотрудничества арестанта и следователя можно назвать историю перевода поэмы Дж. Байрона «Дон Жуан» Татьяной Гнедич: следователь в тюрьме на Шпалерной, узнав о занятии заключенной, позволил на листах с заголовком «Показания обвиняемого» записать переведенное. Через два года, когда перевод был закончен, следователь передал рукопись машинистке, затем один из напечатанных экземпляров передал поэту и переводчику М. Л. Лозинскому⁷⁶.

Н. Петров и М. Янсен, авторы биографии Н. Ежова, представили образ лидера НКВД, которого можно рассматривать как символ советских репрессивных органов. Жизненный путь Н. Ежова, его карьера и всевластие в 1937–1938 гг. отражают, как зеркало, судьбу и деятельность многих сотрудников советской «тайной полиции». Ученые указывают, что сначала официальная биография наркома представляла образцового революционера, однако после ареста были названы все негативные черты его характера (пьянство, гомосексуализм) и профессиональные преступления, позволявшие И. Сталину возложить ответственность за необоснованные репрессии на Н. Ежова и его сотрудников⁷⁷. Как и Н. Ежов, большинство сотрудников НКВД использовали создавшуюся ситуацию для социального реванша: проявляя усердие, получали материальные выгоды и карьерный рост⁷⁸.

Особенно привлекательной была возможность безграничной власти над людьми, диктат в отношении партийных и советских органов на местах⁷⁹. Так, капитан НКВД Н. А. Костин, привлеченный к ответственности в 1938 г. за нарушение социалистической законности, вспоминал свое всемогущество во время борьбы с «врагами народа»: «Со мной согласовывались исключения и восстановления

⁷⁶ *Эткинд Е. Г.* Добровольный крест / Е. Г. Эткинд // Правда ГУЛАГа. Спецвыпуск «Новой газеты». 25 августа 2011. № 93 (1796). С. 2–3.

⁷⁷ *Петров Н.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. С. 6–7.

⁷⁸ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19638. Т. 6. Л. 154–156, 168, 174.

⁷⁹ *Шрейдер М.* НКВД изнутри. Записки чекиста / М. Шрейдер. М.: Возвращение, 1995. С. 24–250; *Хлевнюк О. В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. М.: Республика, 1992. С. 165.

членов партии, передачи, выселение из квартир»⁸⁰. Предпринимаемые прокурорами попытки заставить сотрудников особых отделов ГПУ-НКВД соблюдать советские законы, как правило, оставались безрезультатны, а в некоторых случаях заканчивались отстранением прокурора от должности и арестом. Так, уже в 1925 г. старший помощник прокурора Верховного суда Н. Н. Кузьмин, член партии с 1903 г., дважды награжденный орденом боевого Красного Знамени, был уволен после того, как написал в докладе о необоснованных арестах и других нарушениях в деятельности органов ГПУ. Руководители областных управлений НКВД осознавали неограниченность своих возможностей. Например, начальник УНКВД по Новосибирской области И. А. Мальцев откровенно заявил военному прокурору: «Вы... напрасно пытаетесь идти против НКВД. Ведь государство – это мы и бороться с нами у вас не хватит силенок...»⁸¹

Особая роль НКВД осознавалась современниками. В частности, после собрания студентов исторического факультета Ленинградского университета по вопросу об исключении «за притупление политической бдительности» комсомольца, отказавшегося признать врагом народа арестованного отца, состоялось неформальное обсуждение проблемы: в противовес «ортодоксам», утверждавшим на собрании, что «наша конституция не допускает арестов без причин», большинство студентов признали жизненную мудрость: «НКВД – государство в государстве, у него своя конституция» 1938 г.⁸²

Однако многим сотрудникам НКВД достаточным вознаграждением являлись материальные выгоды: высокий уровень зарплаты, бесплатные путевки в санатории и дома отдыха, возможность быстрого получения квартиры. Сразу после вступления Н. Ежова в должность наркома изменилось положение работников спецслужб. Если раньше начальник республиканского НКВД, как и

⁸⁰ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20878. Т. 2. Л. 213.

⁸¹ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. М.: Терра, 1998. С. 129.

⁸² *Маньков А. Г.* Дневники 30-х годов / А. Г. Маньков. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 179–180.

другие руководители этого ранга, получал 1,2 тыс. руб. в месяц, то теперь ее повысили до 3,5 тыс. (среднемесячная зарплата рабочих в 1936 г. составляла 250 руб.). Соответственно выросли заработки и других сотрудников НКВД. Если до этого чекисты встречались с партийными работниками в клубах, а летом вместе жили на дачах, то теперь появились отдельные клубы и дачи. В материалах, прославляющих НКВД, имя Н. Ежова, «железного наркома», «стойкого революционера-большевика», повторялось чаще, чем имена других заслуженных и давних соратников И. Сталина⁸³.

В условиях постоянного дефицита продуктов питания сотрудники ГПУ-НКВД получали паяк: даже во время голода 1932–1933 гг. в списке на месяц (помимо многого другого) значились: рыба – 5 кг, мясо – 7,5 кг, макароны – 1 кг, вермишель – 1 кг, картофель – 21 кг, капуста – 20 кг, морковь – 2,5 кг, яблоки свежие – 3 кг⁸⁴.

Очевидным свидетельством превосходства НКВД являлось пространственное расширение их влияния. В воспоминаниях очевидцев сохранялись свидетельства о том, что для содержания арестованных строились новые тюрьмы и открывались «филиалы» – ими становились хозяйственные постройки, находившиеся в тюремных дворах, школьные здания и детские сады, вокруг которых возводили высокие заборы со сторожевыми вышками по углам. Горный инженер Петр Афанасьев, арестованный в Свердловске в 1937 г., привел в своих воспоминаниях очень показательный пример: Управление НКВД (до революции это здание принадлежало одному из самых крупных региональных банков) в городе находилось в одном здании с Бактериологическим институтом, но после того, как в 1937 г. большинство научных работников были арестованы, институт закрыли, а все его комнаты стали апартаментами НКВД⁸⁵. В Киеве Управление НКВД находилось в самом центре города,

⁸³ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 165.

⁸⁴ Книга памяти: Посвящ. тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов / Нижнетагил. о-во «Мемориал»; сост. и вступ. ст. В. М. Кириллова. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 47.

⁸⁵ Афанасьев П. Да, это было... / П. Афанасьев // Завещание. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 15.

в бывшем Институте благородных девиц, а затем было построено новое здание⁸⁶.

Процесс расширения пространства несвободы символизировал трагические перемены в жизни многих людей – не только взрослых, но и детей. Помимо слухов о тайных местах захоронения расстрелянных самыми скорбными знаками происходивших трагедий и окончания счастливого детства являлись открывавшиеся новые приемники, в которые отправляли малышей и подростков, «изъятых» во время ареста у «врагов народа».

Лишь в исключительных случаях сотрудники НКВД протестовали против применяемых незаконных методов. Н. А. Черных, следователь УНКВД, за выступление на партийном собрании 4 февраля 1938 г. против практики «вписывания в протоколы» и «некритического отношения к показаниям арестованных» был обвинен в распространении клеветы на органы НКВД и арестован 17 марта⁸⁷. Летом 1938 г. застрелился начальник УНКВД Московской области Василий Каруцкий: перед самоубийством старый чекист написал письмо протеста против недопустимых методов работы и фальсификаций. В 1939 г. один из известных работников НКВД А. К. Артузов, служивший при Ф. Дзержинском, был арестован и расстрелян за выступление на собрании с критикой деятельности руководства. Уходя из камеры, он оставил на стене надпись: «Долг честного человека – убить Сталина»⁸⁸.

17 ноября 1938 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», возложившее всю вину за террор на исполнителей – они обвинялись в сознательном извращении советских законов, произвольных необоснованных массовых арестах, применении упрощенных методов следствия. Согласно этому секретному постановлению начались аресты сотрудников НКВД, проводивших политические репрессии в 1937–1938 гг. Однако, как и прежде,

⁸⁶ XX век. История одной семьи. С. 34.

⁸⁷ ГААОСО. Д. 6439. Л. 2, 32, 38.

⁸⁸ *Такер Р.* Сталин. История и личность / Р. Такер ; пер. Г. Бляблин, А. Габриэлян, А. Зур, М. Кобрин, А. Обухов, Р. Руденко. М. : Весь мир, 2006. С. 701.

это мероприятие стало лишь ширмой продолжавшихся арестов и использования «физического воздействия» в отношении «врагов народа».

После ареста наркома началась чистка аппарата государственной безопасности на всех уровнях: из Главного управления и его местных управлений было арестовано чуть более 3 000 человек, в запас было уволено 6 700 человек⁸⁹. Некоторые прибегали к самоубийству, не выдерживая, как им казалось, несправедливых обвинений. В письмах родным и/или непосредственным начальникам они объясняли свое решение. Например, комендант управления НКВД по Ленинградской области А. Р. Поликарпов, исполнитель массовых расстрелов, писал: «Я честно и преданно выполнял круг моих обязанностей. Последние два года были особо напряженными. Товарищ комиссар, ведь я не виновен в том, что мне давали предписания, и я их выполнял... Я жил только работой, не знал дома». Называя свое решение малодушием, он среди причин указывает недоверие и подозрительность в его отношении. Единственная просьба – «не обижать жену» – объясняется пониманием логики развития событий: несомненно, в процессе «работы» он познакомился с судьбами жен обвиняемых. Жене он написал, что «никаких преступлений не делал»⁹⁰.

Многие сотрудники НКВД, будучи арестованными, обращались к руководителям страны. В письме на имя Л. П. Берии, датированном 30 ноября 1938 г., оперуполномоченный УНКВД Свердловской области А. Г. Гайда (в отличие от некоторых своих коллег он написал это письмо до ареста) признал, что он являлся «участником вражеской работы, которая проводилась последние два года», что все следователи требовали и получали от арестованных показания «для советской власти»⁹¹. Свидетельство А. Г. Гайды подтвердил 23 марта 1939 г. заместитель начальника УНКВД по Свердловской

⁸⁹ Хаустов В. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. М. : Рос. политическая энцикл., 2009. С. 259.

⁹⁰ Флоренский П. Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг. / П. Флоренский. М. : Сатисъ, 2004. С. 530–532.

⁹¹ ГААО СО. Д. 17368. Т. 5. Л. 92–93.

области В. Н. Варшавский, привлеченный к ответственности за «активную» работу в период массовых политических репрессий: на допросе он признал незаконность действий следователей, отметив, что они уговаривали арестованных дать показания о принадлежности к иностранным разведкам, поскольку советскому правительству нужны были факты для предъявления претензий иностранным посольствам⁹².

Оперуполномоченный НКВД П. К. Филихин (Куйбышевская обл.) в письме от 8 августа 1939 г. характеризовал себя как простого рядового бойца партии («член ВКП(б) с 1925 г., не подвергавшийся никаким взысканиям, честно и беспорочно прослуживший и проработавший в РККА и Органах ОГПУ-НКВД около 20 лет») и заявлял: «Я лично не признаю себя виновным в этом – теперь пытаются найти виновников нарушения революционной законности. Нужно судить всех... без исключения. В описываемый мною период, несмотря на гнетуще-тяжелое моральное состояние систематически не пил, и на работу в пьяном состоянии не являлся, но после исполнения приговоров напивались очень сильно прямо в отделе все исполнители... Смертных приговоров тогда тройки выносили очень много, и, стало быть, пить приходилось часто... Ни разу в жизни не был на курорте или в доме отдыха. Редкий год пользовался нормальным отпуском. Работал честно и безотказно, укрепляясь мыслью в минуты душевных переживаний, после исполнения приговоров... что моя работа необходимо нужна нашей партии и Советской власти»⁹³.

Таким образом, нравы сотрудников НКВД в 1930-е гг. иллюстрируют традиционную черту российской политической культуры, названную Ю. Лотманом «вручение себя во власть»⁹⁴. Используя ситуацию для повышения своего социального статуса, ориентируясь

⁹² ГААО СО. Д. 17554. Т. 54. Л. 44–45.

⁹³ *Хлебников О.* Исповедь рядового палача // Правда ГУЛАГа. Спецвыпуск «Новой газеты». № 133 (1836). 28 ноября 2011 г. С. 1–2.

⁹⁴ *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 3. Таллин : Александра, 1993. С. 343–355.

на роль исполнителя и надеясь на безнаказанность, сотрудники НКВД разного уровня принимали добровольное участие в «играх власти» – это оказалось возможным «благодаря» забвению гуманности и универсальных ценностей, отказу от личного достоинства и ответственности. Забывая о нравственности, чести и совести, они действовали в соответствии с официально одобряемыми нормами. Они позволили власти изменить их моральный мир и стали соучастниками всех ее деяний; своей поддержкой они способствовали ее сохранению и укреплению, не думая о том, что именно их власть превратит в главных виновников преступлений.

Глава 4

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВ: ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ

Как показывают данные Левада-Центра, советский человек нигде не исчез, но продолжает доминировать в массовых социальных настроениях россиян⁹⁵. Ключевые параметры советской ментальности связаны с ожиданиями народа по отношению к власти. Нашим согражданам не нужна власть, с которой можно публично и легально спорить, которой можно что-то доказывать и посредством которой можно достигать не только личных целей. Таков постсоветский синдром вторжения советской публичности в частную жизнь граждан. Зато желанна власть заботливая, опекающая, когда синонимом социального государства оказывается богадельня.

Вместе с тем, типичные социальные параметры всегда скрывают нюансы фактической ментальности, не дают ключа к пониманию

⁹⁵ «Совок»: живее всех живых? [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/11-09-2012/sovok-zhivее-vsekh-zhivyykh> (дата обращения: 16.11.2012).

их смысловых культурных оснований. При этом также возникает методологическая трудность понимания и объяснения взаимных связей менталитета и нравов как двух принципиальных аспектов культурного типа мышления. Менталитет мы можем определить как рациональную компоненту типа мышления, присущего представителям определенной культуры, сходство реакций на одни и те же события внешнего и внутреннего мира человека. Нравы же в таком случае есть эмоциональная компонента типа мышления, присущего представителям определенной культуры, как сценарии чувственных вариаций, сопровождающих идентичные рациональные зависимости поведенческих реакций.

Таким образом, социологический мониторинг социальных настроений на федеральном уровне способен выявить лишь параметры менталитета, но не нравов. Для репрезентации нравов требуется применение качественных методов исследования на локальном уровне. Иначе говоря, если социальное настроение как параметр ментальной типичности относительно независим от разнообразия региональных ситуаций, то проявления нравов варьируются в непосредственной зависимости от локальных особенностей социальной ситуации. Нравы всегда провинциальны, а для такой огромной страны, как Россия, это дополнительный комплексный параметр понимания повседневных культурных смыслов.

Урал обладает параметрами специфической культурной локальности в первую очередь по параметрам нравов. Здесь пересекаются влияния таких факторов, как психология переселенцев по:

- религиозным (кержаки, старообрядцы),
- мобилизационным (туляки, мастеровые заводов),
- колонизационным (украинцы, выигранные в карты целыми деревнями) обстоятельствам.

Эта ситуация прекрасно схвачена в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца»⁹⁶. Пионерами освоения уральских земель были кержаки, появившиеся здесь до Демидовых и до указов Петра I.

⁹⁶ *Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. Т. 5. М. : Худ. лит., 1954.*

В основном старообрядцы селились по границе владений купцов Строгановых, т. е. вокруг сегодняшней административной границы Пермского края и Свердловской области. Им принадлежали лучшие земли для посевов ржи и выпаса скота. Эта в целом закрытая общность, тем не менее, весьма прагматично взаимодействовала с социальным окружением, выполняя различные подряды и заказы по перемещению грузов из европейской в азиатскую часть России и обратно. Следует заметить, что для старообрядческих согласий Урала в целом была характерна суровость вероучительных требований, однако, в ходе индустриального развития территорий началась фактическая диффузия на бытовом уровне с переселенцами «туляками» и «хохлами». Выходцы из европейской части России были, в основном, носителями заводских, металлургических профессий. В свою очередь, выходцы из черниговских земель привнесли новые элементы сельскохозяйственного и кулинарного уклада в образ жизни коренных уральцев. Это не американский «плавильный котел», но совершенно уникальная композиция, устойчивая в своих оттенках мозаика бытовых типажей, на основе которой формировался характер уральских людей и продолжает проявлять себя в ряде черт современных социально-психологических реалий. Но это лишь хтоническая основа нравов. Далее определяюще существенным оказывается наследие советского периода:

- индустриализация с новыми волнами переселенцев из европейской части России,
- война со всеми тяжкими трудностями трудового тыла и эвакуированными мигрантами,
- военно-промышленная закрытость уральских городов периода холодной войны.

Сегодня Урал – регион возможностей, вызванных жизнью, открытостью территории для посещений и ее незащищенностью перед новыми волнами миграционных вторжений. Наиболее активно формируется нравственный тип эффективного посредничества, развитие информационных, финансовых, сервисных структур. И в этом отношении Урал сравним с другими российскими регионами и, в то же время, отличается от них существенными специфическими

вариациями культурного смысла, наиболее ярко проявляющегося в нравах.

Следует обратить внимание на совершенно уникальный культурный патриотизм уральцев, граждан Екатеринбурга – в особенности, который несет в себе латентную функцию конкуренции с российскими столицами, Москвой и Санкт-Петербургом. Эту установку символически закрепляют представители рок-музыки («Чайф», «Смысловые галлюцинации» и др.), представители книжной, по своей сути, художественно-изобразительной школы (В. Волович), театральные подвижники, изначально игнорирующие ментальные стандарты успешности «федерального типа» (Н. Коляда) и целый ряд других.

Эти чувственно-смысловые особенности и параметры уральской провинциальности нельзя объяснить лишь уровнем высокой урбанизации региона. Здесь действуют особые, эмоциональные тенденции повседневного ориентирования людей и смыслополагания их стилей жизни. Это затрагивает такие параметры, как городское / сельское, техническое / гуманитарное, мужское / женское, и, в конечном счете, выстраивается в конгломерат относительно независимых уровней соотнесения этих смыслов в виде уральского / российского / глобального.

Сочетание таких качеств, как открытость и творческая непредсказуемость, резкость вплоть до грубости, тенденция воспроизводства плюрализма без консенсуса – вполне наблюдаемые поведенческие проявления уральских нравов. Разумеется, символические инструменты такого поведения меняются от улицы к зрительным залам, аудиториям и кабинетам.

Типичная нетипичность социально-нравственных ориентаций уральцев напрямую связана с воспроизводством крайних вариантов ценностно-идеологических установок, будь то религия, политика, искусство, прочие социальные и технологические сферы воспроизводства культурных смыслов. С одной стороны, всегда гарантирована «рейтинговость» на федеральном уровне. С другой стороны, такая разношерстность симпатий постоянно подогревает атмосферу внутренней конфликтности культурной территории.

Направления вектора трансформации российских нравов определяются тремя основными факторами, которые достаточно ярко проявляются именно на провинциальном уровне Урала:

- угасающая инерция советской и досоветской стереотипности гражданского потребительства,
- полулегализовавшийся энтузиазм реализации стилей идеологически запретного в советский период,
- догоняющее освоение цивилизационных стилевых установок западного типа.

Таким образом, наиболее предсказуемыми факторами трансформации нравов оказываются уже существующие особенности, сформированные предшествующими процессами культурных диффузий, связанных в основном с социальными перемещениями больших масс людей. Так выработался апологетический стиль гражданина в качестве публичного обывателя и частного спонтанного предпринимателя (разумеется, не в качестве юридического лица, но в качестве носителя установок повседневного нравственного ориентирования). Публичные ожидания, которые пытаются артикулировать российские СМИ, еще только блуждают вокруг необходимого смыслообраза новой российской гражданственности, в силу невинности или абстрактности рациональных и ментальных параметров, постоянно апеллирующие к нравам. Но нравы – не контрагент возможного диалога, а причудливая культурная почва, без которой невозможно произрастание любых культурных образцов.

Уральские нравы – это яркая смысловая вариация эмоциональных компонентов культурного типа мышления в современной России, его тенденций, возможностей и рисков. В любом случае, социальная эффективность нравов не означает их управляемости. Ибо нравы никогда не достигают высокой планки публично декларируемых этических принципов, но именно нравы позволяют обратиться к пониманию культурного смысла социальных стандартов повседневной жизни людей, предостеречь от явных ошибок в диагнозах и прогнозах культурной трансформации общества. В нравах мы фиксируем не пережитки, не утраченность смыслов, но установки, намерения, восприятия, психологические и речевые действия,

причинения, складывающиеся в эмоциональный повседневный фон жизненного мира человека, всегда варьирующегося от одной культурной территории к другой.

Российская уникальность, как это ни парадоксально, не имеет общероссийских корней, но складывается из конечного множества локальных жизненных и культурных вариаций. И трансформация российских нравов – это не только одна из составляющих социальной трансформации в целом, но ее чувствительный нерв, обеспечивающий жизнеспособность смысловых связей российской ментальности. Сегодня нравы свидетельствуют о невнятности собирательных тенденций в российском обществе, но сами нравы невозможны без хотя бы предполагаемых абсолютных критериев, следовательно, всегда несут в себе бессознательную установку социальной солидарности на всех уровнях человеческого существования.

Гипотетический сценарий трансформации российских нравов связан с усилением межпоколенных перепадов, вызванных прогрессом информационных технологий и опытом общения с представителями иных культур. Само по себе это не несет опасности утраты патриотических ценностей. Однако надежным гарантом обретения своих российских ритмов в процессе преуспевания в глобальной цивилизации является артикулирование собственных смысловых приоритетов, которые не существуют вне локальных нравственных вариаций.

Раздел III

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ НРАВЫ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Глава 1

НРАВЫ КАК ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Приступая к нашему исследованию, мы выработали рабочее определение нравов: нравы – стабильные, привычные формы реализации должного в социально-культурных взаимодействиях, одобряемые общественным мнением той или иной группы людей, закрепленные и постоянно воспроизводимые в их повседневной практике в различных сферах жизнедеятельности.

Нравы – явление многослойное, неоднозначное, полисемантическое, не сводящееся только к привычным моральным нормам. Более того, содержание нравов не исчерпывается их нормативностью. Нравы есть не только нормы, но и реальные формы поведения людей, система социокультурных коммуникативных взаимодействий, знаково-символических способов репрезентации личности в определенной социально-культурной группе и т. д., т. е. все то, что составляет традиционную сторону образа жизни социума, определяемую характером ментальности. Нравы – это скорее массовое, групповое поведение, содержание которого обусловлено наиболее

значимыми для человека представлениями о должном и ценном. Нравы включают в себя оптимальные (для данной группы) в практическом отношении формы социально-культурного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности: от бытовой, повседневной сферы (этикетные нравы (манеры), гигиенические нравы, гастрономические нравы и др.) до религиозных, политических нравов и др.

В сущности, имеет смысл определять нравы именно через систему реализации должного, как меру реализации должного в повседневных формах поведения и взаимодействия индивидов в той или иной социокультурной среде. Но вместе с тем, важно понимать, что само должное на сегодняшний день размыто в силу фрагментарности, гетерогенности современной культуры. В нынешней социально-культурной ситуации мало что можно объяснить в нравах, соотнося реальные взаимодействия людей и культурные практики с этим должным. Поэтому, не отрицая само сущностное определение нравов, следует признать, что сегодня более эффективной в плане анализа является попытка определить нравы через культурные практики. При таком подходе ключевым вопросом, стоящим перед исследователем, оказывается вопрос о конфигурации отношения норм и культурных практик в нравах.

«Прагматический поворот», охвативший в конце XX в. ряд социально-гуманитарных наук – от лингвистики до социологии, – утвердил понятие практик в качестве центрального концепта современных исследований. Теория культурных практик трактует повседневные действия людей как сферу значений, которые вырабатываются в опыте повседневности. Понятие практик связано с исследованием надындивидуальных привычек действия и устойчивых форм социальных взаимодействий, а также неартикулированных правил поведения. В центре внимания оказываются нерефлектируемые и самоочевидные действия, осуществляемые по привычке («потому что так принято») и детерминирующие повседневное мышление, т. е. те действия, которые составляют деятельностное ядро повседневности.

Почти в каждой науке общее понятие практик корректируется в соответствии со спецификой исследуемого объекта. Однако

можно выделить три устойчивые черты практик, выделяемые исследователями независимо от их дисциплинарной принадлежности. Это повторяемость, коллективный характер и наличие смыслового основания. О практиках возможно говорить лишь в том случае, если имеет место многократное регулярное воспроизведение определенных действий. Практики разделяются представителями определенной общности и постоянно утверждаются и подтверждаются ими в ходе социально-культурных взаимодействий. Наконец, в практиках всегда имплицитно содержится смысловое основание, которое позволяет объяснить причины их проявления и устойчивости¹. Хотя это основание опять же не всегда оказывается отрефлексированным, в самом общем виде оно вполне очевидно: практики по своей природе непосредственно апеллируют к «практическому смыслу» (П. Бурдьё), к потребностям в решении насущных проблем. Соответственно, смысл практик лежит в области активного преобразующего воздействия с целью обеспечения себя и своих близких. Такое понимание практик включает их в логику повседневности, всегда ориентированной на достижение практических целей и основанной на логике здравого смысла².

Практики складываются исторически и в этой связи отличаются определенной консервативностью. Это, однако, не свидетельствует об архаичности или косности практик. Скорее практики отражают принцип экономии усилий, типичный для сферы повседневности. Они позволяют индивиду действовать по образцу, который сам по себе выступает гарантом результативности предпринимаемых усилий.

Ключевой характеристикой при описании практик выступает соотношение фигуры и фона, причем фактически эти понятия могут получать разное наполнение. В потоке повседневной жизни фоновым знанием, т. е. нерелевантными, неочевидными

¹ См. подробнее: Дьяков А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Изв. Саратов. ун-та. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 7.

² См.: Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

компонентами, оказываются как раз практики. При таком понимании практики представляют собой прежде всего «деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение»³. Только в свете знания конкретных способов осуществления действий могут быть поняты идеи и смыслы той или иной культуры. За каждым высказыванием и каждым поведенческим актом подразумевается наличие утвердившегося в данной культуре набора действий, знание которого и позволяет носителям культуры адекватно интерпретировать поведение окружающих и осуществлять эффективное взаимодействие. С другой стороны, с точки зрения исследователя, разнообразные социальные и культурные обстоятельства не являются детерминантами и источниками этих повседневных действий, а выступают фоном для их адекватной интерпретации: «Фон (background) обозначает всю палитру смыслового содержания жизни, на основании которой исследовательское мышление вычленяет тот или иной вид деятельности, ту или иную практику. Фоном, таким образом, выступает сама культура как способ бытия сообщества. Одни и те же практики, но происходящие на разном фоне, имеют совершенно разное значение»⁴. Так, фоном для практик могут служить те или иные нормы, идеалы, идеологические конструкты, мифологические представления – словом, все то, что выступает в качестве ценностного основания для данного сообщества и что призвано обеспечить его целостность.

Второй значимой особенностью практик, отмечаемой исследователями, является их «раскрывающий» характер: «Практики конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»⁵. Это дает возможность рассматривать практики как утвердившиеся в той или иной культуре совокупности навыков, которые не только позволяют решать

³ Волков В. О концепции практик(и) в социальных науках / В. Волков // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 13.

⁴ Дьяков А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции. С. 8.

⁵ Волков В. Указ. соч. С. 16.

конкретные прикладные задачи (например, навыки обращения с предметами или другими людьми), но и становятся основанием для формирования идеологии и идентичности социально-культурных сообществ, а также дают возможность индивиду состояться в том или ином качестве. Строго говоря, большинство социальных характеристик (профессиональные, гендерные и пр.) воплощаются и считаются во многом именно через особенности поведения. Обобщение практических действий и дает в итоге типизированный образ «учителя», «женщины» и т. д., который утверждается в данной культуре и с которым соотносится каждый конкретный представитель. Верным оказывается и обратное утверждение: человек, не следующий принятым практикам, рассматривается как не соответствующий своему статусу или как чужой. В этом смысле сами практики могут становиться формой неявных регулятивов, оказывающих, тем не менее, существенное принудительное воздействие на поведение и сознание носителей данной культуры.

Итак, социокультурные практики – это конструируемые в повседневном опыте способы социально-культурного взаимодействия индивидов на фоне социальных норм. Социально-культурные практики суть то, что позволяет подкорректировать это должное (нормативное). Они показывают направление процесса, обозначают его тенденции. Анализ социокультурных практик важен, поскольку без него мы обречены все время ругать людей за нарушение требований должного, тогда как значительно важнее понять, что реально формируется, рождается, складывается в самой повседневности, что заставляет (вынуждает) людей нарушать это должное.

В итоге это приводит нас к еще одному определению нравов теперь уже в прагматическом ключе: нравы – это социально-культурные практики, фоном которых выступают социальные (моральные, правовые и др.) нормы. При этом нравы обладают рядом важных признаков:

- они обладают *массовым характером*;
- они *императивны* в пределах своей социокультурной группы;
- они *основаны на механизме воспроизводства*;
- они включают в себя *привычные, стабильные действия* (хотя они могут быть и очень неустойчивыми);

– они обязательно *связаны с инерционными механизмами* (человек всегда их наследует, имеет дело с готовыми вариантами, данными как последовательность передаваемых из поколения в поколение практик);

– нравы, как культурные практики, *вариативны, имеют бесконечное разнообразие форм* в повседневной жизни.

Вместе с тем теория практик представляет собой не единую непротиворечивую систему теоретических положений и методологических ориентиров, но скорее совокупность индивидуальных исследовательских траекторий, поэтому для дальнейшего анализа нравов необходимо перейти от обобщенной характеристики практик к их рассмотрению в рамках конкретной версии практической парадигмы.

В контексте данного исследования наиболее эвристически полезной представляется концепция практик, предложенная М. де Серто и его исследовательским коллективом. Во многом следуя антропологической трактовке практик, они формулируют определение практик как «относительно согласованных и подвижных совокупностей элементов, бытующих как в сфере повседневности, так и в сферах специализированных форм культуры (религиозной, политической и др.), формирующихся на основе традиций определенной социальной группы и актуализируемых в ежедневном поведении индивидов»⁶. Эта дефиниция фиксирует всепроникающий характер практик, которые могут проявляться как в сфере профессиональной деятельности, так и в повседневных действиях и взаимодействиях. Практики в данной концепции предстают не как стабильные и устойчивые шаблоны поведения и интерпретации, но как гибкая система реагирования на предлагаемые шаблоны действия. К уже привычному пониманию практик как фоновых действий М. де Серто добавляет представление о них как о действиях творческих. Мы не просто действуем по привычке, нерелективно, но и постоянно отыскиваем новые формы результативного действия

⁶ *Certeau M. de. The practice of everyday life. Vol. 2 : Living and cooking / M. de Certeau, L. Giard, P. Mayol ; ed. by L. Giard ; transl. by T. J. Tomasik. Minneapolis ; London : Univ. of Minnesota Press, 1998. P. 263.*

в «предлагаемых обстоятельствах», наиболее адекватные в конкретной ситуации. Ключевое значение при подобном понимании практик приобретает их адаптивный характер и идея их ре-активности: любая практика возникает как способ (пере)осмысления и преобразования существующего порядка вещей в соответствии с практическими целями. Практики становятся ответом на вызов идеологии, способом гуманизации властных установлений.

Принципиально важным в этой концепции (и, как будет показано ниже, значимым для понимания динамики нравов) оказывается различие между двумя видами практик: институциональными нормами, приобретающими форму *стратегий*, и неинституционализированными социально-культурными практиками (*тактиками*): «Общество состоит из некоторых практик, вынесенных на передний план и организующих его нормативную структуру, и из бесчисленных других практик, которые остаются второстепенными, всегда присутствуют, но не организуют дискурсы, сохраняя начала или остатки иных (институциональных, научных) возможностей для того или иного общества»⁷. Если первые суть результат реализации властных отношений, то вторые – способ обращения с установленными нормами, выработанный теми, кому эти нормы адресованы⁸. Это, в свою очередь, порождает еще ряд различий между двумя видами практик с точки зрения как целей, так и характера осуществления. В частности, обращает на себя внимание универсальность и стабильность нормативных установлений, выражаемых стратегиями, и, наоборот, ситуативность тактических практик, изменяющихся вместе с обстоятельствами. Стратегии нацелены на создание и поддержание социального порядка, в то время как тактики подразумевают рациональное использование имеющихся ресурсов в соответствии с практическими целями в определенный момент времени. Иными словами, в ответ на навязываемые «сверху» условия и нормы поведения, общество вырабатывает собственные способы альтернативного использования и интерпретации

⁷ Certeau M. de. The practice of everyday life / M. de Certeau ; transl. by S. Rendall. Berkeley ; Los Angeles ; London : Univ. of California Press, 2007. P. 48.

⁸ См.: Ibid. P. 34–39.

этих норм. Таким образом, практики осуществляют переход от абстрактных схем и требований к логике здравого смысла и ориентации на достижение практических целей.

Конечно, в истории российского общества обнаруживается пример, в полной мере иллюстрирующий эту концепцию в ее «чистом» виде. Речь идет о советском периоде, в течение которого разделение на «мы» (общество) и «они» (власть) было очевидным и четко артикулированным. Однако представляется, что современный этап развития российского общества также вполне позволяет анализировать его в терминах стратегий и тактик, пусть и с соответствующими уточнениями, которые, тем не менее, не упрощают и не схематизируют концепцию, но подчеркивают ее многомерность. Традиционно акцентируемый политический аспект трактовки практик, предложенной М. де Серто, в реальном бытовании может быть дополнен социокультурным. Противопоставление стратегий и тактик не обязательно связано с расстановкой политических сил. Ведь, расширительно трактуя предложенную схему, мы можем считать стратегией любую стабильную нормативную систему. С этой точки зрения взаимодействие стратегий и тактик, с определенными коррективами, обнаруживается в различных обществах, поскольку в любом обществе имеют место различные конфигурации взаимозависимостей, базирующихся зачастую на разных социальных и культурных основаниях, и выстроить однозначную систему взаимосвязей по оси «сильные/слабые» не представляется возможным. Более того, сосуществование стратегий и тактик отнюдь не подразумевает обязательного конфликта между интересами разных социальных групп. Соппротивление – лишь частный (хотя и наиболее показательный) вариант применения тактик. В целом же, стратегии и тактики связаны отношениями комплементарности, выражающими диалектику традиции и новации в культуре. В таком случае практики становятся не только «оружием слабых», как называет их М. де Серто, но и способом трансформации и механизмом периодического обновления нормативных регулятивов.

В свете концепции М. де Серто трактовка нравов как особого типа практик позволяет уточнить их сущность и функциональное наполнение. Нравы могут быть рассмотрены как вариант тактик,

не образующих агрессивную оппозицию к господствующим нормативным системам, но выстраивающихся в дополнение к ним. Нравы вездесущи, они бытуют как в специализированных сферах деятельности, фиксируя привычные способы выполнения профессиональных действий, так и в обыденной жизни, где чаще приобретают значение устойчивых форм социально-коммуникативного взаимодействия и выполнения рутинных операций. Нравы способствуют выработке и утверждению оптимальных форм поведения, учитывающих нормативные социально-культурные установления и практические интересы индивидов. Зазор, возникающий между стратегиями и нравами, обусловлен различными целевыми установками. Если первые направлены на поддержание status quo, иерархии, формирование идеологии, то вторые преследуют прагматические цели, ориентированы на прикладную деятельность и носят преобразующий характер.

Применительно к пониманию сущности нравов это означает, что нравы некорректно трактовать только как реализацию нормативов и образцов. Подобная позиция чревата источником целого ряда заблуждений, а именно: нравы в этой диспозиции постоянного сравнения с идеалами, образцами, нормами всегда будут выглядеть ущербно, компромиссно, дефицитно. На уровне общественного сознания это порождает постоянную риторику возмущения «падением нравов», упованием на более достойное прошлое или будущее, невнимательным отношением к настоящему. На уровне социальной стратегии это мотивирует установку на активное перевоспитание, «перековку», исправление нравов любыми, в том числе и сильными средствами. Если функциональное назначение нравов – только реализация образцов, исследователь попадает и в теоретический, и в социально-практический тупик. Но если исходить из понимания нравов как типа культурных практик, можно констатировать их определенную автономность, дистанцированность от сферы должного, зафиксировать собственный, прагматический, источник житейских значений.

Кроме того, важно отметить, что нравы вписаны не столько в *вертикальную систему надзора* (власть, государство), сколько в *горизонтальную* (соседи, одноклассники, референтная группа и

др.). Горизонтальная система надзора влияет на личность, делая ее зависимой в своих поступках, в своих выборах от этой среды. С другой стороны, есть тенденция противопоставить себя этому окружающему: я – такой (как правило, хороший, обязательный, выполняющий должное), а они – другие. Причем эти другие оказываются более стереотипизированными в своих поступках. Предполагается, что они несвободны в своих проявлениях, а свободное и ответственное решение принимаю «Я», поскольку свободен хотя бы в принятии своих решений, несмотря на зависимость ото всех (*«Вот захочу и нарушу норму, потому что я так считаю нужным, возможным»*). На сегодняшний день фактически фиксируется тенденция к оценке себя и других в разных системах координат, что свидетельствует о кризисе коллективности и обеспечивающих ее социальных связей.

Обращаясь к характеристике современных российских нравов, необходимо отметить, что человек в современном массовом обществе пытается себя выделить, это часть его процесса идентификации. Индивид себя видит субъектом достаточно независимым и самостоятельным. Сами по себе эти качества для модернизации очень важны, потому что *цель модернизации* состоит как раз в *воспитании субъекта* (свободного, самостоятельного и ответственного «Я»). Все концепции модернизации – это, в конечном счете, накопление субъектности. И поэтому, если модернизировать нравы, то надо обращаться не к массе, а к индивиду и его ближайшему окружению. Если модернизировать нравы, то надо пытаться делать это не по вертикали (модернизация «сверху» вряд ли возможна), а через каналы, связанные с соседской общиной, семьей, референтными группами, повседневными сферами жизни человека.

Определение нравов через социокультурные практики вносит момент динамизма. Само слово «практики» предполагает, что всегда есть механизм приспособления. Они постоянно меняются и заставляют меняться самого человека. Кроме того, первичное, базовое основание любых практик – их ориентация на результат. В этом отношении смысл практик (нравов) не в том, чтобы реализовать образец, а в том, чтобы решить конкретную практическую задачу.

Например, человек переходит улицу на зеленый свет не для того, чтобы поступить согласно правилу, его реализовать, а чтобы попасть невредимым на другую сторону улицы. Если он нарушает это правило, необходимо понять, на каком социальном фоне происходит это нарушение, насколько оно типично и какая прагматика скрывается за этим действием. Образно выражаясь, это похоже на *протоптывание дорожек*: там, где люди «протоптали дорожку», они нарушили сложившийся порядок, норму. Стоит понять, посмотреть, почему они протоптали эту дорожку именно здесь, куда ведет эта дорожка, какой она ширины, и т. д. Если же мы будем придумывать новое должное, спускать его сверху, думая о том, как нам еще более жестко, регламентированно, карательно его провести, то результат вряд ли будет положительным. Люди будут конструировать в ответ на это должное новые социокультурные практики (тактики, в терминах М. де Серто) и приспособлять их под себя («наши люди» всегда придумают, как обойти какую-то «навязанную» им норму). Это связано с природой самих социально-культурных практик, ориентированных на то, чтобы человеку было легче, приятнее, удобнее и эффективнее. Смысл и содержание нравов раскроются для исследовательского видения только тогда, когда мы выявим логику расхождения с нормой, эту постоянную драму повседневной нравственности.

Таким образом, важно вычленив, определить и осмыслить не столько официальные нормы, сколько нормы реальных культурных практик. В природе нравов есть некий зазор между нормой и повторяющимся, заведенным и транслируемым на уровне привычного поведения порядком вещей (к примеру, есть нормы перехода улицы по светофору, а есть реальная практика поведения пешеходов; есть нормы посещения врачей в случае болезни, а есть практика самолечения; и т. д.)⁹.

Это значит, что задача модернизации нравов состоит в том, чтобы направить эти «теневые», стихийно формирующиеся в повседневной жизни россиян социально-культурные практики в какое-то

⁹ См. материалы социологического исследования (Гл. 5 раздела III).

позитивное русло. Говоря о судьбах советских практик в современной России, В. Волков отмечает, что «разрушение “старой” системы и создание “новой” возможно только в теории и... невозможна эффективная реформа “сверху” – без последующего отступления и “тихого” возвращения к “старому”»¹⁰. Однако, думается, дело здесь не только и не столько в консервативности повседневных практик как таковых (хотя это их свойство также не следует сбрасывать со счетов), сколько в уже отмеченной противоречивости целевых установок, на которые ориентируются в своей деятельности разные социальные группы. Ибо любое реформирование есть не что иное, как один из вариантов стратегии, которая неизбежно корректируется теми, кто выступает ее объектами и адресатами. И в данной ситуации сопротивление модернизационным процессам связано скорее с выработкой адаптивных практик, а также – как вариант – с актуализацией прежних практик, доказавших свою эффективность. Основная проблема заключается в том, что логика формирования практик непредсказуема и непрогнозируема, что создает существенные трудности для управления процессом их формирования и утверждения.

Итак, можно сделать вывод: социально-культурные практики – это процесс (механизм) зарождения, формирования нравов. С них начинается становление нравов как стабильных, привычных, транслируемых из поколения в поколение способов социально-культурного взаимодействия, одобряемых общественным мнением той или иной социальной группы, закрепленных и постоянно воспроизводимых в их социокультурной практике в различных сферах жизнедеятельности. Социально-культурные практики становятся нравами, обретая стабильность, привычность, транслируемость, т. е. когда они теряют динамизм. Социокультурные практики можно обозначить как процесс, а нравы – как результат.

¹⁰ Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации / В. Волков // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 330.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ НРАВЫ: МЕЖДУ БУРЖУАЗНОСТЬЮ И НИЩЕТОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕАТРА И КИНО 2000-Х)

Логично предположить, что обращение художников к современным российским нравам связано с их доброй волей и искренним желанием представить и попытаться понять такие сферы повседневности, которые носят зачастую нерелефлексированный характер, ускользают в силу своей повторяемости и рутинности. Панограма российского искусства последних десяти лет доказывает актуальность практического поворота философско-культурологических исследований, когда «надо обращать внимание на то, что дается людям легко и что они делают регулярно»¹¹.

Практика новой драмы и кинематографа «новых тихих»¹² демонстрирует/конструирует особенности постсоветского человека, чьи нравы формировались на базе сохранения/отказа от советской системы ценностей и критического/некритического восприятия ценностей буржуазного мира. Термин «постсоветский» родился в ответ на конкретное историческое событие – распад Советского Союза. У термина до сих пор нет внятного концептуального наполнения, он, скорее, констатирует новую хронологию, нежели новое качество («Постсоветский словарь стал собственностью позднекапиталистического календаря, а постсоветский язык стал одной из категорий языка позднего капитализма»)¹³. Пытаясь рассмотреть антропологические характеристики постсоветского человека и его нравы,

¹¹ Волков В. Теория практик / В. Волков, О. Хархордин. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 147.

¹² Так были названы режиссеры новой российской волны – Б. Хлебников, А. Попогребский, А. Мизгирев, В. Сигарев и др. в дискуссии, проведенной журналом «Искусство кино»: «Новые тихие». Режиссерская смена – смена картин мира [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2011. № 8. URL: <http://kinoart.ru/2011/n8-article4.html> (дата обращения: 09.09.2012).

¹³ Фикс Е. Ответственность советского художника [Электронный ресурс] / Е. Фикс // Художественный журнал. № 65–66. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/65-66/fix/> (дата обращения: 09.09.2012).

мы даем себе отчет, что никакого среднестатистического постсоветского (равно, как и советского) человека быть не может. Лишь искусство, в частности, театр и кинематограф, визуализируя повседневные практики современного человека, обладает способностью типологизировать разнообразные модели человеческого поведения в новых исторических/экономических/психологических ситуациях.

Российский кинематограф начала XXI в. исследовал состояния фрустрации, связанные с тектоническими разломами истории, мучительным расставанием с советским прошлым посредством его демифологизации (история для советских людей чаще выступала в виде мифологии), обнажения репрессивных практик, предъявления травматичных для обывателя свидетельств. Список таких фильмов, в отличие от восточноевропейского кинематографа, подробно на протяжении 20 лет разбирающегося со своим коротким тоталитарным прошлым, невелик. Если фильмы «Водитель для Веры» Павла Чухрая, «Свои» Дмитрия Месхиева, «Завещание Ленина» Николая Достая имели большой зрительский успех, то уже эпическая картина Алексея Учителя «Край» практически не нашла своего зрителя, а показ на телевизионном канале фильма фронтовика Петра Тодоровского «Риорита» вызвал шквал возмущенных отзывов и обвинений режиссера в очернительстве. Таким образом, постсоветский человек (автор и герой) не пожелали проживать/изживать свои исторические травмы, причем не последнюю роль здесь сыграла и официальная идеология, навязавшая режим ностальгического отношения к советскому прошлому путем его эстетизации и гламуризации.

Отказ от работы с посттравматическим переживанием понятен с точки зрения обыденного сознания. Массовая культура, как всегда, предложила свои психотерапевтические приемы «врачевания» травм в виде бесконечных «Старых песен о Главном». Однако в небольшой промежуток времени (от «Возвращения» Андрея Звягинцева до его же «Елены») появились художественные тексты, в которых подвергаются сомнению традиционные представления патриархатной семьи (а именно она и была главной идеологической моделью советского мира: от верховной власти генсека к власти среднестатистического отца семейства).

Отцы и дети: обмен ценностями

Тема отцовства в кинематографе разворачивалась на разных уровнях: от метафизического, мифологическо-религиозного в «Возвращении» А. Звягинцева, до феноменологически-узнаваемого в «Коктебеле» Б. Хлебникова и А. Попогребского. Разными оказываются и идеологический, и профессиональный статусы отцов: от кулака-старосты в фильме Д. Месхиева «Свои» до генерала Советской Армии из «Водителя для Веры» П. Чухрая (обе роли играл ныне ушедший из жизни великолепный актер Богдан Ступка). Что объединяет этих персонажей? Они – биологические отцы, «свои» по крови. На этом сходство заканчивается. Отец у Звягинцева – человек, лишенный бытовых подробностей, мы не знаем его биографии, он приходит в мир мальчиков, как рок, закон, принять который традиционная культура должна беспрекословно. Но приход этого brutального, молчаливого, загадочного, а потому и экзистенциально ужасного мужчины, назвавшегося отцом, не случаен. Он забирает мальчиков из женского мира и помещает их в мир мужской, где воспитание понимается как беспрекословное подчинение, где неоспорима власть и субординация, где надо бить, чтобы выжить. Перед нами сила «мачо», которого нужно уважать по каким-то иррациональным, в нашем случае – биологическим основаниям, ибо он – кровный отец, хочет, чтобы его называли папой. В фильме мы видим две стратегии поведения – послушание и вызов традиции. Если старший сразу принимает предложенные условия и обстоятельства, искренне пытается полюбить отца, хотя это не спасет его от отцовского гнева и физического насилия (пощечины), то младший, которому, по идее, есть чему поучиться у отца, задает жесткий и прямой вопрос: «Зачем ты приехал?» Протест младшего – это не только дурной нрав избалованного ребенка, чей комфортный мир безжалостно разрушен, но и нормальное недоверие сомневающегося субъекта, озвученное в вопросе к брату: «Откуда мне знать, что он отец? Мы ему на фиг не нужны...». Звягинцев конструирует ситуацию, когда «кроха-сын» отказывается задавать вопросы, и это не только показатель вредного характера подростка, но и отстраивание собственного пространства.

В «Возвращении» отец роковым образом ворвался в судьбу мальчиков, сделав их отцеубийцами, причем, не символически, а реально, физически. Что в итоге? Прорезавшаяся любовь-раскаяние и преодоление комплекса страха высоты у «мелкого», и психологическая травма у сломавшегося ранее старшего. В фильме нашли свое подтверждение и культурологические нарративы в виде драматического сплетения ветхозаветных и новозаветных нравов, когда приобретение опыта идет либо посредством абсолютного приятия авторитета, либо посредством жертвоприношения, и нарративы отечественной истории, объясняющие поведение постсоветского человека. Патриархальный мир, построенный только на авторитете старшего, сегодня невозможен, а научить подкладывать ветки под колеса буксующей машины (отец в фильме дает урок сыновьям по ОБЖ) может не только отец. Если все-таки нарушить волю автора (Звягинцев утверждал, что он делает метафизическое, небытовое кино) и перевести сюжет в бытовую плоскость, то фильм явно противоречит тиражируемому массовой культурой представлению об идеальном мужчине (отце) – крутом мужике, готовом к разборкам, и ностальгии о сильной руке. Иван, младший сын, бросает нож, не желая бороться с агрессией, сила для него – не есть авторитет, возвышенное в форме беспредельной власти, по Звягинцеву, обречено. От метафизики перейдем к историческим реконструкциям.

В фильме Д. Месхиева «Свои» повседневность врывается мотоциклетной фашистской атакой, взрывами, кипящей кровью, пленом. Жизнь трех беглых советских военнопленных («наших») полностью зависит от воли отца одного из них, отец же молодого снайпера – в прошлом кулак, а нынче – староста на оккупированной территории. Патриархальное воспитание деревенского паренька точно указывает направление побега – отеческий дом. Отец не может быть не своим. Предложенные обстоятельства лишь внешне напоминают классику военного жанра – «Восхождение» Ларисы Шепитько или «Проверку на дорогах» Алексея Германа. Логика тех фильмов основана на логике жертвоприношения, искупления, а в «Своих» соглашатель/предатель староста не торопится стать жертвой. Происходит обмен ценностями, когда классовое деление

на «своих» и «чужих» по идеологическим основаниям не является плодотворным. Отец (Б. Ступка) – кулак и староста; особист (С. Гармаш), проворно перерезающий горло «своему» красноармейцу за антисемитские высказывания; политрук-лейтенант (К. Хабенский) оказываются «своими», связанными общей бедой, повязанными общей судьбой. Все симпатии авторов фильма (режиссера Дмитрия Месхиева и сценариста Валентина Черных) на стороне отца, который совершенно спокойно мог бы спасти своего кровного сына, сдав его товарищей, среди которых не просто коммунист, но еще и еврей. Отец – настоящий хозяин, «крепкий мужик» – делает выбор, и этот выбор – вне идеологии. Героем Ступки движет не абстрактная идея власти, а любовь, любовь к сыну, к семье, к молодой женщине, от которой хочет иметь ребенка, но по причинам возрастным вряд ли сможет. Отец – творческая, порождающая сила. Нравы классовой борьбы обмениваются на возвышенное великодушие, отец уступает свое право на биологическое отцовство молодому особисту. Такая парадигма отцовства – иной вариант жертвенности, но главное даже не в ней. Перед нами – демонстрация не оголтелой силы, слепой в своей однозначности и требовательности, а способность выбирать и давать право выбора другим в пограничных ситуациях, когда возможность выбора стремится к нулю. Отец благословит возвращение сына к партизанам последней фразой в кадре: «А тебе, сынок, Родину защищать надо». Так, патриархальные нравы и советские нравы окажутся вне жесткой иерархии, а система патриотизма лишится определенности, обретет не идеологические, а экзистенциально-нравственные оттенки.

Если в случае «Возвращения» дети «расшатывали» ценностную доминанту, то у Месхиева сам отец (по воле режиссера и сценариста, снимавших фильм в 2004 г.) участвует в процедуре ревизии патриархальных ценностей, дарит детям новые стратегии выживания.

В фильме Павла Чухрая «Водитель для Веры» отец – советский генерал, в силу сложившихся семейных обстоятельств он выполняет и функции прародителя, и материнские, защищающие все

живое: он защищал своих подчиненных, спасал дочь от самоубийства. Но если в «Своих» жесткая и беспощадная логика войны все-таки оставляла отцу шанс для спасения сына, то в ленте Чухрая государственная «дезинфекция» уничтожит и отца, и дочь. Герои окажутся в отношениях амбивалентности. Они совершают одинаковое количество мерзких и приличных потупков, а один из них – Виктор, водитель Веры, ее муж, небиологический отец ее ребенка, наблюдающий из-за угла за убийством своей жены, все-таки спасет младенца. Что заставило его, получившего от власти право на жизнь, отказаться от подачки государства в виде дозированной свободы передвижения, взяв на себя функции подлинного отца? Может, память об отобранной тем же государством сестренке? Вновь мы видим, как современный режиссер предлагает новую версию нравов, не вписывающихся в стройную систему нравов тоталитаризма, вновь преодолевается идеологическая ценностная доминанта. Хотя перед нами разыгрываются не документальные истории, способ и характер действия героев в предлагаемых обстоятельствах оказываются убедительными, ибо предлагают обстоятельства люди, наделенные другой оптикой исторического видения.

В фильме Б. Хлебникова и А. Попогребского «Коктебель» отец и сын едут в Крым, но не в летний курортный сезон, а в самый что ни на есть разгар учебного года. Как и в фильме А. Звягинцева, все бытовые вопросы остаются за скобками (почему мальчик не учится, почему отец подвергает сына опасности и т. п.). Из фильма ясно одно: сын верит отцу, они оба заражены бациллой романтизма, они верят в возможность полета, и Коктебель в данном случае – не только географическое название, но и романтический идеал. Но «Коктебель» – принципиально антиромантическое кино. Мечты о вершине горы и возвышенном разбиваются не сразу. Мальчик, пройдя через быт нищих поселков, нравы спившихся особистов, начинает сомневаться в возможности найти Коктебель. Первая трещина в любви-доверии – трещина недоверия – зарождается, когда мальчик в географическом атласе не находит названия Коктебель. И сколько бы отец ни объяснял сыну, что Коктебель – это и есть поселок Планерское в советском варианте, что это одно и то же, предчувствие беды поселится в душе сына. Планерское –

из мира советского, Коктебель – из советского интеллигентского, полудиссидентского. Коктебель глазами Хлебникова и Попогребского доказывает негативное тождество названий. В постсоветском капиталистическом мире различия снимаются, произнесешь ли слово Коктебель или Планерское – не имеет никакого значения, ибо все это – курортный поселок, маркированный не духом поэта Волошина и подвигами планеристов, а огромным количеством бедер и ягодичек отдыхающих, шествующих в обтягивающих джинсах или бикини по набережной. Нарочито демонстрируемый «телесный низ» недвусмысленно указывает на конец романтического проекта. Следующий шок, переживаемый мальчиком и зрителями, – разрушенный памятник планеристам на знаменитой горе, груды мусора и трижды не улетевший листок бумаги. Постсоветская реальность – реальность раннего капитализма, жить в ней – и отцам, и детям – большое мужество, рецепты приходится добывать вместе.

Вступающим в капитализм...

Другой корпус кинотекстов начала века был связан с описанием процессов «развития капитализма в России» и становлением буржуазных нравов. Путь к благообразному гламуру шел через бандитские разборки, передел собственности, пытки паяльными лампами, приковывание к батареям и т. п., одним словом, «чернуху». Лишь Вадим Абдрашитов, снявший в 2003 г. фильм «Магнитные бури» (в основе фильма лежали реальные события передела собственности на Салдинском комбинате), довел типичную, характерную для 1990-х историю передела собственности до масштаба античной трагедии, когда несущиеся драться молчаливые толпы мужчин выступают роковым потоком, вырваться из которого нет возможности ни у кого. Именно в этом фильме Абдрашитов обнажил важную черту советского человека – его веру во всемогущество власти как источника порядка. Эта вера приводит к трагическому финалу, обнажает бесперспективность патерналистских отношений. Режиссер предлагает новое измерение индивида в социуме,

основанное на отношении недоверия, подозрительности к власти, именно это отношение станет индикатором «взросления» постсоветского человека.

Избавление от инфантилизма шло двумя путями: через «снижение» образов семейной власти («Брат», «Война» А. Балабанова, «Коктебель» Б. Хлебникова и А. Попогребского, «Все умрут, а я останусь» В. Германики) и посредством утверждения на практике «теории малых дел» («Простые вещи» А. Попогребского, «Свободное плавание» Б. Хлебникова, «Дикое поле» М. Калатозашвили).

Советский человек обладал способностью приспособиться к репрессивному режиму, Лев Гудков называл это качество «понижающей адаптацией», в ходе которой сформировался «“лукавый раб”... не идеологический, не мобилизационный человек, как первое поколение советских людей, а это довольно циничный, беспринципный, аморальный в значительной степени человек, но благодаря этому – выживающий. Главная его характеристика – это установка на выживание, поэтому это довольно гибкий человек». Результатом такой гибкости было известное советское двоемыслие, цинизм, т. е. набор качеств, помогавших массе пережить и совершить переход в постсоветское пространство. Таким образом, сегодняшний постсоветский человек обладает опытом жизни в двух формациях. Поскольку новое качество (стать постсоветским) не было результатом свободного выбора, оно принесло новые травмы, с которыми не все справились. Таковы герои фильма В. Котта «Громозека». Фильм похож на «Реквием», основным мотивом которого может стать измененная цитата советской песни «Птица счастья завтрашнего дня», где вместо «Завтра будет лучше, чем вчера», остается тотальное «Завтра будет хуже, чем вчера». История трех товарищей, игравших в 1980-е в ВИА «Громозека», – история отсутствия у постсоветского человека практик самостоятельной жизни. Таксист Мозеров, милиционер Громов и врач Каминский – хорошие советские люди, оказавшиеся лузерами в постсоветском пространстве лжи и предательства. Горькое, грустное кино, в котором нет никакого обличения, а есть лишь «реквием по мечте», ибо советский человек жил в обществе мечты, а постсоветскому – предложен «расколдованный» мир общества потребления. В массовом

сознании сложилось устойчивое представление, что успешность пребывания в новом мире обеспечивают деньги, в постсоветском лексиконе – «шальные» деньги. После двух десятков лет криминальных историй про путь к успеху К. Буслов снимает фильм с попсовым названием «Бабло», фильм попадает на «Кинотавр» и в прокат. Смена жанров – от криминальной драмы к криминальной комедии – репрезентативна, появляется надежда на расставание с прошлым. Фильм оказался больше, чем жанровое кино, так как героями являются не те, кто ищут, крадут, теряют и находят миллион евро, а сам миллион. Два пакета по 500 000 из материального объекта превращаются в некий «смутный объект желания», странно возникнув, они странным же образом пропадают, вовлекая в «круговорот денег в природе» (Т. Круглова) успешных бизнесменов, ментов-взяточников, умных и находчивых проституток, наивных «барсеточников» и других традиционных персонажей криминальных драм. Жанровые игры К. Буслова выявляют устойчивую черту постсоветского человека – недоверие к другим, которое произрастает из советского двоемыслия, именно оно (недоверие) позволяет «шальному» миллиону превратиться в фантом.

Соединение инфантилизма с тотальным недоверием составляет особый национальный колорит российского капитализма, в котором желание обогатиться соединяется с ненавистью к богатым, а богатство прочно ассоциируется не с трудом, а с воровством или «халявой». Такой синтез находит свое выражение в фарсовых художественных текстах у Ярославы Пулинович, братьев Пресняковых, И. Дыховичного.

Пьесу учеников Николая Коляды Павла Казанцева и Ярославы Пулинович «Мойщики» критик Павел Руднев назвал «волонтаристским ответом на экстренную капитализацию России»¹⁴. Мойщиками себя называют супермаркетные воры, обладающие способностями «смыть» все защиты с товаров в богатых бутиках. Главный герой виртуозно проводит свою знакомую (хозяйку одного

¹⁴ Руднев П. Театральные впечатления Павла Руднева [Электронный ресурс] / П. Руднев // Новый мир. 2008. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2008/10/ru19.html (дата обращения: 09.09.2012).

из бутиков, как выяснится позже) через самый сложный и опаснейший путь овладения профессией «мойщика». Воровство преподносится как борьба с буржуазными нравами, связанными с богатством и накопительством, жулики позиционируют себя как герои гражданского сопротивления, санитары нового капиталистического «леса». Антибуржуазный характер пьесы молодых драматургов демонстрирует, «что российское общество уже успело прочесть не только “Общество потребления” Бодрийера, но и “Общество спектакля” Ги Дебора»¹⁵.

Сценарий братьев Пресняковых «Восток – Запад», преобразованный Иваном Дыховичным в фильм, тоже про находчивость современных россиян, про «общество спектакля», в котором бродячий коллектив разыгрывает свадьбу на границе «Европа – Азия», предлагая туристам, посещающим эту уральскую достопримечательность, сделать подарки молодым. Мать невесты (Татьяна Лазарева) убедительно рассказывает истории в стиле газеты «Жизнь» о трудном пути молодоженов к счастью, устоять против которых не может ни один не то что иностранец, даже соотечественник. Свадебная бригада не случайно разместилась на границе Европа – Азия, это своеобразный символический знак, определяющий особенности российских нравов: заискивание перед иностранцем и ненависть к нему одновременно. Марк Липовецкий оценивает этот фильм в терминах символической экономики, где «современная Россия существует в режиме “общества спектакля”... где экономика (символическая и несимволическая) основаны на торговле перформансами власти, превосходства и богатства (или наоборот: угнетенности, униженности и бедности)»¹⁶. По мнению автора, эти перформансы объединяют Россию советскую и постсоветскую.

¹⁵ Руднев П. Театральные впечатления Павла Руднева [Электронный ресурс] / П. Руднев // Новый мир. 2008. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/10/ru19.html (дата обращения: 09.09.2012).

¹⁶ Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых [Электронный ресурс] / М. Липовецкий // Новое лит. обозрение. 2003. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/li27.html> (дата обращения: 09.09.2012).

Постсоветская Россия представлена как «мир товара, господствующего над всем, что переживается»¹⁷.

Цинизм товарно-денежных отношений пронизывает все сферы современной жизни. Исключением не являются и реалии судебных процессов. Об этом – спектакль «Театра.doc». «Час восемнадцать». Драматургическую основу спектакля составили фрагменты интервью, материалы дела, документы общественной комиссии, отрывки из публикаций и личные дневники 37-летнего Сергея Магнитского, юриста, скончавшегося в «Матросской тишине» из-за отсутствия медицинской помощи. Сергей Магнитский умирал один час и восемнадцать минут. Отсюда название спектакля – «1.18». Врачей рядом не было, только так называемая «группа усиления» – 8 человек, которые приковали Магнитского наручниками, усилив тем самым и без того невыносимую боль. У него был панкреонекроз. Единственного медработника – фельдшера по имени Саша – попросили «погулять». В театральной программке говорится, что то, что произошло с Магнитским, не случайность. Для подследственного существует «прайс» на все – от стакана кипятка до решения судьи. Спектакль представляет собой «суд, которого не было, но который должен быть». Действующие лица – судья, следователь, врач, девушка из «скорой помощи», фельдшер Саша и мать Магнитского. Персонажей, вызванных авторами в воображаемый суд, театр создавал на основе Сети. На сайтах «Лепила. Ру» (так зовутся тюремные врачи) и следователей из провинции «случай Магнитского» обсуждался. Общий смысловой знаменатель – во всем виноват сам умерший, ведь обо всем можно договориться.

Режиссер и сценарист Михаил Сегал, создавший в 2012 г. сагу о современной России (фильм «Рассказы» состоит из четырех новелл) исследует разные стратегии поведения сегодняшнего человека, в том числе и его умение «договариваться» в различных жизненных ситуациях. Эта часть фильма следует за новеллой «Мир крепежа», в которой молодые люди обсуждают детали будущей свадьбы с ивент-менеджером. Прагматический дискурс здесь

¹⁷ Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офестаса и М. Якубович. М. : Логос : Радек, 2000. С. 28.

доводится до абсурда, когда герои принимают предложения менеджера подготовиться ко всем сюжетам жизненного пути (от фиксированных будущих субъектов супружеских измен до способов захоронения). Новелла «Круговое движение» – пособие по выстраиванию коррупционных схем. Впрочем, основа схем едина – вовремя предложенная в натуральном (автосервис, военкомат, вуз, больница) или символическом (переговоры проворовавшегося губернатора с президентом) виде взятка. Взятка, как капля воды из урока по окружающему миру, придает этому миру импульс движения. Именно в этой новелле Сегал превращает ритм, музыку, изображение в единое целое, выражающее трагическое несоответствие грандиозной, совершенной природы-натуры мерзостям и мелочности человеческой природы-культуры. Оператор Эдуард Мошкович «столкнул» реальные природные пейзажи с потрясающим светом (как у Куинджи) с гламурными симулякрами в виде губернатора Егора Сергеевича (Сергей Фетисов) и президента (Игорь Угольников). Камера играет общими планами, панорамными видами Восточно-Европейской равнины, вселяющими трепет перед отечественными природными богатствами. Белая лошадь, белый костюм, белые туфли с белыми носками, тонкий белый фарфор чайного сервиза да тома Карамзина и Толстого, да еще случайно валяющийся в траве томик Ключевского – образы чистоты и целомудренности, богатства природного и культурного. Белый цвет как бы подчеркивает сакральность власти, которая так же возвышенна, как и поля, озера, реки. Грязные деньги, с которыми возятся несовершенные люди и власть в белоснежных одеждах составляют гармоничную пару, символизирующую природу-культуру России. Взятка же подобна божественному часовщику-творцу, запускающему работу огромного мира.

Насилие как исток повседневной жизни

Герои «новых тихих» живут в мирное время, в постсоветской России, в советских квартирах, часто в коммуналках («Простые вещи», «Бубен, барабан»), работают (простой врач-анестезиолог

в «Простых вещах» А. Попогребского, простая библиотекарьша в фильме «Бубен, барабан» А. Мизгирева, обычные работники метеостанции в фильме «Как я провел этим летом» А. Попогребского) или ищут работу («Свободное плавание», «Сумасшедшая помощь» Бориса Хлебникова), все они погружены в мир повседневности, который их, в общем-то, никак не «напрягает». Изображая чудовищные акты физического и символического насилия («Волчок» и «Жить» Василия Сигарева, «Елена» Звягинцева, «Конвой» Мизгирева), авторы отказываются от исследования причин тех или иных нравов. Мать, героиня сигаревского «Волчка» (Яна Троянова), лишена каких бы то ни было обязательств перед близкими, животная жажда наслаждения держит героиню в режиме постоянного экстатического поиска, а дочь – помеха этой жажде. Мотивы приезда Евгения, мужика из Белоруссии, в Москву в фильме Бориса Хлебникова «Сумасшедшая помощь» безупречно правдоподобны, он едет на заработки, правдоподобно и то, с каким «радушием» его встречает Москва и москвичи (ограбление, избивание и пр.). Именно здесь рождается новая линия развития отечественного неореализма. Во всех перечисленных фильмах возникают своеобразные «нарративные сбои», в них не действуют привычные модели объяснения, принципы детерминизма. К примеру, совершенно непонятно, не укладывается в логику предшествующих поступков поведение Евгения из «Сумасшедшей помощи», который бросает мертвого человека, давшего ему кров, приют, ставшего ему другом; не передает телефонограмму герой из фильма «Как я провел этим летом»; ворует и готова пойти на убийство принципиальная, честная библиотекарьша из фильма «Бубен, барабан». Социальная критика теряет свои основания, если русский критический реализм вызывал сочувствие и протест, вызывал осознание того, что «так жить нельзя», то в современных российских фильмах устами героини «Бубен, барабан» декларируется другая стратегия: «Не можешь, не живи». Или «не дашь денег, так лишу жизни». Именно так поступит Елена из одноименного фильма Андрея Звягинцева. Слепая, страшно развращающая любовь матери к инфантильному взрослому сыну-бездельнику и его детям снимет все табу, на которых держится достойная человеческая жизнь.

Акты насилия присутствуют в современном российском искусстве и в текстах, воссоздающих новые буржуазные отношения, основанные на обязательном материальном успехе, и в текстах, где присутствует антибуржуазная риторика. Если буржуазная система ценностей транслируется и конструируется СМИ, массовой культурой, то стратегии антибуржуазности распространены не так широко. В драматургии результаты отсутствия прививки от богатства мы находим в пьесах Я. Пулинович. Одна из самых востребованных современным театром, причем не только российским, пьеса Ярославы – «Наташина мечта». Локальная история про девочку из детдома оказалась больше, чем документальная драма из зала суда. За несколько лет небольшой текст Ярославы Пулинович получил столько сценических версий, что обойтись без сравнений невозможно. Первая Наташа – детдомовская девочка, мать которой убил сутенер, влюбившаяся в корреспондента газеты «Шишкинская правда», избивает соперницу, в результате та оказывается в коме, а Наташа – под следствием. Наташина мечта порождена телевизором, дешевым глянцем, одиночеством, социальной беспомощностью, отсутствием ментального опыта. Оброненные фразы корреспондента «Наташа, какая у тебя мечта?» и «Наташа, береги себя» воспринимаются девочкой как гарантия вечной любви, чтоб с коробкой конфет, шампанским и фатой! Вторая Наташа – брезгливая девочка из обеспеченной семьи, никого не убивает и физически не калечит, но легко и радостно символически уничтожает соседку. И та, и другая Наташи не застрахованы от трагических ошибок, одна – из-за абсолютной социальной незрелости, другая – из-за неспособности сомневаться. Каждая пришла в этот мир, чтобы обладать, желание приватизировать чужую жизнь – вот что объединяет героинь. Испытание любовью, требующей отдавать, а не присваивать, не выдерживается ни той, ни другой. И дело здесь не в социальном неравенстве. Каждая из девушек, подобно ницшеанским образам аполлонического и дионисийского начал, защищает свои представления о жизни и любви. Стихия одной сталкивается с порядком другой, но, как предсказывал Ницше, гармонии не предвидится.

Современные российские нравы производны не только от конкретных социально-политических реалий, но и связаны с советским прошлым. На инфантильного постсоветского человека выпала серьезная проверка на способность противостоять соблазну потребительского мира. Хотелось бы, чтобы он научился это делать без перформансов насилия.

Глава 3

ГЕНДЕРНЫЕ НРАВЫ И ЖЕНСКОЕ ЧТЕНИЕ: ОПЫТ ПРЕРВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Женское чтение как культурная практика модернизации женских нравов

Обращение к проблеме женского чтения и женских нравов в современном культурологическом знании объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, влиятельностью чтения как культурной практики, трансформирующей сознание субъектов чтения, а опосредованно, и нравы читателей. Такое воздействие осуществляется чтением благодаря увеличению объема освоенной читателем информации, развитию у читателя навыка понимания и интерпретации текста, включенности читателя в процесс переживания прочитываемого произведения и, вследствие последнего, расширению операционального и экзистенциального жизненного опыта. Кроме того, процессы существования читателя в художественном мире прочитываемого произведения определяют становление субъекта чтения читателем¹⁸ и человеком, обретающим

¹⁸ Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез ; пер. с фр. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. СПб. : Machina, 2002. С. 11.

в процессе чтения собственную неповторимую и уникальную человеческую сущность¹⁹.

Тема женских нравов и женского чтения актуальна в плане культурологического исследования непосредственно механизмов взаимодействия этих двух весьма специфичных, но пересекающихся в своем функционировании социальных институтов: нравов как института повседневного человеческого поведения и чтения как института становления духовно-аксиологической составляющей человеческой личности. Анализируя аспект взаимовлияния чтения на нравы читателей и развитие института чтения в его влиянии на нравы писателей и издателей, представляется плодотворным посмотреть в истории культуры, каким образом практики чтения способствовали практикам трансформации нравов читателей, в частности, как женское чтение способствовало трансформации женских нравов, массовое чтение – трансформации нравов в массовом обществе (на его ранней, логоцентричной стадии до середины XX в.), как изменяется трансформационный потенциал чтения в зависимости от носителя текста и форм организации чтения на рубеже XX и XXI вв. от книги печатной к книге электронной (экранной) или аудиальной.

Если мы хотим сегодня наметить перспективы и возможные траектории развития культуры, то важно понять, как влияет на трансформацию нравов (морально-нравственного климата в обществе) отказ от массовой практики чтения как основополагающей формы трансляции социокультурной информации и переход к другим формам передачи и обработки социокультурной информации сегодня и в перспективе, какими социокультурными последствиями чревато системное разрушение чтения как культурной практики и социокультурного института, происходящее не столько в результате естественных процессов эволюции техник чтения, сколько в результате реформ гуманитарного образования, книгоиздательства и книжной торговли.

¹⁹ *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sartre/Literature.php (дата обращения: 07.08.2012).

Одновременно представляется плодотворным изучить, как влияет формирование социального института читателей на развитие социальных институций, связанных с организацией процесса чтения, – книгоиздания, книготорговли, книжной графики, литературной критики, библиотечного дела, редактуры, цензуры, макулатуры, а также блогов, форумов, смс-порталов – и динамикой нравов внутри этих институций.

С третьей стороны, представляется, что чтение в современной культурологической науке можно и нужно рассматривать не только как процесс репрезентации нравов, присущих повседневности, но необходимо понять, как писателем и читателем осуществляется воображение нравов прошлого, будущего и настоящего, как в процессе чтения происходит непосредственное конструирование нравов нарождающегося типа культуры.

Одной из самых удивительных способностей чтения, как, впрочем, и восприятия других видов искусства, является способность моделирования нравов будущего – не только фиксация, отражение, репрезентация существующего и презентированного в культуре, но имплицитное воплощение того типа (вида, уровня, стадии) социальности и культуры, которые еще только формируются, не нашли своего эксплицитного воплощения в формах научной или политической рефлексии, но уже стали предметом трансляции и конституирования в сознании читателей в процессе «письма» и «чтения». В этом имплицитном постижении трендов будущего развития, безусловно, кроется креативный потенциал не только «чтения», но и искусства вообще, его прогностическая социокультурная ценность.

Исследование нравов и исследование чтения как важнейших социокультурных институтов и культурных практик являются сегодня динамично развивающимися направлениями социально-гуманитарного знания. И именно достигнутая в социально-гуманитарном знании относительная определенность с понятиями чтения и нравов позволяет сегодня заниматься исследованием взаимообусловленности этих двух разнородных и разнонаправленных социокультурных процессов, выявлением их креативного, модернизационного потенциала.

Вместе с тем необходимо заметить, что при обилии как обще-теоретических, так и конкретно-социологических или лингвистических исследований, перекрестно исследующих нравы и чтение («История чтения в западном мире от Античности до наших дней» под ред. Г. Кавалло и Р. Шартъе; Б. Гудков, Л. Дубин «Литература и общество»; Ж.-П. Сартр «Что такое литература?» или Б. Дубин, Н. Зоркая «Чтение в России – 2008: тенденции и проблемы», «Образ достойной жизни в современных российских СМИ» под ред. М. Литовской, А. Розенхолм, Е. Трубиной), роль женского чтения в представлении, воображении, конструировании и конституировании нравов еще не получила своего специального и детального рассмотрения.

С точки зрения влияния чтения на креативность общественной мысли и социального действия в российской культуре, представляется, что установки на модернизацию женских нравов и креативные формы функционирования женщин как действующих социальных индивидов, как это показано усилиями феминистской социологии культуры и феминистской литературной критики и литературоведения, также во многом сформированы культурной практикой чтения. Как пишет Е. Здравомыслова, в XX в. именно «чтение, приобщение к книжной культуре можно назвать важнейшим фактором ранней социализации будущих феминисток»²⁰. Раскрепощающее влияние женского чтения на женские нравы также было выявлено и показано на материале русской литературы и традиции женского чтения в России Каролиной де Магд-Соэп²¹, М. Литовской, Т. Кругловой, Е. Приказчиковой, А. Темкиной и другими исследовательницами, но сделано это было преимущественно на примере русской литературы и общественной жизни России XIX–XX вв.

²⁰ Здравомыслова Е. А. Коллективная биография современных российских феминисток / Е. А. Здравомыслова // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / Центр независимых социальных исследований. СПб., 1996. С. 33–60.

²¹ Магд-Соэп К. де. Эмансипация женщин в России: Литература и жизнь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Так, И. Савкина в одной из своих статей утверждает, что история читающей девушки в русской литературе – это или «история “порчи”, превращения невинного, ангелообразного существа в “ведьму” – соблазнительницу и охотницу за мужчинами или история “женщины – невинной жертвы”»²², в которой процесс порчи осуществляется благодаря романам и стихам – «как их чтение, так и, тем более, их сочинение – это то, что искушает, возбуждает интеллектуальные амбиции и “неконтролируемое воображение” (Розенхольм1995)»²³. Аналогичные идеи об эмансипирующей сознание роли чтения высказывает У. Эко применительно к культуре западноевропейского Средневековья: «книги отвлекали от базовых ценностей, поощряли излишнюю информированность, вольное толкование Писания и нездоровое любопытство»²⁴.

Новизна предлагаемого нами ракурса исследования женского чтения и женских нравов состоит в анализе этой взаимообусловленности на новом временном отрезке в конце XX – начале XXI в., охарактеризованном М. Маклюэном как эпоха постграмотности, а Э. Тоффлером и М. Кастельсом как информационное общество. Существенный сдвиг временных рамок относительно предмета исследования делает необходимым обновление видения читающего, рефлексирующего и действующего субъекта, а также объекта чтения – книги в современных условиях постграмотности.

Современная женщина как субъект чтения не тождественна абстрактной или конкретной женщине, живущей в современности. Это женщина, обладающая потребностью и возможностью организовывать свой досуг при помощи культурных практик чтения. Т. е. это женщина, которая сознательно, свободно и ответственно выбрала чтение в качестве *ведущей* досуговой деятельности (чтение, а не домоводство; чтение, а не кулинарию; чтение, а не рукоделие;

²² Савкина И. Л. Испытание чтением, или Барышня в библиотеке / И. Л. Савкина // Мальчики и девочки: реалии социализации : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 163.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ Эко У. От галактики Гутенберга к галактике Маклюэна [Электронный ресурс] / У. Эко. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 27.09.2011).

чтение, а не садоводство; чтение, а не рисование; чтение, а не фитнес; чтение, а не вождение автомобиля; чтение, а не любой другой вид деятельности).

С другой стороны, это женщина, для которой именно культурная практика чтения стала способом конструирования социокультурной идентичности. Читающая женщина осваивает и присваивает нормы и ценности культуры в процессе прочтения, проживания и переживания предлагаемых литературой или публицистикой женских историй, опираясь в большей мере на книжный опыт, чем на свой жизненный опыт или на опыт, связанный с восприятием других видов искусства – живописи, скульптуры, театра, кино и т. д. (что может быть связано с особенностями психосоматической организации восприятия себя и мира, с определенным типом формодеятельностных характеристик личности).

С третьей стороны, это женщина, которая в процессе чтения конструирует свою идентичность не только в качестве субъекта художественного восприятия, но и свою гендерную идентичность. Н. Г. Малышева предлагает рассматривать 4 стереотипных модели женской гендерной идентичности, функционирующих в современных практиках чтения и письма.

Это модель «традиционной западной феминности», основанной на социокультурной зависимости женщины от мужчины, степени ее сексуальной привлекательности, включающей обязательное материнство и социабельность²⁵.

Это «традиционная русская феминность», подразумевающая женский идеал в образе мудрой, милосердной и самоотверженной матери²⁶.

Принципиально другая модель – «советская феминность», основанная на идеале «работающей матери» (Ажгихина 2000), воплощенном сильной, авторитарной и асексуальной женщиной²⁷.

²⁵ Малышева Н. Г. Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. псих. наук / Н. Г. Малышева. М. : Изд-во МГУ, 2008. С. 13.

²⁶ Там же. С. 14.

²⁷ Там же. С. 15.

Наконец, «новая феминность», отстаивающая индивидуалистические принципы свободы, сексуальности и ухоженности²⁸.

Предложенная Н. Малышевой типология показывает, что в процессы чтения оказываются включены женщины с самыми различными вариантами конструирования гендерной идентичности, как стереотипными, так и выходящими за их пределы, как желающие утвердиться в своей модели идентичности, так и желающие трансформаций и модернизаций.

Процесс чтения создает условия для того, чтобы женщина осуществляла индивидуальное и интимное становление женщиной в поисках своей гендерной модели феминности, чтобы предлагаемые модели обрастали живыми подробностями, конкретизировались и уточнялись женщиной в процессе чтения – воображения и во взаимодействиях с другими носителями определенных моделей феминности и маскулинности.

Аналогично тому, как трансформировалась женщина как субъект чтения, в современной культуре изменилась и книга, и процесс чтения. Книга попала в ситуацию постграмотности (М. Маклюэн), интерактивности (У. Эко) и вне-временности времени – постоянной возможности перезагрузки (М. Кастельс). Тем ценнее, с точки зрения У. Эко, эксклюзивная возможность, даруемая книгой читателю, осознать «в эпоху технической воспроизводимости» (В. Беньямин) экзистенциальный суровый закон неминуемости. «Чтобы быть свободными, мы должны пройти урок жизни и смерти, и только одни книги способны передать нам это знание»²⁹.

Книга как объект чтения также не является однородным явлением – это может быть печатное издание, электронное (экранное) издание, тактильное или же аудиальное издание. Современную книгу можно читать глазами, ушами или кончиками пальцев, воспринимать визуально, аудиально или тактильно. Очевидно, что множество

²⁸ Малышева Н. Г. Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации. С. 16–17.

²⁹ Эко У. От галактики Гутенберга к галактике Маклюэна [Электронный ресурс] / У. Эко. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 27.09.2011).

женщин-читательниц с различными гендерными идентичностями всякий раз заново конструируют свою читательскую идентичность по отношению к книге – ситуационно-событийно выбирая тип книжного носителя.

Книгу сегодня можно воспринимать также в виде театральных постановок или телевизионных/кинематографических экранизаций, возникают книги новых жанров – написанные на основании киносценариев, мультфильмов и комиксов, смс-переписки. При умножении жанрового многообразия и каналов трансляции, не утрачивает ли книга собственную идентичность и свое специфическое воздействие на читательниц?

Наиболее глубокие и авторитетные исследователи культуры информационного общества, такие как М. Кастельс или У. Эко, солидарны в том, что при всех метаморфозах технических средств-носителей «книга осталась книгой»³⁰ и «книга не умрет, книга останется необходимой»³¹.

Однако книжное бумажное чтение как фактор женской эмансипации и последовательной трансформации женских нравов стало сегодня только лишь одним из возможных каналов модернизации. С чтением книжным сегодня конкурирует сразу несколько других разновидностей этого процесса: чтение – листание гляцевых журналов, чтение – слушание аудиокниг, экранное чтение – разглядывание мультимедийной информации.

Современная женщина, имеющая возможность читать с листа, с экрана или слушать книгу в аудиоисполнении, получает новые возможности для эмансипации собственного и общественного сознания.

В процессе общения с печатным книжным изданием женщина формирует свой язык, приобретает возможность дальнейшего высказывания, проблематизирует рутинные фрагменты повседневности,

³⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. ; науч. ред. пер. О. И. Шкаратан. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.

³¹ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 01.10.2011).

рефлексирует в языке собственную сущность и вырабатывает практики сопротивления ее подавлению, утверждает собственную уникальность, осуществляет поиск различий, а также средств и способов разрушения сложившихся социокультурных иерархий.

Чтение-листание глянцевого журнала, в единстве специфического ритмического аффектированного журнального языка и гламурно-брутального визуального образа, наиболее полно способствует реализации потребности в специфическом женском общении и женском опыте, приобщении к женскому языку, письму и голосу, аутентичной трансляции ценностей феминизма и постфеминизма.

В процессе общения с экранным вариантом журнала женщина становится не только читателем, но и со-автором, комментатором, она оставляет свои суждения, замечания, дополнения к тексту, участвуя в создании глобального гипертекста, приобретая собственный независимый голос, когда на экране приватное высказывание получает публичное всемирное распространение. Это тип общения наиболее благоприятный для постфеминистского индивидуального конструирования собственной идентичности

Таким образом, мы видим, что сама техника современного досугового женского чтения (бумажного или экранного), но все равно уединенного, рефлексивного и экзистенциально наполненного, выступает проводником эмансипации от традиционных моделей феминности к новой.

Каждая сформированная и реализованная в процессе чтения модель феминности несет не только особую систему ценностей, но и реализуется в определенных устойчивых формах женского мышления и поведения – женских нравах. На наш взгляд, на основе трех типов феминности под воздействием процессов чтения в России сложились три типа женских нравов.

Патриархатные консервативные женские нравы проявляются поведенчески и ментально (целеполагание, планирование, оценка) с установкой на традиционные формы поведения и ценности (семья и дети). Такие женские нравы транслируются и конституируются либо через чтение классической патриархатной мужской литературы, либо через чтение современных антифеминистских, патриархатно-традиционалистских текстов.

Феминистские либеральные нравы с установкой на разрушение социальных и культурных иерархий, социальное равенство и равноправное партнерство мужчин и женщин, а также равноценность для женщины семьи и работы формируются и утверждаются в процессе чтения модернистских текстов XIX–XX вв., современной феминистской литературы (книг, сайтов, блогов, форумов), женской поэзии и прозы.

Постфеминистские нравы с установкой на индивидуализм, индивидуальное гендерное конструирование и индивидуальный социальный успех (карьера и дети) возникают и конституируются в сознании читающей женщины в процессе чтения постмодернистских текстов, иллюстрированных глянцевого журналов, всего спектра постфеминистской художественной и публицистической литературы, постоянного пребывания в сети Интернет и включенности в жизнь сетевого сообщества.

Таким образом, только лишь женское чтение как специфический институт культуры способно репрезентировать репрессированное женское желание и женский опыт – фиксировать сложившиеся женские нравы.

Именно женское чтение как культурная практика способно конструировать гендерную женскую идентичность, позволять осуществлять становление женщиной во всем спектре возможностей, а также – транслировать существующие модели женских нравов³².

Уникальность женского чтения состоит в способности предлагать модели женского самосознания, самоконструирования и самоконституирования в процессе чтения и женского воображения, переживая «чужое как свое» и присваивая чужой опыт и чужой язык – развивать терпимость к новым и чужим моделям нравов, адаптировать и прививать новые модели нравов на старой социальной почве, т. е. осуществлять «модернизацию – обновление»³³.

³² Сметуха В. В. Процессы идентификации и женская пресса / В. В. Сметуха. Ростов н/Д : Ростиздат, 2012.

³³ Цит. по: Ушакин С. Рухлядь быта: семья, наследственность, природа / С. Ушакин // Семья: между насилием и толерантностью : коллектив. моногр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. С. 225.

Самоценность чтения как культурной практики модернизации сознания в современных условиях состоит в способности к конструкции / деконструкции традиционных в фаллогоцентричной картине мира бинарных оппозиций женского – мужского, общепринятого – маргинального, нормального – патологического, морального – аморального, социального – асоциального, и распространении практик деконструкции на всю зону женского влияния и ответственности: мужа, дети, внуки, подруги, соседи и т. д. – т. е. в способности к порождению и ретрансляции новых моделей нравов за пределы женского сообщества читательниц в окружающий консервативный социум³⁴, т. е. «модернизации-авантюре».

Чтение франшизных женских глянцевых журналов и опыт модернизации нравов женского читательского сообщества

Женские глянцевые журналы, проникая в страны модернизирующейся экономики, и в том числе в Россию 1990-х гг., оказывали существенное влияние на сознание женщин. В России вопросы влияния женских глянцевых журналов на сознание, бессознательное и нравы российских читательниц представляют серьезный интерес для философов, психологов, культурологов, журналистов и историков, обстоятельных же отечественных социологических исследований в данной области найти не удалось.

Исследовательницы выяснили, что влияние женских журналов на формирование самостоятельного и рационального женского сознания в развивающихся странах, во-первых, велико, во-вторых, имеет свою специфику. Международные женские журналы ведут, по мнению этих авторов, большую просветительскую работу в сфере экономики, культуры, политики, психологии, домоводства.

³⁴ Цит. по: Ушакин С. Рухлядь быта: семья, наследственность, природа. С. 225.

Образование женщин, в этой связи, рассматривается исследователями института Г. Белля как существенный шаг по эмансипирующему формированию женщины как сознательного правового, политического и экономического субъекта, борющегося за свои права в новых экономических и социальных условиях³⁵.

Бум «глянцевых» женских журналов произошел в России в 1980-х – первой половине 1990-х гг. Международные издательские дома активно вовлекали в свою деятельность местных сотрудников. Местные издательские организации, в свою очередь, чтобы удержать рынки, привлекали в союзники транснациональные издательские компании. В результате стали распространяться такие международные женские журналы, как *«Бурда»*, *«Космо»*, *«Вог»*, *«Эль»*, *«Мари Клер»*, потеснившие местные *«Работницу»*, *«Крестьянку»* и др. В ходе конкурентной борьбы местные издания стали копировать формат и содержание международных журналов и приспосабливаться к изменившимся условиям рынка. Преобладание международных женских журналов и европейской либеральной идеологии на идейном рынке России ознаменовало укрепление международной идеологии феминизма, поскольку, будучи важной частью женской популярной культуры, журналы играют важную роль в становлении женского самосознания и женских нравов.

Можно назвать несколько наиболее существенных факторов, приведших к появлению в России международных женских глянцевых журналов. Прежде всего, это Ельцинская революция 1991 г. и попытка правительства Е. Гайдара построить собственную либеральную экономику в 1990-х с ориентацией на процессы глобализации и войти достойным и равноправным партнером в международную глобализированную экономику. Включение России в глобальную торговую систему привело к необходимости формирования из российских (бывших советских) граждан информированных и

³⁵ Роденберг Б. Empowerment. Влияние женщин на характер власти [Электронный ресурс] : Комплексный анализ результатов исследования зарубежных женских проектов Фонда им. Генриха Белля. 2007 / Б. Роденберг, К. Вихтерих // Информационный портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/3.htm> (дата обращения 29.09.2011).

компетентных потребителей и развития рекламы как средства продвижения конкурирующих товаров, как местных, так и, главным образом, зарубежных, к созданию собственных крупных рекламных агентств, а также к открытию головных офисов международных рекламных агентств на территории страны.

Следующие факторы, способствующие созданию благоприятных условий для возникновения и распространения женских международных глянцевого журналов, – это принятие в 1992–1994 гг. законов «О рекламе» и «Об авторском и смежных правах», сделавших возможным для местных издательских домов обмен материалами на основании лицензий и договоров как между собой, так и с редакциями международных журналов.

Помимо этих важнейших социально-политических и экономических предпосылок, сложились также благоприятные культурно-исторические факторы. Первым из них можно назвать рост числа хорошо образованных и экономически независимых женщин в результате диспропорций в оплате труда образованных и рабоче-крестьянских слоев населения в позднюю советскую эпоху, а также массовой безработицы и люмпенизации части мужского населения, ранее занятого на многочисленных предприятиях военно-промышленного комплекса СССР в начале 1990-х гг. Бурный рост международных глянцевого журналов в ранние 1990-е был связан с признанием группы молодых 20–35-летних женщин, окончивших техникумы и вузы, в качестве «обладающих наибольшими потребительскими возможностями», а также с осознанием культурной миссии женских журналов – собирать вокруг изданий и концентрировать сообщества женщин-потребительниц. Роль женских журналов в качестве форума, рекламирующего товары для женщин, неоднократно декларировалась редакторами и подтверждалась журнальной издательской практикой. Идентификация этой группы женщин в качестве главных потребителей привела к тому, что международная журнальная индустрия стала ориентироваться, главным образом, на это читательское сообщество и на интересующие его темы, такие как карьера, дом, семья, дети, мужчины, отношения.

Запуск в производство журналов *«Космо»* и *«Мари Клер»*, *«Эль»* имел незамедлительный успех в 1990-е гг.; все они остаются бестселлерами до настоящего времени. Важнейшими составляющими успеха являются, во-первых, финансовые вливания международных рекламных агентств, продвигающих на страницах журналов авторитетные мировые бренды в сфере косметики или одежды; во-вторых, западные технологии создания текстовых и визуальных материалов, особенно рентабельные при использовании в местных выпусках журналов материалов, подготовленных в США или Европе и опубликованных там в выпусках журнала предыдущего месяца.

Кроме того, международные женские глянцевого журналы успешно приспособились к условиям российской культуры и быстро завоевали местный рынок. Для этого они использовали различные стратегии: перевод западных статей на русский язык, использование в рекламных съемках российских моделей, интервью с российскими публичными персонами на обычные для международных журналов темы, а также редактирование текстов российских авторов по международным лекалам, снимающим традиционное местное понимание проблем.

Диалектика глобального и локального чаще всего выражается формулой: местные читательницы «думают локально, а потребляют глобально». Поэтому иллюстрируя тенденции мировой моды, журналы предлагают модную съемку товаров из местных бутиков.

Когда журнал *«Бурда»* в начале 1980-х гг. первым пришел в Россию, он конкурировал с местными журналами за своего читателя – социально активных, энергичных и заботящихся о себе женщин. Касаясь конфликтов вокруг баланса домашней работы и карьеры, Энни Бурда давала советы типа «будьте настолько женственны, как вы хотите»³⁶, – т. е. проводила традиционную патриархальную систему ценностей.

Международные журналы феминистской идеологии в поздние 1980-е эффективно подталкивали женщин к построению карьеры и достижению успеха вне дома. С начала 1990-х международные

³⁶ Бурда. 1987. № 4. С. 3.

журналы, издающиеся в России, стали активно продвигать идею заботы о доме и уюте. Домохозяйство начало восстанавливать свою привлекательность для женщин и ему стало уделяться внимание в качестве поведенческой модели для тех женщин, кто имеет достаточно средств, чтобы заниматься собой, домом и семьей. В то же время секс и романтическая любовь преподносились журналами как новая блистательная часть жизни женщины. Выпускающий редактор «Космо» писала во вступительной статье редактора, что сексуальное удовольствие является инструментом, который позволяет сохранить семейно-брачные отношения.

Известный феминистский автор Р. Холл утверждает, что глобализация приникает в регионы при помощи местной власти. Дискурс сексуальности, артикулируемый в международных журналах, с одной стороны, разъясняет женские права и идеи либерализации, что работает против местной патриархальности, но, с другой стороны, этот дискурс соглашается с местной патриархальной властью³⁷.

Процесс модернизации изменил отношения между мужчинами и женщинами. Женщины вышли на социальную сцену, заняли высокие руководящие посты вплоть до министерских, губернаторских, получили работу по найму в филиалах известных международных корпораций, получили доступ к профессиям, ранее для них закрытым: программистов, IT-менеджеров, системных администраторов. Для некоторых групп женщин (жительниц села, малых и средних городов, куда вынужденно пришли филиалы вузов) модернизация уменьшила степень неравенства и увеличила возможности для получения образования и работы.

Для многих и многих работающих женщин среднего класса ключевой проблемой после замужества и рождения ребенка стало распределение домашней работы в супружеской паре. Многие работающие женщины стали требовать, чтобы мужья взяли на себя часть работы по дому – зачастую безуспешно, поскольку мужчины остаются уверены в том, что домашний труд должен быть обязанностью женщины.

³⁷ Hall R. The Myth of Post-feminism // Gender & Society. Vol. 17. № 6. December 2003. P. 878–892.

Сообразуясь с российскими условиями, международные журналы стали советовать женщинам формировать две идентичности, соответствующие двум различным сферам деятельности, в которых женщина занята. На работе им советовали вести себя и одеваться в бисексуальной манере, дома им предписывалось «быть женственной и нежной, оставить в офисе маску невозмутимости и рациональности». Более того, эксперты не уставали повторять про «природную склонность заботиться о детях». Эти предписания, данные международными журналами, помогли сформировать в России новый капиталистический патриархатный порядок, внутри которого женщинам была предназначена роль и эмоциональной, и физической «рабочей силы», эксплуатируемой и дома, и на работе.

В 1990 г. идеологический фокус журналов сместился на формирование заинтересованного отношения мужчин к домашнему труду. Домашнему труду были посвящены специальные выпуски журналов. Дом стал рассматриваться женщинами в терминах отдыха и релаксации, а также в терминах работы для мужчин из среднего класса. Также это было время повышения толерантности к провозглашенному гендерному равенству внутри частной сферы дома. В 1990-е гг. российские феминистки, особенно находящиеся под американским влиянием, сформулировали тему семьи как одну из центральных для женского движения.

Аналогичные процессы происходили в Индии. Существующие патриархальные традиции не препятствовали капиталу в изменении экономики Азии, вызванном глобализацией, и даже способствовали его ускорению. Становясь самостоятельным экономическим субъектом, индийские женщины не покидали свои семьи, а, наоборот, добавляли к традиционной функции «хранительницы очага» новые и становились «добытчицами» средств к существованию³⁸.

В результате экономических реформ для женщин, наряду с новыми возможностями, возникали новые формы зависимости. Одна из них – зависимость от образования, «образовательный ценз»,

³⁸ *Screws R. H. Paradoxes of Globalization, Liberalization and Equal Rights between Men and Women // Gender & Society. Vol. 17. № 4. August 2003. P. 544–566.*

другая – от возможности свободного передвижения, своего рода «ценз мобильности».

Благодаря работе средств массовой информации, в России распространились образы и «новой женщины», и «нового мужчины». Женские журналы и распространяемая ими реклама создали эти новые образы посредством соответствующих обсуждений традиционных мужских и женских ролей, с одной стороны, и либерализацией феминистских споров – с другой. Женские журналы при этом не отрицали иерархии внутри семьи, но фиксировали трансформацию экономических ролей, когда женщина становится кормильцем семьи и принимает на себя ответственность за благосостояние семьи.

Несмотря на то, что экономические обязанности ложатся на женские плечи дополнительным грузом, женщины-читательницы на страницах журнальных историй демонстрируют свою удовлетворенность тем, что работают в международных компаниях и зарабатывают больше своих мужчин. Хотя, как показывают журнальные статьи, очень часто женщины сталкиваются с дополнительными трудностями в семейной жизни из-за роста цен, мужской безработицы и нежелания мужчин брать на себя заботы по дому.

Стремление к продвижению по социальной лестнице и к личному достижению воспитывается в женщинах средствами массовой информации и политикой индивидуализма, продвигаемой журнальной рекламой. Женские журналы по всему миру безжалостно пропагандируют идею о том, что защита интересов потребителей и индивидуализм – есть эмансипация и право выбора. Проблемы потребления и социальных прав увязываются женскими журналами друг с другом так тесно, что восприятие женщинами своего общественного положения попадает в прямую зависимость от этих средств массовой информации. В то же время женщины требуют деликатности, когда обсуждается значимость образов женщин, рисуемых средствами массовой информации.

Журналы, о которых идет речь, очень дорогие. Лишь немногие, наиболее обеспеченные женщины покупают эти журналы регулярно в розницу. Большинство читающих женщин получают их по подписке, что обходится значительно дешевле. Тем не менее,

большая часть рекламы в журналах направлена именно на образованных работающих хорошо обеспеченных женщин как на основных потребителей товаров и услуг. Как считают Ирена Янг и Ручира Скрейз, это положительно влияет на становление равенства.

Кроме того, как показывают исследовательницы, читательницы женских журналов в Индии и на Тайване по-разному относятся к использованию женской красоты в целях рекламы товаров³⁹. По их мнению, это приводит к восприятию женщин в качестве сексуальных объектов, что неприемлемо для Индии, но обычно для Тайваня. По-разному относясь к демонстрации рекламой женского тела в качестве предмета потребления, читательницы одинаково возмущены консюмеризмом журнальной рекламы. В этом проявляется противоречивость женских оценок происходящих изменений: хотя женщины и приветствуют эмансипирующие стороны процесса глобализации (образование, работа, экономическая самостоятельность), они не хотят потерять личную безопасность и стать объектами сексуального насилия в результате либерализации гендерных нравов. В России к таким фактам относятся по-разному, но в основном образ фотомодели является привлекательным, можно сказать что фотомодели – это современные герои российских мифов потребительского общества.

Интересен тот факт, что читательницы считают традиционные, «прошлые» модели женского существования неудачными и поэтому оптимистически настроены на улучшения. Молодые девушки заявляют, что им представились бóльшие возможности и свобода, нежели предыдущим поколениям женщин, потому что ранее закрытые вакансии становятся доступны образованным женщинам среднего класса, появились возможности трудоустройства не только в России, но и в странах Европы. В то же время они критично относятся к изображению женщин в рекламных снимках, появившихся в журналах вместе с либерализацией и глобализацией.

³⁹ *Yang F.-C. I. International Women's Magazines and the Production of Sexuality in Taiwan // The Journal of Popular Culture. Vol. 37. № 3. 2004. P. 505–529; Screws R. H. Paradoxes of Globalization, Liberalization and Equal Rights between Men and Women. P. 544–566.*

Подводя итоги, необходимо отметить, что И. Янг и Р. Скрейз утверждают, что образ «новой женщины» – образованной, независимой, сексуальной, – активно внедряемый в массовое сознание журнальной рекламой и телевидением, намного больше способствовал становлению равенства, глобализации и либерализации, чем все активистские движения вместе взятые⁴⁰. Журнальное чтение модернизировало патриархальные нравы глубинной России и оказало мощное эмансипирующее воздействие, радикально изменив не только представления читательниц международных женских глянцевого журналов о доме, работе, браке, семье, традиционных социокультурных ролях мужчины и женщины, но и сам образ жизни, рутинные формы организации повседневности и осуществления жизнедеятельности.

Женское исповедальное чтение как способ трансформации женских нравов

Обращение к проблеме женского чтения и женских нравов в современном культурологическом знании объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, влиятельностью чтения как культурной практики, трансформирующей сознание субъектов чтения, а опосредованно, и нравы читателей. Такое воздействие осуществляется чтением благодаря увеличению объема освоенной читателем информации, развитию у читателя навыка понимания и интерпретации текста, включенности читателя в процесс переживания прочитываемого текста и, вследствие этого, расширению операционального и экзистенциального жизненного опыта. Кроме того, процессы существования читателя в семантическом

⁴⁰ Роденберг Б. Empowerment. Влияние женщин на характер власти [Электронный ресурс] : Комплексный анализ результатов исследования зарубежных женских проектов Фонда им. Генриха Белля. 2007 / Б. Роденберг, К. Вихтерих // Информационный портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/3.htm> (дата обращения: 29.09.2011).

мире прочитываемого текста предопределяют становление субъекта чтения читателем⁴¹ и человеком, обретающим в процессе чтения собственную неповторимую и уникальную человеческую сущность⁴².

Тема женских нравов и женского чтения актуальна в плане культурологического исследования механизмов взаимодействия этих двух весьма специфичных, но пересекающихся в своем функционировании культурных явлений: нравов как устойчивых моделей повседневного человеческого поведения и чтения как деятельности становления духовно-аксиологической составляющей человеческой личности.

Исследование нравов и исследование чтения как важнейших социокультурных практик являются сегодня динамично развивающимися направлениями социально-гуманитарного знания. И именно достигнутая в социально-гуманитарном знании относительная определенность с понятиями чтения и нравов позволяет сегодня заниматься исследованием взаимообусловленности этих двух разнородных и разнонаправленных социокультурных процессов, выявлением их креативного, модернизационного потенциала.

Методология исследования женского чтения и женских нравов направления определяется дискурсом феминизма, феминистской критики и гендерных исследований.

Сформировавшийся в результате гендерных исследований дискурс, отрицающий иерархии в основополагающих культурообразующих структурах креативности – языке, речи, письме и чтении – и отстаивающий идею о свободной и самоорганизующейся креативности языка и сознания, является на наш взгляд ключевым для осознания возможных путей модернизации нравов в современной культуре.

В последние годы проблематика женского чтения стала еще более популярной в гендерном литературоведении и феминистской литературной критике, обратившейся не только к художественной

⁴¹ Делез Ж. Критика и клиника. С. 11.

⁴² Сартр Ж.-П. Что такое литература? [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sartre/Literature.php (дата обращения: 29.09.2011).

литературе, но и к женским гляцевым журналам. Новое поколение авторов все более углубляется в детальные особенности женского чтения – «фривольного», «эротизированного», «экстатического», «восстанавливающего», «сверхчтения», «чтения между строк», «дешифровки молчания», «заполнения брешей репрессированной экспрессии», всякий раз подчеркивая эмансипирующий и модернизационный потенциал женского чтения как культурной практики.

Из множества существующих на сегодняшний день концепций женского чтения для нашего исследования наиболее значимой в методологическом отношении является концепция американской исследовательницы Мэри Якобус, которая наделяет женское чтение способностью формировать автобиографию читательниц и производить самоконституирование сознания, т. е. производить особые «женские» значения и смыслы, основываясь на специфическом женском опыте чувств. «Женщину как читательницу, по мнению Якобус, мы можем одновременно определить как женщину – производительницу своей собственной системы значений, которые способны “бросить вызов и перевернуть” патриархатное чтение и традиционные гендерные иерархии»⁴³.

Женские журналы являются особой разновидностью женского чтения, совмещающего черты социологического исследования сексуальной культуры общества и женской исповедальной литературы. Такая полифункциональность является родовой чертой всех международных женских журналов, однако в каждом регионе и в каждом национальном варианте женские журналы и жанры, в которых выполняются их тексты, обладают своей локальной спецификой. Рассмотреть, каким образом функционирует жанр исповеди в женских журналах, и как он влияет на трансформацию сексуальных нравов, мы можем, сославшись на исследование И. Янг, собравшей значительный эмпирический материал.

И. Янг утверждает, что смешение жанров социологического исследования и исповеди встречается в регулярных обзорах журнальных колумнистов («Секретные исповеди» – *«Мари Клер»*),

⁴³ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. М. : Идея-Пресс, 2000. С. 148.

помогающих читательницам регулировать их сексуальность и самооценку. Чтобы понять самих себя, утверждают женские журналы, читательницы должны проговорить и оценить свою сексуальную жизнь, рассказать о ней открыто и откровенно, исповедаться в своих сексуальных желаниях и практиках: «После того, как вы осознали вашу сексуальную жизнь и сравнили ее с другими, вы стали понимать вашу сексуальную жизнь намного лучше... Понимание секса является хорошим способом лучше понять вас самих... лицом к лицу с вашей совестью, не пытаясь маскировать вашу сексуальную жизнь»⁴⁴.

Необходимость честно, без маски представить сексуальную жизнь одной читательницы перед лицом другой, сравнивать сексуальную жизнь одних с другими, и использовать это знание как критерий нормы в настоящем, против того «плохого» секса, который был в прошлом, позволяет женским гляцевым журналам выполнять нормализующую функцию, что подчеркивает ценность женской журнальной исповедальности. Нормализующая функция исповеди подкрепляется использованием наукообразных социологических обзоров и статистики («Как много (сколько) оргазмов я испытываю в течение недели?» и т. д.), так что публикация исповедальных историй приобретает характер морального урока. В дополнение, переводя и транслируя в региональных (российских, китайских, индийских и др.) журналах западные отчеты о сексуальной жизни таких радикальных феминистских авторов, как Кинси и Шэр Хайт, женские журналы также осуществляют сравнения, сопровождаемые «экспертным мнением» обозревателей, которые рисуют нормативную картину сексуальной жизни женщин, так что читательницы учатся, осознают и изменяют их сексуальные практики в соответствии с идеологией феминизма.

Более того, по словам И. Янг, региональные женские журналы печатают также переводы исповедальных текстов из выпусков американского «*Космо*», такие как «Нимфомания растет» и т. п. Интимные исповеди российских женщин являются более скромными

⁴⁴ Yang F.-C. I. International Women's Magazines and the Production of Sexuality in Taiwan. P. 505–529.

и сдержанными, чем американские, они выполняются чаще всего в формате интервью и сопровождаются комментариями редакторов. Эти типы интимной исповеди всегда несут нормализующую и морализующую функции, которые устанавливают, что для читательниц хорошо и что – плохо. Через исповеди, проговаривающие опыт женщин, читательницам советуют искать свою норму в сложном комплексе отношений любви и секса. Через исповедь формируются нравы – привычки индивидуального сексуального поведения и его публичного обсуждения – и закрепляется либерализация общественной оценки сексуального поведения женщин. Все это редакции международных журналов отслеживают и организуют, и это проявляется в таких заголовках, как «Что стоит рассказать ему» или «Чем стоит поделиться с подругой».

Институт «принудительной исповеди» в пространстве женских журналов можно интерпретировать, опираясь на идею Фуко об удовольствии через высказывание (обсуждение проблемы)⁴⁵. Повышая потребительскую стоимость женских журналов в качестве товара, исповеди дают примеры ситуаций, в которых могут быть полезны их советы, более того, журналы заменяют вертикальные структуры властных отношений между исповедующимся и исповедником, основанные на авторитете истины, на горизонтальные структуры властных отношений между исповедуемыми, которые в женских журналах служат установлению более либерального отношения к истине и у читательниц, и у редакторов, и у исповедуемых, и у исповедников. Так социальный контроль, в соответствии с тезисом Фуко, основывается в исповеди на двунаправленной движущей силе удовольствия и власти, более или менее обеспеченной читательским активным участием в акте чтения и исповедования⁴⁶.

Однако, поскольку исповеди в российских женских журналах представлены наиболее часто в виде обзоров, переводов, интервью, то редакторские и экспертные комментарии используют эти личные

⁴⁵ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. [СПб.] : Академический проект, 2004.

⁴⁶ Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М. : Касталь, 1996.

истории для того, чтобы придать некоторую большую степень авторитетности собственным суждениям в умах читательниц. Властные отношения между читательницей и редакцией не являются ни вертикальными, ни горизонтальными. Редакторы и эксперты занимают позицию знатока, информирующего женщин о различных способах обеспечения их сексуальности, личной и интимной, одобряемых авторитетами. Так, либеральное видение плюралистической истины в российских исповедях задается журнальными редакторскими целями культивировать «современного, автономного, независимого, привлекательного и сексуального» российского женского субъекта, который не страдает от зависти и враждебности к мужчинам и смотрит в будущее с романтической увлеченностью. Истиной в женских журналах является истина женского желания, властного и неутолимого, которое невозможно удовлетворить, но о котором можно без конца читать и говорить⁴⁷. Таким образом, фукианский тезис о власти удовольствия является вполне работающим в журнальном контексте.

Нормализующая функция исповеди, как показал Фуко, означает различные эффекты – «дисциплинированности, повышения интенсивности, переориентации и модификации желания как такового»⁴⁸. Задача «поговорить о сексе» нуждается в рациональной организации. Между тем в патриархатных культурах женщины, как правило, являются молчаливым и репрессированным объектом насилия. Поэтому прежде всего для модернизации сексуальных нравов глянцевого журналы должны были дать патриархальным российским (бывшим советским) женщинам язык, на котором можно было бы публично говорить о сексуальной жизни. «Журналы говорят о сексе как о чем-то обычном, не обладающем исключительностью и не окруженном запретами. Они обсуждают с читательницами секс в качестве явления управляемого, включенного в систему полезности, регулируемого представлениями о благе и осуществляемом

⁴⁷ Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. С. 148.

⁴⁸ Фуко М. Воля к знанию.

наилучшим образом»⁴⁹. Если социологические измерения сексуальной жизни и моральные исповедальные истории повествуют о том, как секс рационально организуется ко всеобщему общественному благу, или, если исповедь о сексе – это «предмет политики, для того, чтобы организовать определенным образом соотношение коллективных и индивидуальных сил» – и это означает собой всеобщее благо, то почему существует необходимость именно в таком понимании «всеобщего блага»?⁵⁰

Ирена Янг доказывает, что существует «политическая экономия потребления»⁵¹, которая регулирует количество исповедальной литературы. В утверждениях, что российские женщины не имеют достаточно секса и достаточно оргазмов, кроется цель не только редакторов и издателей побудить российских женщин больше читать про секс, но и цель рекламных менеджеров и торговцев побудить читательниц иметь больше полезных товаров для того, чтобы быть более активными в реализации своих сексуальных желаний и в совершенствовании своей сексуальной жизни. Исследуя взаимозависимость чтения сексуальных исповедей в женских журналах и объемов продажи эротического белья, И. Янг выводит нас на новый сюжет – соотношений между сексуальной исповедью и потребительскими нравами.

Особое, специфическое для культуры потребления место пересечения сексуальных и потребительских нравов современных молодых женщин – это секс-шоп. Одновременно с популяризацией исповедальных текстов на страницах женских журналов, секс-шопы также пережили в начале 1990-х бум по продаже презервативов, массажеров, жиросжигателей и эротического белья. Проследив соотношение исповедальных публикаций и объемов продаж в секс-шопах Тайваня, И. Янг установила взаимосвязь между количеством продаж в секс-шопах и исповедальной литературой в женских

⁴⁹ *Yang F.-C. I. International Women's Magazines and the Production of Sexuality in Taiwan*. P. 505–529.

⁵⁰ Фуко М. Воля к знанию.

⁵¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / пер с фр. Е. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006.

журналах: чем больше исповедей, тем сильнее желание нормализовать сексуальную жизнь и тем больше покупок сексуальных товаров в секс-шопах. (К сожалению, российские исследователи не уделяют внимания этой проблематике.) Из этого материала можно сделать вывод, что всеобщее благо для всех, которое провозглашают женские журналы, – это не только улучшение сексуальной жизни каждого и либерализация сексуальных нравов как актуальная новая стратегия для управления, регулирования и модификации женского желания, но и максимизация потребления (белье, одежда, косметика, парфюм, БАДы и т. д.).

Женские журналы часто обсуждают со своими читательницами женскую сексуальность в категориях нормы и патологии, навязывая читательницам заниженную сексуальную самооценку. В конструировании несовершенного женского сексуального субъекта, который нуждается в исповеди, в улучшении и в нормализации сексуальной практики также существует прагматическая установка потребительского общества. Женские журналы служат потреблению как решению проблемы совершенствования и сексуальной жизни, и самих женщин.

Во взаимосвязи с конструированием женских сексуальных нравов оказываются женские потребительские нравы. В сравнении нравов потребления и нравов сексуальности нам открывается разница между женским субъектом потребления и женским субъектом сексуальной либерализации. Феминистские и фемининные сексуальные нравы различны: пока феминистский женский субъект использует секс для того, чтобы победить патриархальность, фемининный женский субъект открывает недостаточное совершенство своей сексуальной природы. Однако потребление и потребительские нравы – это то общее, что объединяет и феминисток, и фемин в их исповедальных текстах на страницах женских журналов.

Таким образом, трансформация женских нравов в процессе чтения глянцевого журнала производится не только от патриархальной застенчивости, «безгласности» и «немоты» женского желания к современной публичности высказывания и поощрению

откровенности, но и от безропотного служения производящей и сберегающей экономике патриархального капитализма к расточительности экономики потребительского общества.

Трансформация женских нравов через ценностное переосмысление пространства домашнего очага

Женские журналы – это специфический продукт массовой культуры потребления, который воплощает собой две ведущие женские идеологии современности – потребления и постфеминизма – и делает это, погружая читательниц в мир женского воображения. Основа женского воображения – это женское желание – до конца не осознаваемое, никогда эксплицитно не вербализуемое, существующее в имплицитной текуче-изменчивой, неуловимой и противоречивой форме⁵².

Одной из проблем в борьбе за права женщин для международных гляцевых журналов в России стала тема домашнего пространства, в котором жизнь женщины не может больше быть локализована на кухне. Журнальный феминизм объединил женщин для битвы на новом поле – в спальне.

Несмотря на то, что именно декларируется журналом в качестве важнейшей сферы жизни женщины: интеллектуальная жизнь, семья, труд или мода, – каждый из этих журналов затрагивает тему сексуальности, которая для России с начала 2000-х гг. является темой не только личностной, но и экономической, и политической, а главным образом, демографической.

Сексуальность в интерпретации этих журналов понимается как «желание», что создает напряжение между феминной и фемининной сексуальностью, с одной стороны, и патриархальностью и капитализмом, с другой стороны. В результате необходимо сказать,

⁵² Жеребкина И. «Прочти мое желание...» Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. С. 148.

что всевластие женственности, прививающееся журналами своим читательницам на почве потребительского сексуального либерализма с начала 1990-х, является по существу ни чем иным, как субверсией патриархального капитализма.

Значение сексуальности как основополагающего момента для конструирования идентичности возникает и сохраняется в политическом контексте современной России, наделяется властными функциями, а затем подхватывается и эксплуатируется госкапиталистической экономикой. Ключевую роль во внедрении понятия сексуальности в массовое сознание сыграло распространение глянцевыми международными журналами рекламы товаров международных брендов для местных женщин.

Эта экономическая функция была равнодействующей продвижению «интернационального духа», представленного в темах секса и семейно-брачных отношений, что, без сомнения, и интересует российских женщин, и является одним из предметов интереса экономики госкапитализма. Так, частное понимание сексуальности как особенностей сексуального поведения отдельного человека было замкнуто локальным контекстом, подчинено интересам патриархальной власти и капиталистической политики, а понимание сексуальности как стиля поведения, характерного для мирового потребительского сообщества, определяется контекстом глобальной экономики. Так сформировалось напряжение не только между сексуальностью, понимаемой как характеристика нравов индивида, но и сексуальностью как трендом глобальной экономики и рудиментом локальной патриархальности.

Международные женские журналы дали российским женщинам язык для обсуждения темы сексуальных отношений, эти отношения стали обсуждаться не только в терминах патологии и здоровья, а чаще в терминологии технологий производства здоровья и технологий производства патологии. Тем самым бессознательное и невербализуемое ранее «желание» стало обсуждаться в научном контексте – анализа, классификации, выявления причин и последствий, эффективных указаний для того, как сохранить или воплотить «желание».

Метафора «желания», по мнению исследователей женских журналов, продвигается женскими глянцевыми журналами тремя путями: при помощи наукообразной интервенции, при помощи предписания нормативного/здорового идеала – «правда» о сексе, и, наконец, путем легитимации индивидуализации сексуальности. Видение сексуальности как «желания» приводит индивида к тому, чтобы рассматривать сексуальность как свойство тела, где самоконтроль и властность способны стать эффективным решением проблем как семейно-брачных, так и нравственных, экономических, политических отношений. Более того, рекомендуемые решения всегда даются журналами в терминах индивидуализма таким образом, что «желание» находит свое осмысление в «политической экономии секса».

В 1990-е гг. не только женские журналы, но и другие популярные средства медиа внесли свой существенный вклад в формирование «сексуальной культуры». К примеру, ТВ-программы, такие как «Я сама», «Секс с Анфисой Чеховой», «Клуб бывших жен» – ток-шоу, на которое приглашались реальные мужчины и женщины для обсуждения проблем сексуальности, что было очень востребовано в ранние 1990-е. Рекламисты также использовали «сексуально окрашенную рекламу» для продвижения потребительских товаров и услуг, а также изображения соблазнительно одетых женщин в своих целях. Внутри этой организованной медиа сексуальной культуры произошло переосмысление «синдрома сексуальной зависимости мужчин и женщин» в проблему сексуальности. Пока утверждался имидж целеустремленной женщины в направлении карьеры и замужества/секса, международные женские журналы контролировали локальное поле битвы за власть. С одной стороны, они поддерживали феминистское движение, центрирующееся вокруг сексуальных репрессий в установленном патриархальном порядке, и поддерживали борьбу за женские права на сексуальное удовольствие как освобождение. С другой стороны, они подчеркивали патриархальную структуру удовольствия, доставляемого женщиной мужчине, и рассматривали значение любви и сексуальности исключительно для женщины, не касаясь мужчины.

Вдобавок проследим зависимость локальных условий от определенного уровня экономики. В 1990-х существовал императив, что российские граждане должны больше производить и больше потреблять. Этот императив нашел свое наиболее полное выражение в проекте правительства Е. Гайдара на развитие России как части глобальной экономической реструктуризации. После того, как позднее этот проект был провален, произошла резкая консерватизация либеральной экономики и смена политического режима в 2000 г. В этом контексте потребления мультинациональных товаров и услуг дискурс сексуальности является одним из центральных. Потребление женщинами сексуальных благ и удовольствий поддерживается, с одной стороны, женским движением за женские права на удовольствие и независимость и, с другой стороны, является решением удовлетворять мужское растущее желание новым и ослепительным сексом, нарушающим традиционно подчиненные женские роли. Так сформировался парадокс «сексуальной либерализации» / сексуального освобождения, обе стороны которого активно обсуждались и продвигались в народное сознание на страницах международных женских журналов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность понимания того, что концепт демократизации сексуальности и концепт сексуальности как таковой не появляются в массовом и тем более женском сознании естественным путем, они являются результатом модернизации и произведены благодаря работе определенных общественных механизмов. И в случае с Россией эти концепты были наиболее полно проговорены через международные женские журналы. Влияние международных женских журналов в 1980–2000-е гг. определялось необходимостью урегулирования и глобализации, давлением США, вынужденностью России признать глобальные политические и экономические процессы либерализации. Международные женские журналы поддерживали международные рекламные агентства, продающие товары с международными именами брендов, использовали международный язык прав человека и сексуального удовольствия, чтобы сформулировать народную версию феминизма и заставить ее работать на глобальный капитализм.

Эта версия популярного феминизма превознесла сексуальность над всеми другими аспектами человеческого существования и провозгласила сексуальность основой для конструирования персональной идентичности. Свела патриархальность к сексуальной позиции, и отметила наступление современности и Запада, и демонизировала прошлое, традицию и Восток. В этой версии феминизма демократизация интимной сферы была артикулирована по преимуществу в терминах сексуальных агентов, предлагающих разнообразные сексуальные практики и удовольствия, такие как массажные ванны, лосьоны и шампуни, практики мастурбации и разнообразного секса. Другими словами, это та версия феминизма, которая укореняет политику феминизма в потреблении.

В результате международными женскими глянцевыми журналами был сформирован новый женский субъект, средоточие противоречий между локальными и глобальными, феминистскими и патриархальными силами. На одном уровне международные женские журналы действуют через местные социальные условия – такие как феминистское движение и проект модернизации экономики – проводят сексуальное освобождение потребляющего субъекта. На другом уровне международные женские журналы помогают определить значение глобального и локального, а также международного. С одной стороны, глобальное определяется в терминах прав и удовольствия, в женских журналах это язык равных прав, что означает признание женского права на сексуальную активность и сексуальное удовольствие. С другой стороны, это право становится возможным, когда женщина использует традиционную фемининность как способ объединить традиционную локальную патриархальность с той, которая «осталась в прошлом» и означена как «мужчина сверху».

Во многих журнальных текстах отмечается напряжение между конструированием локального/местного как патриархального («ожидать от российских мужчин, что они станут лучше») и продвижением «современного», «интернационального», «западного», «феминистского» субъекта сексуальной либерализации. Международные женские журналы продвигают также одновременно две точки зрения: феминистскую и фемининную. Иногда маркируя первую

как настоящее, а вторую как прошлое, и наоборот. Более того, и та, и другая точка зрения обсуждается в журналах в терминах потребления и, в конечном счете, сводится к нему. Как показала Тереза Эберт⁵³, эгалитарная политика (от имени которой по доверенности действуют журналы) только укрепляет российский патриархатный капитализм, она обеспечивает его продолжение и развитие, потому что вносит свою логику в логику конструирования гендера – фундамент патриархатного капитализма.

Городские глянцевого журналы как «зеркало» модернизации гендерных нравов

Городские глянцевого журналы являются важным элементом городской репрезентативной культуры. Они представляют читательскому сообществу горожан и гостей города жизнь Екатеринбурга в наиболее узнаваемых и успешных лицах, выразительных, социально-престижных ситуациях и знаковых, символических точках на карте города, а также наиболее желаемых и одобряемых в городском сознании имиджевых проявлениях городских нравов.

Тематически мы можем все городские журналы сгруппировать в соответствии с тем, какие «конечные области значений» реальности – жизненные миры (А. Шюц) или «миры опыта повседневности» (Л. Ионин) они освещают на своих страницах. «Под повседневностью мы понимаем нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени»⁵⁴. Это мир денег и дела – мир бизнеса, это мир торговли и сферы услуг, это мир спорта, туризма, досуга и развлечений, мир красоты и здоровья, мир дома, дачи и офиса, мир техники и технологий.

⁵³ Эберт Т. Л. Испытывая пределы: границы психоанализа, феминизма, патриархата / Т. Л. Эберт // Введение в гендерные исследования. Ч. 3 / под ред. С. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001.

⁵⁴ Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 163.

Однако механизм работы с миром повседневности у глянца особый: этот механизм – воображение. Воображение – это интеллектуально-чувственный процесс, в котором одновременно происходит и познание жизненной реальности, и ее оформление в конкретно-чувственный воспринимаемый аудиальный или визуальный образ, и наделение этого образа смыслами и значениями, жизненно важными, являющимися объяснительными принципами для воображаемой реальности и принципами действия внутри данной реальности.

В результате воображения, по словам знаменитого медиевиста Жака Ле Гоффа, происходит триединый процесс – познания, представления, символизации и идеологизации повседневности⁵⁵. Сам Ле Гофф в этом смысле рассматривал средневековый городской мир воображаемого, где объектами и продуктами воображения были повседневные реалии – городские соборы и флаги, стены и колокола, ведьмы и прокаженные, чума и пожары. Жак Ле Гофф говорит о том, что именно в процессе воображения человек и общество сначала познают повседневность такой, как она есть, затем формируют образы и представления этой повседневности в сознании, затем опредмечивают эти образы в культурные знаки – события и памятники, затем делают их символом определенного образа жизни и определенной исторической эпохи, и, наконец, отождествляют эти знаки с их значениями, тем самым наделяют образы идеологическим статусом для породившей их повседневности⁵⁶.

Репрезентируемая глянцевыми журналами панорама городской жизни является воображаемой как по темам, сюжетам, так и по персонажам и их привычным формам поведения и речи.

Персонажи городского глянца, естественно, стремятся в интервью или очерках к формированию положительного личного имиджа и положительного имиджа реализуемых ими проектов. В такой ситуации исследовать нравы – реальные жизненные установки и привычные формы их воплощения – достаточно трудно. Тем более

⁵⁵ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф ; общ. ред. С. К. Цатуровой ; пер. с фр. Е. В. Морозовой. М. : Прогресс, 2001. С. 5–10.

⁵⁶ Там же.

что в журнальной воображаемой панораме городской жизни нас интересуют реальные гендерные нравы персонажей екатеринбургского глянца.

Выработанное определение нравов (см. с. 49–50 данного исследования) позволяет анализировать их в качестве побудительных факторов к действию, которые могут не осознаваться, но спонтанно проговариваться в языке во время обсуждения или описания других феноменов повседневной жизни человека.

В частности, исследование гендерных нравов как некоторых ментальных установок, реализуемых в повседневной жизни можно, на наш взгляд, анализировать на материале нарратива о социально-полезном служении, карьере и общественном призвании и признании.

В таких текстах рассказчик или интервьюер, как правило, главное внимание и имиджевые усилия концентрирует на основном содержании, отвечающем на прямо поставленные вопросы: цели, задачи, смыслы, факторы, показатели, критерии социального успеха. Большая часть побочного содержания (к такому содержанию относится гендерная проблематика) оказывается проговоренной автоматически (по привычке) или бессознательно – не целенаправленно и безотчетно.

Гендер, или социальная жизнь пола, наиболее ярко схватывается в языке в таких концептах как «семья», «супруг(а)», «друг» (boyfriend), «подруга» (girlfriend), «дети», «сексуальность».

Соответственно, мы можем обнаружить, кто использует концепты «семья», «супруг(а)», «дети», «сексуальность» и, следовательно, упоминает семью, супруга, детей, сексуальные факторы даже в том случае, когда о них не спрашивают. Кто постоянно имеет в виду сложившуюся систему гендерных отношений и гендерные нравы. Кто акцентирует на своей частной жизни особое внимание как на важном факторе социального успеха, каким образом рассказчики определяют свою семейную жизнь и как часто те или иные определения встречаются в описании семейной жизни. Какие модели семьи фигурируют в рассказах и как сами рассказчики относятся к этим моделям. И тем самым мы можем получить

достоверные свидетельства того, какой характер носят гендерные нравы самых успешных людей города Екатеринбурга и гостей города с их собственных слов.

Для того чтобы иметь возможность выявить данный объект исследования в глянцево-журнальном мире, осуществим контент-анализ текстов-самопрезентаций героев городского глянца и сосредоточим внимание исключительно на гендерно-маркированных высказываниях успешных горожан или гостей города на страницах городского глянцевого журнала *«ЕкбСобака.ру»*.

Цель нашего исследования – выявить наиболее повторяемые смысловые ядра концептов «семья», «супруг(а)», «дети» – типичных способов представления сложившихся в повседневности гендерных нравов. Для достижения этой цели необходимо последовательно выявить частоту и смысловое наполнение не только концепта «семья», встречающегося в текстах-самопрезентациях, но также концептов «дети», «супруг (а)», «сексуальность», конкретизирующих понимание и жизненную реализацию концепта «семья»; вычислить частотность традиционных патриархальных и модернизационных постфеминистских коннотаций гендерно-маркированных концептов «семья», «дети», «сексуальность».

В качестве **материала исследования** взята сплошная выборка журналов *«ЕкбСобака.ру»* за 2010 г.

В исследовании использован именно этот гляцевый городской журнал в силу того, что издатели позиционируют его как «журнал о людях нашего города», следовательно, это журнал о тех, кто здесь живет и работает, и о том, что для этих людей значимо. В каждом номере журнала представлены самопрезентации успешных в различных сферах граждан нашего города и наиболее интересных гостей.

В журнале *«ЕкбСобака.ру»* (2010, № 1) было обнаружено 6 текстов-самопрезентаций. Среди представленных 6 персонажей 1 женщина и 5 мужчин. 3 персоны – жители Екатеринбурга и 3 – москвичи.

Концепт «семья» употребляется в традиционном значении 3 раза. Концепт «семья» употребляется, заменяя собой место работы или род занятий, 2 раза: «семья» = сцена и «семья» = музыка.

Альтернативой концепту «семья» выступает знаковая смысловая единица «свобода и молодость», отсюда скрытые коннотации невысказанному концепту «семья» – оковы и старость.

Концепт «супруга» упоминается дважды: «жена» = человек, «жена» = музыка.

Концепт «дети» упоминается 3 персонами в традиционном смысле младшего родства. Концепт «внуки» упоминается 1 раз также в традиционном смысле.

В журнале «*ЕкбСобака.ру*» (2010, № 2) было обнаружено 8 текстов-самопрезентаций. Среди представленных персонажей 2 женщины и 6 мужчин, жителей Екатеринбурга – 5, Москвы – 2, Италии – 1.

Концепт «семья» употребляется 4 персонажами в традиционном смысле социальной общности, в двух случаях коннотации уточняются распространяющими определениями: первый случай – «открытый брак», второй случай – «большая семья».

Концепт «дети» употребляется в традиционном смысле семейного родства 3 раза, в 1 случае из 3 уточняется, что это дочь.

Концепт «супруга» или эквиваленты, а также «сексуальность» не упоминается никем.

В журнале «*ЕкбСобака.ру*» (2010, № 4) было обнаружено 8 текстов-самопрезентаций. Среди представленных персонажей 5 женщин и 3 мужчин, жителей Екатеринбурга – 4, Москвы – 3, Италии – 1.

Концепт «семья» употребляется 4 персонажами в традиционном смысле социальной общности, в двух случаях коннотации уточняются распространяющими определениями: 1 случай – «женат давно и крепко». В 1 случае встречаем значение концепта «семья» как цели и смысла жизни.

Концепт «дети» употребляется в традиционном смысле семейного родства 5 раз, во всех случаях уточняется, дочери это или сыновья, их возраст и профессии взрослых детей. В 2 случаях в содержание концепта «дети» вводится значение «некоммерческого проекта».

Концепт «супруга» употребляется 2 персонами.

Концепт «сексуальность» упоминается дважды в метафорическом значении: «мужская сексуальность – это остроумие и чувство меры», а также «это самодостаточность и самоирония».

В журнале «*ЕкбСобака.ру*» (2010, № 5) было обнаружено 9 текстов-самопрезентаций. Среди представленных персонажей 4 женщины и 5 мужчин, жителей Екатеринбурга – 3, Москвы – 5, Франции – 1.

Концепт «семья» употребляется 3 персонажами в традиционном смысле социальной общности, в 2 случаях речь идет о неформальном партнерстве, в 2 случаях – о том, что у персонажей последовательно было несколько браков, семья понимается как временный союз.

Концепт «супруга» употребляется 3 раза: в одном случае – с расширением «новая», в другом случае – «есть женщина» = girlfriend, в третьем случае речь идет о boyfriend – «любимом мужчине», все семьи – гетеросексуальные.

Концепт «дети» употребляется в традиционном смысле семейного родства 5 раз, в 1 случае из 5 мужчиной не уточняется возраст и пол детей, в 4 случаях указывается и половая принадлежность, и возраст детей.

Концепт «сексуальность» употребляется один раз и означает в патриархальном смысле «желание переспать, напористость у мужчин и красоту лица, тела и волос у женщин» и «раскованность, остроумие, искренность, привлекательность, загадочность, искрометность, щедрость, обаяние, магнетизм» в постфеминистском смысле.

По данной методике были проанализированы тексты и в выпусках журнала «*ЕкбСобака.ру*» № 9–11. № 12 данного журнала был посвящен «Человеку года» по версии данного издания и состоял из журнальных материалов о каждом из известных екатеринбуржцев, в течение года появлявшихся на страницах журнала.

Таким образом, в результате контент-анализа концептов «семья», «супруг(а)», «дети», «сексуальность» в текстах-самопрезентациях знаковых личностей нашего города были получены следующие выводы.

Всего было проанализировано 93 текста самопрезентаций: 36 из 93 принадлежали женщинам и 57 мужчинам, среди них были

жители Екатеринбурга – 15 человек, Москвы – 13 человек и Европы – 3 человека.

Концепт семья употребили 69 персонажей из 93. Было установлено, что персонажи текстов употребляют концепт «семья» в семи различных значениях:

- 1) устойчивая социальная общность: 15 женщин и 27 мужчин;
- 2) кратковременный союз: 3 женщины и 3 мужчин;
- 3) открытое партнерство: 3 женщины;
- 4) место работы и род занятий: 6 мужчин;
- 5) оковы и старость: 3 мужчин;
- 6) цель и смысл жизни: 3 женщины;
- 7) неформальное партнерство (союз): 3 женщины и 3 мужчин.

9 женщин из 36 и 15 мужчин из 57 не употребили концепт «семья» в своем тексте.

Традиционное патриархатное понимание семьи (ж – 18, м – 27) включает в себя значение семьи в качестве устойчивой социальной общности, являющейся целью и смыслом жизни. Такое патриархатное значение продемонстрировано только в одном тексте. Это свидетельствует о стремлении самопрезентации данного персонажа в качестве идеальной носительницы патриархатных гендерных нравов.

Трансформированные положительные значения концепта «семья» встречаем в значениях кратковременного союза, открытого партнерства, неформального партнерства. Такое понимание в целом является достаточно распространенным (ж – 9, м – 6), а многообразие конкретных моделей и смысловых оттенков свидетельствует о реальности и сложности процессов «трансформации интимности, форм семьи и брака» (Э. Гидденс).

Трансформированные отрицательные значения концепта «семья» встречаем у мужчин: в 6 случаях из 93 «семья» как союз людей подменяется союзом «человек – профессия», а в 3 случаях из 93 приобретает негативное значение «оков и старости». Такую самопрезентацию модернистских гендерных нравов можно объяснить стремлением персонажей к самопрезентации в качестве продвинутых, сверхсовременных, инновационных и свободных персонажей.

В целом необходимо признать, что приверженцев традиционной модели семьи и гендерных нравов столько же (50 % респондентов), сколько и приверженцев трансформационных моделей.

Проверим наши выводы, проанализировав структуру понимания концепта «супруг». Этот концепт употребляется гораздо реже в текстах-самопрезентациях: упоминают его 12 женщин и 18 мужчин, остальные 24 женщины из 36 и 39 мужчин из 57 его не употребляют.

Выявлено 4 основных смысловых оттенка употребления этого концепта:

1) человек, являющийся постоянным брачным партнером (ж – 6, м – 9);

2) человек, являющийся временным брачным партнером (ж – 3, м – 3);

3) любимый человек, не связанный формальными обязательствами – друг, подруга (ж – 3, м – 3);

4) любимое дело, профессия, которое мужчины называют своей женой (м – 6).

Традиционной модели гендерных нравов соответствует понимание концепта «супруг» в качестве постоянного брачного партнера: такое словоупотребление характерно для 50 % из всех, упомянувших его (6 из 12 женщин, 9 из 18 мужчин). Однако ровно половина респондентов придерживается трансформационных моделей супружества: временное партнерство, свободное партнерство без обязательств или обязательства перед своей профессией.

Таким образом, на примере анализа концепта «супруг», мы подтверждаем гипотезу о том, что гендерные нравы в публичной печатной самопрезентации носителей выглядят на 50 % традиционными патриархатными и на 50 % модернизационными.

Особая ситуация выявляется в отношении концепта «дети». Этот концепт используют в своих текстах 57 человек из 93. При этом нужно отметить: 36 из 57 мужчин активно используют и обсуждают этот концепт, 18 из 36 женщин употребляют его в своих текстах. Именно мужчины вносят новые, современные коннотации в понимание концепта «дети», наделяют его значением «некоммерческого

проекта». Это может быть интерпретировано как самопрезентация трансформации традиционных гендерных ролей в семье. Если раньше концепт «дети» был неперенным атрибутом всякого женского высказывания, то сейчас женщины стараются осуществлять самопрезентацию через использование не только этого или других концептов, мужчины же, напротив, подчеркивая свою современность, прогрессивность и щедрость, активно используют концепт «дети», особенно мужчины старшего возраста. Такие особенности самопрезентации с активным использованием концепта «дети» или активным избеганием использовать концепт «дети», на наш взгляд, свидетельствуют о трансформации гендерных ролей и частичном переносе роли женщины-матери, женщины-няньки и женщины-воспитателя на роль отца, не только добытчика, но и отца-воспитателя, наставника своих детей. Это, безусловно, является модернистским моментом в гендерных нравах современного общества.

Другая ситуация, «специфически женская», выявляется при анализе употребления концепта «сексуальность». Оказывается, что этот концепт употребляется из исследуемых нами 93 персонажей только лишь 3 лицами женского пола. Ими обсуждается концепт «сексуальность» в расширении «женская» и «мужская», но даются одновременно и традиционные, через параметры тела, и модернистские, через параметры ума, мышления, толкования. Ни одного мужского текста, с использованием концепта «сексуальность» среди 93 текстов-самопрезентаций обнаружено не было. Это, как представляется, подтверждает тезис о том, что сексуальность – традиционно женская тема, поскольку связана с конкурентной борьбой за мужчину, сомнениями и комплексами, а для мужчин такой темы нет, потому что каждый уверен в своей сексуальной неотразимости и свои недостатки с другим обсуждать никогда не будет. Обсуждение женщинами этого концепта и его смыслов также является новым феноменом для жизни женского гендерного сообщества, фактором раскрепощения языка и мышления, что также свидетельствует о позитивных трансформационных процессах в женских гендерных нравах и дает надежду на изменение ментальности женщин.

Таким образом, мы обнаружили, что гендерные нравы, репрезентируемые использованием концептов «семья» и «супруг», являются на 50 % традиционно-патриархатными, и на 50 % модернизационными постфеминистскими. Однако анализ употребления концептов «дети» и «сексуальность» позволяет говорить о существенных трансформациях мужских и женских гендерных нравов в аспекте социальных ролей и языковой презентации семейно-брачных отношений. Выявленные тенденции позволяют надеяться на возможность трансформации гендерных нравов как основополагающих в системе ментальности и на существенную модернизацию менталитета наиболее знаковых людей г. Екатеринбурга. Обнаруженные тенденции соответствуют общемировым, выявленным при анализе международных франшизных глянцевого журналов.

Глава 4

НРАВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: СОВЕТСКИЙ ГАБИТУС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ

Одним из серьезных препятствий на пути модернизации России является отсутствие необходимых социальных институтов и общностей, готовых эту модернизацию осуществлять. Доставшееся нам советское наследие в виде концептов: «коллективность», «социальная ответственность», «гражданственность», «общественная работа», «общественное лицо», «дружба» – только запутывают существо проблемы, так как их неотрефлексированное употребление ведет к непониманию того, с чем мы имеем дело. Особенно это касается общностей, занятых художественно-культурным производством. С одной стороны, современная публичная риторика переполнена требованиями единства творческой среды по целому

ряду важнейших вопросов (сохранения культурного наследия, защиты авторских прав и т. п.), необходимости согласования общих целей культурного строительства, снятия напряжения и агрессии внутри творческих объединений. С другой стороны, выстраданные принципы свободы творчества и автономии художественных организаций от политики и идеологии ставят заслон любым попыткам установления дисциплинарного порядка в решении творческих задач. Столкновение индивидуального и коллективного, общественного и частного в художественной сфере ощущается наиболее остро и конфликтно.

Проявления нравов агентов современной художественной культуры постоянно находятся в центре общественного внимания. Не существует раз и навсегда данного ответа на вопрос о взаимозависимости нравов художников и их профессионально-творческой продуктивности. Современная транзитная российская ситуация обостряет проблемы существования авторов в двух ипостасях: как художественных единиц, подчиняющихся логике автономного художественного поля (законам искусства), и как личностей, вынужденных выявлять себя через других – социально далеких или близких. В любой исторической системе воспитания художественной личности огромную роль играли нравы этой среды, опосредованно и бессознательно впечатанные в содержание художественных произведений. Предъявляя к творцам высокие профессиональные требования, современное общество воспринимает их и как публичных личностей, нормирующих своих адресатов не только эстетически, но и этически.

У этой проблемы есть важный антропологический поворот – человеческая жизнь художника. Начиная, по крайней мере, с эпохи романтизма, трещина «двоемирия» стала проходить не только через тексты автора, но и через его социальную жизнь. Как художник, он признает над собой только суд мира искусства, причем представленного кругом эстетических единомышленников, как социальный человек, он вынужден считаться с нормами, правилами, требованиями и законами, распространяющимися на всех людей. Историческая память также постоянно колеблется внутри двойной системы отсчета. Не существует окончательного ответа на вопрос

о совместимости гения и злодейства. Неясно, по какой нравственной шкале возможно оценивать поступки авторов, живущих в другое историческое время, нежели их исследователи. Наконец, существует ли связь между нравами художественного сообщества и теми смыслами, которые репрезентированы в их произведениях?

На наших глазах на протяжении последних двух десятилетий продолжают существовать сообщества, созданные в советское время для решения определенных социокультурных задач (союзы художников, композиторов, писателей, кинематографистов, театральные деятели), художественные организации (государственные стационарные репертуарные театры) и целая система человеческих отношений и творческих контактов, порожденных в недрах этих структур и организаций. В то же время рядом и параллельно с ними возникало множество объединений художников совсем на других основаниях, предполагающих доминанту деловых интересов, коммерческих услуг, менеджерских стратегий. Новая система с необходимостью порождает и новые нравы, этикетные формы поведения и моральные нормы, что часто становится причиной конфликтов, расколов, нарастания атмосферы нетолерантности, вовсе не способствующих успешности и эффективности художественно-производственной деятельности. Можно приводить примеры недавних событий в Союзе кинематографистов, где взаимные упреки и оскорбления, которые могла наблюдать вся страна, привели к падению авторитета многих художественных личностей, существенно повлияв на прокатную судьбу их произведений. Многочисленные попытки власти формализовать и дисциплинировать художественно-производственные структуры, приведя их в соответствие с режимом существования других общественных подразделений, к успеху не привели. Необходимо также зафиксировать линии разлома с интеллигентским этосом прошлого, обладавшего огромным символическим капиталом. Ясно одно: творческие люди, настаивая и защищая свое право на свободу творчества, индивидуальный способ существования, тем не менее постоянно обнаруживают потребность в выстраивании отношений с другими творческими личностями, ожидая от этих отношений высокой степени комфортности, доброжелательности, доверия.

Нравы художественной среды как предмет научного исследования

Исследование нравов – задача сложная, так как неясны границы между социальным поведением и художественными стратегиями людей искусства. Описание того, что можно было бы квалифицировать как нравы художников, традиционно закрепилось за двумя направлениями: **биографическим методом** в искусствоведении (литературоведении, театроведении, музыкознании и т. п.) и **социологией искусства**. В каждом из этих направлений есть свои ограничения: в центре биографического метода находится поиск связей между жизненным путем художника как человека и образом автора, воплощенным в его произведениях. В этом случае ускользают из поля анализа отношения и связи художника с другими в его профессиональном окружении и шире – в социальной среде. Т. е. они, конечно, присутствуют как элементы биографии, но не самостоятельно. Биографов интересует, прежде всего, творчество художника, и любые обстоятельства его жизни трактуются как вспомогательный материал для более глубокого понимания его художественного наследия. Социология искусства, как она сложилась в советское время, занимается, прежде всего, вопросами производства и потребления художественной продукции, адресатами и заказчиками, продюсерами и кураторами, – всей цепочкой агентов процесса функционирования искусства в социуме. Как правило, в поле ее зрения попадают макропроцессы, связанные с законами больших чисел, позволяющие делать обобщения в рамках масштабных социальных трансформаций. Относительно подробно исследованы такие важные параметры, влияющие на успешность художника, как социальный заказ, арт-рынок, институции музеев, галерей, биеннале и выставок. Личные отношения художников в группе, дружеские связи, взаимопомощь, а также сопутствующие этим отношениям чувства – зависть, ревность, уважение, долг, вина и т. п. – чаще всего оказываются неинтересными и малозначащими факторами. Нравы художников, таким образом, оказывались на периферии научного интереса, попадая, скорее, в зону «желтой прессы»

вместе со скандалами, ссорами, дележом авторской собственности, разрывами отношений, предательствами и изменами. Представлялось, что эти отношения – слишком «человеческие», а не «творческие», их исследование мало что дает для понимания роли художника в обществе и месте, которое он занимает.

Но еще в начале XX в. в отечественной истории литературы, у русских **формалистов** появился **термин «литературный быт»** (авторство принадлежит Ю. Тынянову), призванный описывать феномен «околотворческих» практик и институций, не связанных напрямую с продвижением художественного продукта. В понятие «литературный быт» не попадают такие важные внелитературные социальные факторы, как система художественного образования, заказ власти, критика, рынок, издательская деятельность, – то, без чего не может состояться произведение искусства как социальный продукт. Понятие «литературного быта» включало в себя невидимые в прежней оптике реалии дружественных союзов, частной переписки, практик совместного досуга, разговоров и встреч, материальной помощи и сотрудничества.

Благодаря результатам вышеупомянутых подходов (биографический метод, социологический, формальный), постепенно стало понятно, что на конечный результат – успех художника – влияют не только художественные качества произведения искусства и общая расстановка сил в поле культуры, но и отношения художников друг к другу. Определенный срез этих отношений мы и условились называть **«художественными нравами»**, так как они, **во-первых, представляют собой культурные практики, поддерживающие сетевые связи художников внутри сообщества, во-вторых, эти практики этически окрашены.** Художественные нравы, таким образом, с одной стороны смыкаются с профессиональной этикой, а с другой – с сетевым маркетингом, с арт-рынком.

Для того чтобы определиться в огромном количестве фактов и событий, интуитивно причисляемых к «нравам художественной среды», необходимо выделить ракурс, сквозь который разрозненные феномены обнаружатся в определенной логике. Представляется, что **категория «успеха» может стать точкой сборки авторских художественных стратегий в автономном поле искусства**

и межличностных отношений творцов как внутри художественного процесса, так и за его пределами. Выбор категории «успеха» в качестве центрального в нашем анализе продиктован следующими аргументами. Во-первых, «успех» является наиболее семантически нагруженным концептом, вбирающим в себя такие значения, как «социальная значимость», «художественная ценность», «престиж», «доминирование» и т. п. С помощью успеха продукт художественного творчества, даже если его создатель не ставит его достижение сознательной целью, обретает публичную форму, становится видимым для большого количества адресатов. Во-вторых, успех в скрытом виде включает в себя и социальные, и эстетические значения. В-третьих, концепт «успеха» всегда несет этические коннотации.

В этой связи весьма продуктивным, хотя пока не очень распространенным, стал подход последователей П. Бурдьё к литературной конкурентной борьбе в России. В частности, на основе анализа традиционных стереотипов литературного процесса в России (А. М. Панченко, М. Л. Гаспаров, Ю. М. Лотман, В. М. Живов, А. Зорин) М. Берг исследовал способы работы художников с «дискурсом власти» в своем кругу. «В литературе, порождающей символические ценности, действуют процедуры обмена и конкуренции, а то, что в филологии понимается под поэтикой, художественными приемами, традицией и т. д., является аргументами в борьбе за признание, успех, доминирование»⁵⁷. Символические ценности – успех, признание, положение в социуме, реальная или воображаемая принадлежность к авторитетной группе. Литературная практика в социоанализе выходит за пределы литературного поля, а «одним из параметров, определяющих ее ценность, является объем и структура перераспределяемой власти»⁵⁸. М. Берг в своем исследовании стратегий успеха нескольких поколений русских литераторов (соцреалисты, шестидесятники, постмодернисты) показал значимость художественных стратегий для обретения символической власти в обществе.

⁵⁷ Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. М. : Новое лит. обозрение, 2000. С. 5.

⁵⁸ Там же. С. 6.

Тот подход, который хотим предложить мы, существенно отличается от вектора последователей П. Бурдьё. М. Берг и другие двигаются к пониманию позиции «властителя дум» от поэтики к поведению, от центра автономного поля искусства – за его пределы. Мы предлагаем противоположный вектор движения: от межличностных, внутригрупповых практик художников – к пониманию их места в гетерономном и автономном полях искусства. Наша задача: **понять символические ресурсы художественных нравов, то, как инвестируются практики дружбы, сотрудничества, конкуренции, материальной взаимопомощи, совместного досуга и т. п. микрофизика социальной ткани в позиции художников в процессе достижения успеха.**

На наш взгляд, для того чтобы хотя бы начать отвечать на эти непростые вопросы, необходимо выбрать координаты анализа. Представляется, что **основанием формирования нравов являются типы общности и культурные практики агентов, образующих эти общности.** Разные типы художественных личностей, даже те, кто декларирует полную свободу творчества, автономию от любых социальных зависимостей, крайний индивидуализм, на самом деле устанавливают социокультурные связи с неким Другим или другими, выступающими для них высшей авторитетной инстанцией. Такие поэтические понятия, как «Бог», «чистое искусство», «гений» и «муза», являются метафорами, скрывающими реальные отношения творческих личностей по поводу своего места и роли в истории. **Эти общности могут быть представлены в виде институциональных образований, носящих как формализованный, так и неформальный характер.** Художественными институциями являются литературные салоны, кружки, союзы, содружества, братства. В истории художественной культуры обнаруживается огромное разнообразие форм объединения людей искусства, и внутри этих объединений действуют зачастую довольно строгие, определенные и даже жесткие моральные, эстетические, стилистические и идеологические требования. Именно институциональный характер творческого поведения служит базой для его закрепления и воспроизводства в культуре.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть современные (постсоветские) художественные нравы сквозь призму **диахронического** (генезис из советских культурных практик и институций) и **синхронического** (актуальный западный опыт, активно использующийся в России благодаря глобализации художественной коммуникации и арт-рынка) описаний.

**Генезис постсоветских
художественных нравов:
оппозиции вертикального/горизонтального,
формального/неформального
в советских творческих сообществах**

Традиционно в аналитике социальных отношений в художественной культуре тоталитарного общества упор делался на изучение оппозиции «художник/власть», т. е. на отношения по вертикали. На наш взгляд, **необходимо обратить внимание на горизонтальные связи внутри творческих сообществ, учитывая доминирование властной вертикали.**

Истоки советских художественных нравов уходят корнями в предвоенные годы, когда формировалось первое, полностью советское поколение художественных личностей. В этот период наряду с официальными государственными институциями – творческими союзами и профсоюзами – формировались общности, основанные на свободных дружеских связях. Например, в литературном поле это был круг ИФЛИ и Литературного института, поэты, которые сами себя называли «содружеством»: Давид Самойлов, Михаил Кульчицкий, Павел Коган, Сергей Наровчатов, Михаил Львовский. Их учителем, мэтром был бывший авангардист, футурист Илья Сельвинский. «Маленькая партия», как окрестил содружество поэтов Давид Самойлов, имела свою программу, свою концепцию: «Мы считали поэзию делом гражданским. Гражданственность, по нашему убеждению, состояла в служении политическим

задачам, в целесообразность которых мы верили»⁵⁹. Каждый оценивал свою личную судьбу в масштабе поколения. По свидетельству Самойлова, существовал негласный договор о том, что никто не претендует на лидерство: «Я так часто употребляю местоимение “мы” потому, что наше единомыслие, – отмечает Самойлов, – было важным достоянием каждого, общим багажом, накопленным совместно»⁶⁰. Для всех участников «содружества» опыт жизни, связанный с ним, и память о нем стали самым ценным приобретением, почвой их художественного истока.

Практики, выработанные «содружеством», как показали события писательских съездов, использовались властью в своей игре. Вынуждая писателей голосовать за отлучение коллег от литературной работы, партийное руководство манипулировало, в том числе, и дружескими связями в литературных кругах. Этим объясняется, например, случай Б. Слуцкого, лидера ифлийского содружества, знамени послевоенной антисталинской культурной оппозиции. Как известно, Слуцкий выступал на съезде с осуждением Б. Пастернака, чем вызвал бурную и противоречивую реакцию как современников, так и потомков. XX съезд КПСС для Слуцкого, не печатавшегося девять лет, был чаемым сочетанием свободы и партийности, возможностью продолжать диалог с властью, доказать верность избранной еще до войны программе «содружества»: «Ему импонировало то, что он снова становится не объектом политики, а субъектом, то, что он в числе тех, кто творит историю. Его верность и дисциплинированность сыграли с ним злую шутку»⁶¹. Кроме того, необходимо учесть, что Пастернак не входил в число своих, в «содружество». Никогда не исходя в своих моральных оценках из художественных достоинств автора, Слуцкий считал недопустимым привлекать в качестве экспертов западные институты, был принципиальным противником предварительной публикации произведений за рубежом. Главное, их разделяло с Пастернаком совершенно

⁵⁹ Горелик П. По течению и против течения... (Борис Слуцкий: жизнь и творчество) / П. Горелик, Н. Елисеев. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 69–71.

⁶⁰ Там же. С. 65.

⁶¹ Горелик П. Указ. соч. С. 234.

различное понимание целей и задач поэзии, места поэта в обществе и, соответственно, **корпоративных интересов писательского сообщества**. Б. Пастернак был разочарован в «оттепели», Никите Хрущеве и уже давно вывел искусство за пределы общественной пользы. Борис Слуцкий был убежденным певцом «оттепели», тем, кому «оттепель» дала голос. Важно понять, что он выступил на собрании по собственной воле, приняв на свои плечи груз коллективной вины и ответственности. Считал, что отказ от выступления объективно повредит «оттепели» и процессу либерализации: нужно было не пугать власти радикализмом, а искать примирительных позиций. Случай Слуцкого интересен тем, что обнажает **проблему отсутствия единых корпоративных правил поведения, очевидной и принятой всеми системы практик в среде советской творческой интеллигенции**. Выступление Слуцкого против Пастернака объяснялось не столько давлением политической власти, сколько верностью принципам «откровенного марксизма» «содружества», мотивирующим поиск диалога с властью. Случай Слуцкого ставит нас перед проблемой анализа взаимосвязи таких феноменов как корпоративная этика, гражданская солидарность и личные дружеские связи в советском литературном поле.

Первый вывод, который мы можем сделать из ситуации Слуцкий – Пастернак то, что различия позиций в автономном поле искусства (внутренние, прежде всего эстетические, установки поля) послужили достаточным основанием для требования отлучения одного из них от творческой деятельности вообще. Второй вывод: дружеские связи с необходимостью выстраиваются на общей художественно-идеологической платформе. История советского искусства полна случаев, когда эстетические расхождения вели к дружеским разрывам, как будто повторяя ленинскую фразу о Мартове: «Если я рву идеологически, то я рву и дружески».

В случае Слуцкого испытанию на разрыв были подвергнуты и корпоративная солидарность поэтов, и стремление найти разумное объяснение действиям власти, как если бы она руководствовалась политической эффективностью и целесообразностью. С одной стороны, смысл своего выступления он видел в поддержании публичного ритуала, без которого существование писательского сообщества

как демократической институции становилось бессмысленным. Полное устранение от участия в ритуале означало бы последовательный отказ от практической возможности осуществления процесса либерализации. С другой стороны, совесть включила механизм личной ответственности и вины, не позволяющей переложить ее на других.

Иначе говоря, рассмотренный нами случай выявляет **отсутствие корпоративной солидарности между всеми участниками творческого процесса независимо от позиции, занимаемой и в автономном, и в гетерономном полях советской культуры этого периода**. Правила позиционирования полностью контролируются властью, а не творческими сообществами. Сообщества, члены которых естественным образом тяготеют друг к другу в силу законов автономного поля (общие эстетические установки, близость художественных программ и стратегий, общий культурный генезис и общая память), стремятся максимально использовать ресурс дружеских связей. Власть манипулирует этим ресурсом для фрагментирования и реструктурирования поля искусства по линиям, репрезентирующим ее локальные интересы, раскалывающая сообщества, не позволяя полю искусства самонастраиваться.

Следующая особенность нравов, которую мы рассмотрим, генерирована внедрением вертикали во внутреннее устройство общества – **оппозиции «вождь/масса»**. Любое художественное сообщество – творческие союзы и организации, театральные труппы – репрезентировало ее в своем бытии подобно тому, как вся советская социальность была соткана из аналогично устроенных коллективов. Успешный советский художественный лидер, даже если он не был признан официально и выражал свою харизму и влияние в неформальных группах, нес в себе **комплекс авторитаризма**. Исследователи антропологических характеристик наиболее авторитетных художественных личностей советской эпохи обнаруживают в них следы «маленьких сталиных» (А. Жолковский об Анне Ахматовой и ее окружении, Т. Кузнецова о Ю. Григоровиче и Большом театре, Н. Крымова о Ю. Любимове и театре на Таганке, кинематографисты в воспоминаниях об Андрее Тарковском). Главная интрига, пронизывающая историю существования многих

творческих коллективов, может быть прочитана как борьба лидера с массой исполнителей за воплощение своих идей, проходящая ряд этапов: революционные преобразования, дисциплинарные практики, страх, помноженный на восторг и преданность, «затвердевание» власти, мутирующее в культ, творческое бесплодие лидера.

Наша гипотеза заключается в том, что продуктивность работы творческого сообщества и его лидера, а также нравы, амбивалентно сплывающие и раскалывающие коллективы, имеют объяснение в генеалогии советской личности. Для этого обратимся к концепции О. Хархордина, объяснившего генезис и эволюцию личности в советском обществе, ее формирование специфическими коллективистскими практиками обличения. Специфика советского индивида понимается им следующим образом: «личность в России узнает себя не в результате анализа желаний, как в случае с западным человеком, а в результате обличения ее значимой для нее группой, которая обзоределает дела отдельного человека и тем выводит личность налицо – или, как сказал бы Хайдеггер, в наличное существование»⁶². Формы обличения в сталинский, хрущевский и брежневский период были разными, но сохраняли преемственность: в них всех доминировали практики горизонтального надзора, пронизывающие каждый советский коллектив. Власть передоверяла коллективу функцию формирования личности.

Хрущевская эпоха, во время которой произошло сворачивание репрессивных мер, рассматривается Хархординым как «время окончательного укоренения системы взаимного надзора и коммунального контроля – системы более тщательной и надежной в своем функционировании, чем открыто репрессивная сталинская система, которую она сменила»⁶³. Он опирается на формулировку Гарольда Бермана: «сталинский дуализм закона и террора был заменен хрущевским дуализмом закона и социального давления»⁶⁴.

⁶² Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности / О. Хархордин. М. : СПб. : Летний сад : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. С. 474.

⁶³ Там же. С. 389.

⁶⁴ Цит. по: Там же. С. 392.

В связи с этим новым способом давления на художественного лидера через руководимый им коллектив можно зафиксировать парадокс ослабления творческой воли автора в ситуации, казалось, благоприятной для свободы творчества.

Действительно, историки советского искусства часто наблюдают следующую картину: в условиях сталинского режима возникло, существовало и развивалось множество ярких харизматичных творческих личностей во всех областях публичного искусства. Несмотря на террор, который, безусловно, лишил многих из них возможности реализоваться полноценно, они смогли заявить о себе, продемонстрировав мощную художественную волю, завоевав себе символический капитал без прямой поддержки власти, опираясь и на дружеские сети, и на единомышленников в остатках автономного поля искусства. Это объясняется тем, что «сталинский режим характеризовался сохранением некоторых неподвластных ему пространств индивидуальной свободы, разнородных по своей природе и неравномерно разбросанных в толще общества. Хаос, текучка и неэффективность – характерные черты общества сталинских дней. Оно во многом напоминало “зыбучий песок”, согласно знаменитому описанию советского общества эпохи первых пятилеток»⁶⁵. Надзор и репрессии не были ни всезнающими, ни всеобъемлющими. При Хрущеве «дисциплинарная сеть стала функционировать безошибочно и повсеместно: за возможность обретения свободы в частной жизни человеку необходимо было теперь платить неизбежным участием во взаимном угнетении и унижении в жизни общественной»⁶⁶. Вязкое, всепроникающее, зачастую анонимное, массовидное социальное давление сделало свое дело: усилилась внутренняя несвобода художника, его зависимость от внешнего успеха, публичного общественного и государственного признания становилась все более интимной. Его лидерство теперь обеспечивалось не только профессиональным авторитетом и авторской программой

⁶⁵ Цит. по: Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. С. 395.

⁶⁶ Цит. по: Там же. С. 397.

развития искусства, но прежде всего опорой как на власть сверху, так и на власть снизу.

В чем секрет влияния коллектива на своего лидера? Ответ на этот вопрос можно обнаружить в исследованиях, посвященных неформальным коллективам позднего советского времени: субкультурам, тюремным сообществам, дедовщине в армии. В ответ на давление властных инстанций спонтанно формируются реакции, использующие официальные предписания для достижения других, неофициальных целей: «Поведение неформальных лидеров напоминало поведение лидеров тюремного мира: мы исполняем ваши требования и внешне демонстрируем лояльность, а Вы оставляете нас в покое и не вмешиваетесь в нашу внутреннюю жизнь»⁶⁷. Лучше всего это выразил Владимир Шляпентох в формулировке «надутой системы».

Александр Зиновьев в книге «Коммунизм как реальность» определяет **советский коллектив как «сложный коммунальный индивид»**. Он описал «группу, которая живет как формальный коллектив, на словах досконально следуя теории Макаренки и выставляя себя как группу, стремящуюся к общему благу. В неформальной жизни члены группы прежде всего поглощены борьбой за увеличение собственного материального достатка и за общественное признание»⁶⁸. Эта борьба поглощает всю энергию членов первичного коллектива, который А. А. Зиновьев называет коммуной: «На уровне первичного коллектива люди не только (а может быть – и не столько) трудятся, но и (сколько) проводят время в обществе хорошо знакомых людей, обмениваются информацией, развлекаются, предпринимают многочисленные действия, сохраняющие и улучшающие их положение, осуществляют контакты с людьми, от которых зависит их благополучие, посещают многочисленные собрания, получают путевки в дом отдыха, получают жилье, а порой и дополнительные продукты питания... Коммуна берет людей целиком и

⁶⁷ Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. С. 417.

⁶⁸ Там же. С. 426.

полностью...»⁶⁹. В данном типе малой группы развивается особое качество близости, прозрачность жизни делает человека близким и понятным коллективу – «своим». «Я не знаю более мерзкого явления в человеческих общениях, чем интимная близость советских людей», – так квалифицирует А. А. Зиновьев отношения «своей-скости», развенчивая и снимая романтический флер со столь мифологизированного понятия, как дружба.

Для нравственной составляющей подобных практик и связей здесь возникала серьезная проблема: с одной стороны, сплочение коллектива вокруг «своих» выполняло задачу подавления любого иного взгляда на вещи, инициативы, оригинальности. С помощью коллектива можно было и убрать неугодного лидера как бы «демократическим путем». Кроме того, коллектив был наделен полномочиями обратиться к верховной власти напрямую с просьбой сместить руководителя. Таким образом, нагружая коллектив такого рода «самоуправлением», тоталитарная власть могла управлять обществом более эффективно и без видимого насилия. Но в то же время и коллектив, и лидер требовали присмотра власти, вертикального надзора, так как постоянно существовала опасность превращения коллектива в структуру мафиозного типа (на советском языке это называлось «шарашкина контора»): когда проверка центра не доходила до отдельных областей, воцарялось «господство мафии по коммунальным законам мафии, почти не ограниченным формальным законом» (А. Зиновьев). Реальная опасность такой трансформации особенно была характерна для ситуации после Гражданской войны, когда самой распространенной практикой совместности было стихийное сбивание в «стаи» и банды. Именно на этом фоне возник Макаренко со своей педагогической системой, направленной на превращение беспризорников с опытом криминогенной совместности в сознательных коллективистов, подчиняющихся трудовой и военной дисциплине.

Система Макаренко послужила моделью любого формального советского коллектива. Для «диалектического» решения проблемы

⁶⁹ *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев. М. : Центрполиграф, 1994. С. 125.

соотношения горизонтального и вертикального надзора коллектив разделяется на актив, обладающий сознательностью, и пассив, склонный к лени, праздности, инерции и скрытому саботированию предписаний сверху. **В любом творческом советском коллективе обязательно происходило подобное разделение: на тех, кто становился художественной номенклатурой (поездки в зарубежные гастроли, получение орденов и званий, выступление на кремлевских концертах) и остальных.** Каждый знаменитый советский артист был прежде всего номенклатурной единицей.

Как таковой, институт номенклатуры сформировался как раз в хрущевско-брежневское время. Особенно это было характерно для Большого театра, где еще до окончательного складывания номенклатурного списка все члены труппы делились на солистов и кордебалет, причем это деление закреплялось еще в училище и сохранялось пожизненно. Это было радикальным пересозданием иерархической структуры императорских театров, которая была вертикальной профессиональной иерархией. В эпоху Григоровича яркие индивидуальности гибли в кордебалете, не имея шанса перейти в солисты, и такая ситуация больше нигде в мире не была возможна. Основная масса балетных танцовщиков постепенно стала превращаться в «агрессивно-послушное большинство» (характеристика депутатского корпуса периода перестройки, данная депутатом А. Афанасьевым). Григорович стал надолго ее лидером потому, что их объединила имперская идея. «Идея величия и угрозы создала Большой балет, она же его и погубила» (В. Гаевский). Начав свою карьеру с оглушительного международного успеха балета «Спартак» – о противостоянии империи, он закончил деятельность хореографа балетом «Иван Грозный». По мнению Гаевского, сам хореографический язык Григоровича и делал балет «грозным».

Таким образом, художник позднего советского времени – Григорович – оказался заложником определенного комплекса идей, дискурса и практик, в которых верховная власть и масса выступили в согласии. Истощение новаторского потенциала постановщика, творческое бессилие совпало с окончательной утратой советским проектом своего инновационного ресурса. Свободная артистическая

личность, приняв на себя роль вождя, трансформировалась в администратора, управляющего номенклатурными единицами.

Исторические корни специфики российских нравов по линии оппозиций горизонтальное/вертикальное и формальное/неформальное, прослеженные в сравнении византийского некорпоративного общества и западных средневековых корпораций, подробно описаны М. Поляковской⁷⁰. Опираясь на ее аргументы, можно экстраполировать выявленные различия на советскую ситуацию. **Советские творческие сообщества являются «невозможной» смесью западного корпоративного принципа и византийского принципа связей единомышленников, объединенных верностью общей идеологии и эстетике, своего рода «коммунальным хозяйством».** Четкое разделение этих противоположных принципов позволило бы творческому сообществу отстаивать перед властью свое право мыслить, писать и творить по законам, признанным самими участниками. Иначе говоря, именно писательский союз и должен был защитить Пастернака, а не требовать изгнать его из общества. Но поскольку союз советских писателей, как и другие творческие союзы, был сформирован на общей мировоззренческой платформе, причем ритуально-демократическим путем, отлучение тех, кто не следует этим «духовным» принципам, оказывается вполне логичным. Слабые горизонтальные связи (солидарность) и сильная вертикаль (стремление слиться с властью) – родовые черты творческих объединений – являются препятствием на пути формирования гражданских мотивов и в современном постсоветском пространстве.

Выявленный нами характер советских художественных нравов, фундаментальные противоречия и разломы, конструирующие опыт сотрудничества художников, позволяют продвинуться в объяснении преемственности с постсоветскими нравами в поле искусства.

⁷⁰ Поляковская М. Византия: феномен некорпорированности общества / М. Поляковская // Екатеринбургский гуманитарий : науч. альманах. № 1 (1). Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 1999. С. 17–23.

Специфика постсоветских нравов в художественной среде: роль дружеских уз

Вектор трансформации при переходе от советского времени к ситуации «пост-» проходил по линии формальных/неформальных объединений. Концепт «неформальные творческие объединения» был чрезвычайно частотным и семантически концентрированным. Дружеские связи сплошь и рядом легли в основу новых сообществ, проектов и начинаний. Именно творческая дружба воспринималась как гарант освобождения от официально-номенклатурного доминирования, как символ свободного выбора и моральной чистоты. Дружеские узы мыслились и как альтернатива капиталистическим порядкам, традиционно воспринимаемым как угроза свободному творчеству, основанному на вдохновении и бескорыстном служении. Предполагалось, переходя на язык выбранной нами риторики, что горизонтальные связи внутри автономного поля будут доминировать над вертикальными связями государственного и идеологического надзора, а также противостоять рыночным законам и массовому вкусу гетерономного поля вновь формируемого социального пространства.

В становлении доминанты «неформальности» в 1990-е гг. проявлялись наследственные признаки советских неофициальных объединений и царящих там нравов. Развитие неформальных коллективов за пределами сталинской эпохи, особенно в творческой среде, размах неофициальных способов коммуникации (квартирные выставки, клубы по интересам, кухонные семинары, самиздат и т. п.), с одной стороны, позволяли человеку быть тем, кто он есть, а с другой стороны – **неформальная среда разделяла механизмы интеграции в коллектив, свойственные советскому обществу**. Хархордин доказал, что после ритуализации официальной жизни в брежневскую эпоху практика подражания герою и практика обличения себя делами в глазах значимого для себя сообщества были перенесены в неформальную сферу субкультур, сетей знакомых и дружеских связей. Превращенной формой «делания себя

через других» стала дружба – одна из важнейших неофициальных ценностей позднего советского общества, продолжающих преемственность горизонтальной совместности. Большинство западных исследователей отмечают, что именно дружба, являясь невидимой основой жизни в Советском Союзе, вбирает в себя характерные признаки, отличающие западного человека от российского и советского.

Выявление сущностных черт своей личности с помощью дружеского сообщества стало основным способом самопознания, что доказывается анализом «исповедальной» «молодежной» прозы, поэзии и авторского кинематографа 1960–1970-х гг., а также исследованием различных форм художественных сообществ этого периода – богемы (В. Аксенов «Таинственная страсть»), содружеств художников (мемуары участников «лианозовского кружка», И. Кабаков «60–70-е... Заметки о неофициальной жизни в Москве»), писательского сообщества (Ю. Нагибин «Дневник»).

Современное состояние исследования феномена дружбы представлено практически только одной коллективной монографией «Дружба: очерки по теории практик» (СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009). Авторы этого коллективного исследования отошли от обычного понимания дружбы как феномена частной жизни, исходя из ее фундаментального значения для публичной жизни. Одной из причин, объясняющей провалы в переходе России от советского образа жизни к современному модернизированному состоянию, справедливо называется отсутствие навыков жизни в гражданском обществе и самих культурных практик совместности, предполагающих воспроизводство публичности, солидарности, корпоративности, социальной ответственности. Авторы проекта выдвигают тезис: такой продуктивный и повсеместно распространенный ресурс благожелательности, помощи и экзистенциально важной коммуникации, каким является дружба, нужно пытаться использовать для повышения значимости публичной политики в России. Авторами выявлена **специфика российской дружбы, которая в советском порядке создает видимость гарантии договорных отношений, сеть близких друзей является наиболее реально**

действующим лицом. Такие «человеческие» понятия, как «любовь» и «дружба», играют ключевую роль в установлении социального порядка в ситуации его отсутствия или кризиса. Авторы обращают внимание на то, что установление границ дружеского круга очень важно, потому что чаще всего не отдельные друзья, а именно их круг оказывается самодостаточным персонажем, главным фактором формирования личности.

Опираясь на те закономерности и признаки, которые описаны в коллективном исследовании российской дружбы, мы попытались обнаружить специфические проявления дружеских связей в художественных сообществах. Художественная среда в советское время сформировала свои виды коммуникации, специфические формы объединения, критерии доверия, дружеские сети, выработала способы достижения творческих целей различными совместными культурными практиками. Активным агентом художественной среды является не друг, а круг друзей. Действия индивида успешны настолько, насколько они вписаны в сеть действий других друзей. Советские неформальные творческие объединения, опираясь на эти негласные правила, смогли обеспечивать непрерывность художественного процесса в условиях отсутствия потребителей и заказчиков своих произведений. Габитус советской дружбы наиболее прочно обосновался в художественной среде и именно в ней обнаруживаются разломы и противоречия современных культурных практик.

Будучи мощным средством выживания и сохранения творческого потенциала в советское время, творческие связи, построенные по принципу дружбы, создают множество коммуникативных проблем сегодня. Очень ценным для нас открытием, сделанным авторами, является **обнаружение скрытой прагматики в дружбе** – таком, казалось бы, феномене внеутилитарных ценностей, концентрации бескорыстия. Соответственно, это настраивает оптику анализа российской творческой дружбы на поиск специфики ее прагматики. Творческая дружба противоречива: все реализуют свои инструментальные цели с помощью друзей, все связаны с ними многочисленными обязательствами, но говорить об этом и выносить эти утилитарные аспекты на обсуждение «чужих», публики –

нельзя. Дружба, в отличие от обмена услугами или товарного обмена, предполагает отношения бескорыстные, отношения дара, но предварительное знакомство с культурными практиками дружбы выявляет их внутреннюю прагматику, часто неочевидную участникам. Наследником советской «коллективной личности» является влияние «своего круга», окружающего себя тайной, субкодом, ритуалами.

Критический анализ современных практик дружбы в творческой среде может способствовать установлению более адекватных институциональных форм, заточенных на другие этические нормы. Сравнительный анализ культурных практик советского и постсоветского времени, а также синхронное сравнение с французским опытом поможет обнаружить способы перевода одних практик в другие, преемственность между ними, а значит, понять, как работают адаптационные механизмы современного российского человека и где находится источник торможения модернизационных процессов.

Для понимания роли дружеских сетей в формировании художественных нравов нами был использован **метод качественных исследований, глубинных интервью** современных российских и французских деятелей искусства. Это позволило нам, сравнивая культурные практики совместности в средах, имеющих различные исторические корни, выявить векторы трансформации нравов, определить точки буксования и развития, проблемные места на пути модернизации художественного процесса.

Объектом нашего анализа стали люди, профессионально занимающиеся художественной деятельностью. **Предмет анализа** – отношения между агентами художественной деятельности, которые могут быть описаны в **дискурсе «творческой дружбы»**: повседневные ритуализированные практики, воспроизводящие отношения творческого производства, оценивания и продвижения художественного продукта, поддержания коммуникации по поводу художественных ценностей. **Цель исследования**: выявить символический ресурс дружеских сетей в развитии художественного процесса.

Задачи исследования:

1. Описать, как складывается дискурс «своего круга» в художественной среде, какие культурные практики формируют и поддерживают этот круг; степень закрытости и избирательности.

2. Выявить габитус культурных практик творческой среды и проанализировать его влияние на результативность художественной коммуникации; определить, каким трансформациям подвергается этос.

3. Рассмотреть соотношение формализованных (институциональных) и неформальных связей и практик в стратегиях достижения успеха; выявить влияние факторов рынка и государственного управления на характер творческой дружбы.

4. Определить степень необходимости для творческой личности в участии в сообществах с другими творческими личностями, цели и мотивации такого участия.

Методологический инструментарий. Для проведения интервью длительностью 90 минут был составлен тематический сценарий вопросов – гайд, состоящий из нескольких блоков.

Блок 1. Социальные, творческие и дружеские связи в прошлом.

1. Какое количество людей было необходимо вам для выполнения заказа? Предпочитали ли вы делать работу в одиночку или вместе с кем-то?

2. Могли ли вы выбирать себе партнеров по совместной деятельности? По каким критериям? Возникали ли дружеские связи на почве совместной работы? Приглашали ли вас для совместной работы друзья и что происходило с вашими отношениями после завершения работы над заказом?

3. На каких условиях вы договаривались? Как складывались отношения, если взаимные обязательства нарушались? Как делился заработок? Становилось ли вознаграждение причиной конфликтов?

Блок 2. Общая информация о настоящем положении дел.

1. Кому в первую очередь рассказываете о замыслах или результатах своего творчества? Почему именно им? Если не знакомите с замыслом, то почему? Принято ли в вашем кругу показывать друг другу то, что еще не слышала публика? Насколько регулярно происходят такие показы?

2. Что обычно ждете от тех, кому рассказываете о своих замыслах или показываете готовое произведение? Где обычно происходит демонстрация продуктов вашего творчества? Как вы сами реагируете на то, что предъявляют другие? Чье мнение для вас важно?

3. Бывает ли страх, что не поддержат, будут критиковать, завидовать другим авторам? Избегаете ли таких ситуаций? Сами критикуете, советуете, хвалите?

Блок 3. Социальные, творческие, дружеские связи в современный момент.

1. Как бы вы охарактеризовали людей из вашего окружения? Кто они? Насколько отношения с ними устойчивы? По каким критериям вы их разделяете?

2. Как разделяются круги общения по близости: семья, друзья, партнеры, коллеги, единомышленники?

3. Кто ваши друзья? Из какой они преимущественно сферы – творческой или какой-либо иной? С какими группами художественных профессионалов общаетесь?

4. Дружите ли с поклонниками вашего творчества?

5. Есть ли бывшие друзья? Почему они таковыми стали? Происходила ли потеря друзей в результате конфликтов на творческой почве?

6. Приходилось ли сталкиваться с «чужим» творческим кругом? Какие чувства испытывали? Хотелось ли выйти из «своего круга»?

Блок 4. Функционал дружеских отношений.

1. Для чего нужны друзья? Влияют ли они на творчество? (Подробное прояснение с примерами).

2. Решаете ли с помощью дружеских связей какие-либо проблемы (организация концерта, клубного мероприятия, презентации, записи альбома и пр.)?

3. Чем вы обычно занимаетесь с друзьями? Опишите типичную встречу, по какому поводу, в каком месте, как часто. Является ли поводом для встреч показ новых произведений?

4. Помогают ли друзья в распространении результатов творчества? Помогаете ли вы сами другим? В каких формах выражается признательность или благодарность?

5. Нуждаетесь ли вы в поддержке каких-либо творческих организаций?

Блок 5. Причины прекращения дружеских связей.

1. Опишите ситуацию ссоры и причины, ее породившие. Было ли причиной ваше творчество?

2. Что обычно происходит, когда ваши вкусы не совпадают или когда друзья критикуют ваше творчество?

3. Что может послужить поводом для разрыва отношений? Идеологические или политические разногласия, организационные промахи, финансовые проблемы, расхождения в эстетических оценках? Было ли такое в вашей истории?

Исследование с помощью данного методологического инструментария только начато, предварительные выводы, к которым мы пришли, основаны не столько на интервью (их количество пока слишком мало для фундированного обобщения), сколько на контент-анализе опубликованных интервью, анализе биографий, мемуаров, наблюдениях и опросах. Предложенные ниже выводы распространяются, как нам видится, на тех участников художественного процесса, кто позиционирует себя как «некоммерческий» художник, т. е. определяет и свою деятельность, опираясь на правила автономного поля искусства. Как правило, эти авторы используют риторику «высокого искусства», «подлинной эстетической ценности», «моральности» и «социальной ответственности».

Российские авторы обнаруживают ярко выраженную преемственность по отношению к советским формам коммуникации, в которых творчество становилось основой возникновения и закрепления дружеских связей. Практика показа своих произведений дружескому кругу в высшей степени постоянна и устойчива. Атмосфера встреч-показов, обычно происходящих в обстановке, близкой к домашней, интимна и доброжелательна, лишена соревновательных моментов. Доминирует сдержанность в комментариях, носящих не вкусовой, а технологический характер. Институциональный характер с советских времен почти не претерпел изменений – это формат клубов по интересам, позволяющий микшировать границу между профессионалами и дилетантами, исполнителями и слушателями, отсеивать «чужих». Предпочитаются отношения стихийного демократизма, любая формализованная иерархия проваливается.

Дружеский ресурс активно используется в основном в организационном плане: дружеские сети предпочитают рекламе и другим «отчужденным» носителям. В качестве «близких» и значимых других признаются любители этого жанра, образующие «свой круг», обладающий высокой степенью самодостаточности. Критики, продюсеры, издатели возникают на периферии этого круга как мало значимые фигуры. Финансовая и медийная составляющая успеха никак не обсуждается. Современные технологии (электронные носители, Интернет) используются, но не доминируют. Рыночные отношения полностью выведены за пределы коммуникации.

Главным совокупным продуктом этой социальной сети являются культурные практики, поддерживающие ее самовоспроизводство, не позволяющие художественному продукту отделяться от своего автора и, что очень важно, адресата. Стремление затормозить автономизацию художественного продукта за пределы среды, его породившей, придает художественному результату некоторую маргинальность. Сам продукт может быть вполне современным по художественному замыслу, вбирать в себя существенные интертекстуальные слои и аллюзии, но способ его социокультурного существования транслирует установку на «проверенных» своих. В данном случае, представляется, эта сеть работает не на прирост новаций в художественном поле, а на решение проблем частной жизни автора и его адресатов – очень важный экзистенциальный посыл, компенсирующий многие социальные дефициты.

Т а б л и ц а

Анализ результатов французской части исследования

№ п/п	Пол	Год рождения	Сфера деятельности	Время взятия интервью	Продолжительность интервью
1	м	1983	художник	15.11.2011	2 часа 45 минут
2	м	1976	художник, аниматор	21.01.2012	2 часа 37 минут
3	ж	1984	хореограф, танцовщица	18.05.2012	2 часа 30 минут
4	ж	1984	художник	27.06.2012	1 час 52 минуты

Первый информант – профессиональный художник, участник художественной группы. Постоянно подчеркивает значимость группы в оценке его работы. Члены группы являются в то же время ближайшими друзьями информанта и выполняют следующие функции:

- 1) совместное художественное творчество,
- 2) обсуждение и дискуссия по поводу творческого процесса,
- 3) обмен полезной информацией,
- 4) отдых и проведение свободного времени,
- 5) взаимовыручка и поддержка.

Границы группы четко очерчены – это люди, которые разделяют идеи и ценности группы, зафиксированные в тексте проекта. Но эти границы не являются раз и навсегда установленными: информант допускает пополнение или изменение состава группы. Следует отметить открытый характер группы: в ее работе принимают участие не только художники, но и философы, политологи, историки искусства. Эта открытость не только не допускает формирование узкого субкода, принятого внутри группы, но, напротив, постоянно вырабатывает язык, понятный за пределами группы. Эта «ясность» языка, позволяющая включить в проект очень разнородный состав участников, является постоянно проговариваемой и акцентируемой ценностью. В группе есть постоянное ядро, в которое входит информант и его ближайшие друзья, и меняющиеся участники, разделяющие на каком-то этапе ценности и задачи группы. Необходимость внутригрупповых дискуссий по «прояснению концептов» объясняется, вероятно, не стремлением выработать понятный внутригрупповой язык общения, который бы упрощал коммуникацию внутри группы, но желанием «лучше понимать» и быть понятым:

Я стараюсь ему объяснить свою работу, и если он не понимает, это говорит о том, что моя концепция не ясна, что нужно еще работать над ней.

Звучит мысль о том, что работа в группе – это работа над собой, которая невозможна в одиночку по нескольким причинам: во-первых, работы слишком много, проект слишком амбициозен и не по силам одному человеку; во-вторых, необходимо непрерывно сопоставлять свою работу с работами других и улучшать ее в процессе совместного обсуждения:

Это не только работа группы или индивидуальная работа, но это индивидуальная работа в группе, и когда кто-то из группы «растет», это означает, что «растет» и вся группа.

Отсутствие конкуренции и иерархии внутри группы неоднократно подчеркивается и объясняется тем, что конкурируют не личные амбиции внутри группы, но различные концепции искусства, поэтому именно проект как общее дело берет на себя задачу конкурировать за место под солнцем с другими проектами в поле современного искусства. Более того, согласие и сплоченность в группе в глазах информанта являются необходимым условием успешности общего проекта. Описанная модель дружбы-сотрудничества функционирует как способ выстраивания общих координат для перспектив осмысленного совместного действия. Коллективный характер творчества постоянно акцентируется как значимый.

Информант не выделяет четко очерченных кругов общения. Особенно ясно в данном случае прослеживается отсутствие четкой грани между некоторыми друзьями и коллегами, так как фактически это одни и те же люди.

В конце концов, все смешано. Раньше кто-то был моим коллегой по работе, теперь стал моим другом. Нет четкой грани.

Совпадение ближайших друзей и коллег по творчеству позволяет заключить, что работа в группе выполняет важные экзистенциальные функции («Я чувствую себя защищенным, так как мы дополняем друг друга, мы команда»). В число друзей информант включает как художников, так и не художников, причем неоднократно звучит мысль о том, что у него нет круга друзей как такового, который бы объединял их какими-либо общими характеристиками. Словосочетание «круг друзей» не используется для описания действующего субъекта дружеских связей и не подходит для этого описания: состав друзей чрезвычайно разнороден, что признается информантом как ценность:

У меня много друзей – не художников, которые вообще ничего не понимают в искусстве. Мне нужно, чтобы вокруг были очень разные люди. У меня есть старше меня и младше меня,

из разных социальных классов. У меня есть богатые, есть бедные. Все перемешано.

Вопрос о «чужом круге» информант понимает как вопрос о сотрудничестве с другими творческими коллективами:

Мы постоянно стараемся сотрудничать с другими группами, мы называем это полигруппами... Обычно инициатива исходит от нас.

Он подчеркивает постоянную потребность в сотрудничестве с другими направлениями в искусстве (архитекторы, музыканты, театралы), а также необходимость диалога с учеными и философами (группа не только постоянно проводит междисциплинарные семинары, но и сами художники посещают научные мероприятия), хотя и признает, что часто это бывает сложно.

В качестве критериев для дружбы информант называет доверие и обмен полезной информацией, но важнейший критерий – взаимопонимание и возможность «развиваться во время общения». Характерно, что дружеское общение позволяет решать профессиональные задачи, «расти», в том числе профессионально. Ближайшие друзья информанта – его коллеги по творческой группе, они сблизились на почве общих интересов, схожести взглядов на современное искусство. Но помимо этого довольно узкого круга ближайших друзей информант называет большое число друзей – не художников, с которыми он не всегда говорит об искусстве. Важнейшим критерием для продолжения общения является возможность «роста во время общения», «личностного развития».

Группа занимает аутсайдерское положение в поле искусства, о чем говорит сам информант. Тем не менее, он четко формулирует свое отношение к «системе» как открытое: чтобы изменить систему, «нужно понять ее», «быть всегда на виду». Говоря о поиске спонсоров, информант говорит о «компромиссе» с покупателем, на который группа готова идти, чтобы продвигаться:

Иногда коллекционеры покупают картину, но со временем цены могут упасть на эту работу. Так что мы пытаемся найти компромисс: проводя свое исследование, разрабатывая теоретическую базу, мы пытаемся придать большую ценность нашей работе.

Результаты творческого процесса принято показывать в группе и коллективно их обсуждать, изменять, корректировать. **Группа, таким образом, является важнейшей референтной группой, границы которой, однако, не являются закрытыми и непроницаемыми для других.** Напротив, позиция группы – это ориентация на включенность в свой состав максимально большего числа сторонников, разделяющих ценности группы и взгляды на искусство («Нам всегда нужна помощь, потому что поле очень широкое, проблематика очень сложная...»). Информант говорит о том, что такая не совсем обычная позиция может и оттолкнуть, но в целом она направлена на включение новых, а не исключение чужих («Иногда люди думают, что, может, это секта»).

Второй информант, художник-самоучка, получивший степень в анимации, к 35 годам интегрировавшийся в милье парижского современного искусства, акцентирует внимание на важности построения профессиональной «сети» (network) для развития карьеры. Он говорит о двух таких «сетях», которые ему удалось построить с годами и которые друг с другом никак не связаны: это милье современного искусства (галерей) и анимационные фестивали. Именно наличие этих сетей делает творчество возможным (что осознается самим информантом: «...обе эти сети очень важны для меня, это важный способ моего профессионального существования»), поскольку они выполняют важнейшую функцию признания и оценивания его результатов: узкое милье современных художников и галеристов обеспечивает признание среди коллег-профессионалов, а фестивали делают возможным представлять работы более широкой публике непрофессионалов. Выступление на фестивалях позволяет преодолеть замкнутость узкой художественной тусовки, что связано с нежеланием «делать искусство для пяти человек». Информант интерпретирует это так:

Мне нравится, чтобы мои работы были проще, т. е. более доступны и публичны. Это не вопрос успеха, но вопрос того, что вовсе необязательно понимать искусство через его концептуальную сторону. Поэтому я участвую в фестивалях.

Критика воспринимается как конструктивная реакция на работу, к которой следует внимательно прислушиваться, независимо

от того, от кого она исходит («я очень внимателен к любой реакции»). Тем не менее, особую значимость имеет критика профессионалов – кураторов, критиков (т. е. людей, не входящих непосредственно в ближайший круг общения информанта), с которыми следует «спорить очень осторожно», так как «они сильны в аргументах». Сам информант сдержан в комментариях работ других художников, которые носят не вкусовой, а технологический характер («в своих ремарках я стараюсь идти дальше, чем “нравится/не нравится”, преодолеть чувственное восприятие. Есть работы, которые мне совершенно не нравятся, но я нахожу их очень интересными»). Степень откровенности в критике зависит от близости отношений, с очень немногими людьми можно позволить себе действительно откровенную критику.

Информант выделяет несколько кругов общения: жена и ребенок, родственники, ближайшие друзья, друзья-приятели, коллеги. Жена играет важную роль, она в курсе всего творческого процесса, выносит значимые суждения о произведениях, сопровождает на выставках, часто участвует в их организации, дружит с людьми из профессионального окружения информанта:

Моя жена хорошо знает, как это работает, она сопровождает меня на выставках, она чувствует себя комфортно, она стала знакомиться с людьми из моего профессионального окружения. Это очень помогает, когда видишь, что эти люди становятся ее друзьями, чувствуешь себя более комфортно.

Родственники (информант говорит о братьях) «всегда поддерживают», но «не понимают» искусство, не разделяют творческие интересы. Значимыми другими выступают для информанта близкие друзья, которые следят на протяжении лет за его творческой эволюцией, «понимают» его искусство.

Все мои друзья всегда интересуются моими работами, они мне задают вопросы. Мне это помогает. Мне нужно показывать свои работы, чтобы видеть их реакцию.

Однако нельзя сказать, что ближайшие друзья (их информант насчитывает 4–5 человек) составляют общий «круг друзей». Двое из них вообще не живут в Париже, а двое других не являются художниками и, очевидно, редко встречаются все вместе. Главным

критерием дружеских отношений информант считает, чтобы «человек был хорошим», а именно готовый помочь и отблагодарить за помощь. Другой важный момент выбора друзей – искренняя увлеченность, заинтересованность человека каким-то делом, не обязательно в искусстве, т. е. продуктивность общения, взаимное развитие во время общения. Друзья играют важную роль в конструировании и раскрытии личности, но не вовлечены напрямую в профессиональную деятельность информанта. Прагматический аспект дружеского общения не проговаривается. Помогают в продвижении скорее приятельские связи, а не близкие друзья.

Мне интересно видеть, что они [друзья] делают, как они меняются, в какую сторону развиваются. Иногда я сомневаюсь в чем-то и мне важно смотреть, как поступают мои друзья, что они меняют в своей жизни, это помогает понять, если я в чем-то ошибаюсь, а также найти свое место.

Коллегами информанта являются коллекционеры, галеристы и кураторы, с которыми обычно выстраиваются «чисто профессиональные отношения». Однако среди коллекционеров есть и друзья, которые следят на протяжении лет за его эволюцией и покупают его картины, но они составляют исключение и не являются важной референтной группой. Галеристы и коллекционеры являются нормальной профессиональной средой для информанта, именно они выносят легитимные суждения о произведениях, от них зависит успех и продвижение в карьере. Можно сказать, что именно они составляют важнейшую референтную для информанта группу, т. е. ту самую профессиональную «сеть», которая и делает искусством искусством, а не любительской практикой. **Свое успешное становление как художника информант описывает как постепенное обрастание разветвленной профессиональной сетью, интеграция в «миле» – многолетний и трудный процесс.** В этом смысле оценки друзей носят хотя и значимый, но факультативный характер (в том числе и оценки друга – профессионального художника, хотя к его замечаниям информант относится особенно внимательно). Практика демонстрации работы друзьям имеет место («Как только я заканчиваю работу, я тут же показываю ее друзьям,

мне нужна их реакция»)), но она не носит ритуального характера организованных собраний, наоборот, часто это бывает случайно:

Так как я живу в том месте, где и работаю, то не получается долго что-то скрывать, каждый, кто приходит выпить кофе, видит, чем я занимаюсь. Я не ставлю стену, чтобы гости не видели мои работы, не делаю большого секрета. Наоборот, я люблю, чтобы то, что я делаю, было естественно, т. е. было частью жизни.

По-настоящему работа начинает существовать, когда она попадает в пространство выставки, т. е. в результате взаимодействия с такими институциями, как галереи, фестивали, продюсеры, кураторы, критики и зрители («публика»).

Третий информант – молодая профессиональная танцовщица и хореограф. В ее рассказе центральным понятием, вокруг которого организуется профессиональная жизнь, является парижское милье современного танца, т. е. профессиональное окружение (или «тусовка»). Постоянно акцентируется значимость включенности в милье для работы:

... У меня очень много знакомых художников, я хорошо знаю милье. Чем больше у тебя знакомств, тем легче становится работать. Я в милье с детства, так как уже совсем маленькой начала танцевать, поэтому люди видели, как я росла, развивалась, знали меня как танцовщицу и как человека. Многие мои дружеские связи делятся еще с тех пор.

Милье не является эквивалентом нашего «дружеского круга». Это более широкий слой, куда входят как те, с кем информант уже сотрудничает, так и потенциальные коллеги. В милье входят не только друзья, но также приятели, знакомые и незнакомые, но все объединены общими профессиональными интересами, «варятся» в одной среде, встречаются в одних и тех же местах.

Говоря о кругах общения, информант выделяет семью и двух ближайших подруг, которые не вовлечены напрямую в ее профессиональную деятельность, но имеют о ней представление. Ближайшие подруги были сначала подругами по профессиональным интересам, но с годами тема карьеры была вытеснена из обсуждения,

чтобы «избежать возникшего чувства зависти». Представляется, что важнейшим в экзистенциальном и профессиональном плане для информанта является общение с друзьями из милье:

Все остальные, кто составляют мое социальное окружение, — это люди, с которыми я работаю в данный момент над текущим проектом, так как моя жизнь вращается вокруг работы.

Коллеги и друзья, таким образом, совпадают на каком-то этапе. Информант приводит много примеров «работы по дружбе», участия друзей в совместных проектах. Круг друзей очень широкий и не зафиксированный, потенциально это могут быть все, занимающиеся современным танцем и вращающиеся в парижском милье. В него постоянно входят новые люди с новыми знакомствами, старые друзья выходят, так как куда-то уезжают, и т. д. Период наиболее интенсивного общения приходится на совместный проект и гастроли, потом люди «разбегаются» по другим проектам, хотя часто поддерживают теплые отношения. Обычные места встречи друзей — танцевальные стажировки, мастер-классы, спектакли. Устойчивые отношения информант поддерживает с двумя-тремя друзьями из милье, с каждым из них она сотрудничала в одном или нескольких проектах. Встречаясь в одних и тех же местах, разговаривая на одни и те же темы, информант часто завязывает не только профессиональные, но и теплые дружеские отношения. Сближение происходит на основе общих профессиональных интересов:

Так как все эти люди в основном художники, то первое, чем мы будем делиться, это наша страсть — наше искусство. Ты начинаешь обсуждать, кого-то интересует твоя работа... Такое пространство творческих дружеских связей. У меня это часто идет вместе с чисто человеческой стороной дружбы. Бывают отношения очень теплого профессионального взаимопонимания, которые могут перерасти в близкие дружеские отношения.

Друзья, таким образом, часто участвуют в производстве художественного продукта, им информант показывает свои работы, иногда еще до их завершения. Однако, как и в предыдущем случае, можно предположить, что демонстрация работы не является

заведенным ритуалом группы близких друзей, тем, что их объединяет и связывает. В зависимости от типа работы, информант сама выбирает, кому показать тот или иной продукт, учитывая профессионализм приглашенного, знание того аспекта творчества, который демонстрируется:

Я приглашаю таких людей, которым хочу показать свое произведение, потому что знаю, что их отзывы позволят мне прочитать их критику таким образом, что она будет мне полезна как художнику...

Важнейшая функция дружеского общения – это продуктивная критика, которая помогает сделать работу лучше:

Критика мне помогает заметить мои промахи, благодаря этим разговорам я уточняю для себя собственные идеи, улучшаю свой словарный запас. Я часто прислушиваюсь к друзьям-художникам, кто старше меня...

Ценны и особенно близки те друзья, которые могут делать откровенные и конструктивные замечания о работе, хотя это может иногда провоцировать конфликты, но они считаются продуктивными, на них не следует обижаться:

В конце концов, мы здесь не для того, чтобы позировать на красной ковровой дорожке. Мы здесь для того, чтобы развиваться в своей работе. Поэтому я считаю, что это даже удача – иметь рядом людей, которые могут говорить то, что думаю, в весьма резкой манере.

Акцентируется, как значимый, прагматический аспект дружбы, который описывается как бескорыстный эквивалентный обмен: «взаимопомощь, которую мы все готовы оказать друг другу абсолютно бесплатно».

Не выделяя зафиксированного и замкнутого «круга друзей», информант ассоциирует себя с самим милье современного танца как с весьма узкой, особой сферой общения. Она также говорит об общем «языке» и границах, которые объединяют всех, кто занимается современным танцем – это «язык и границы тела», общие художественные и финансовые проблемы, с которыми все сталкиваются, что и обеспечивает взаимопонимание и поддержку в среде

(информант, чтобы описать особую атмосферу общности, даже использует слово «братство»):

Это создает особую атмосферу интимности в нашем милье. Нас всех объединяет то, что мы работаем с телом и знаем, как это трудно и каковы особенности этой работы. Мы все знаем, какую отвагу надо иметь, чтобы найти деньги, место, спонсоров. Всегда удастся построить диалог... Поэтому в нашей танцевальной среде присутствует особое братство, сплоченность, что ли.

«Поломки» в общении и ощущение дискомфорта возникают как раз за пределами милье, в сфере, с которой «приходится иметь дело», чтобы продвигать свои проекты, – это «администрация» и «спонсоры». С ними значительно труднее выстроить диалог, но взаимодействие с ними признается хотя и неприятным, но необходимым, чтобы проект состоялся:

Проблема диалога возникает как раз не в самом милье, но тогда, когда начинаешь постановку, тогда начинают работать администраторы и с ними приходится как-то взаимодействовать, так как они дают деньги, они планируют спектакль.

«Чужим кругом» для информанта являются «люди, которые по-другому относятся к танцу», а именно те, кто делают развлекательный танец, стремятся угодить зрителю («не сопровождают танец никакой рефлексией или политической идеей»). Здесь, очевидно, для информанта проходит черта разделения профессионалов, ориентирующихся на признание коллег (к которым относит себя информант), и «публицистов», «работающих» на зрителя. С «чужим кругом» пересекаться приходится нечасто, что позволяет сделать вывод об относительной самодостаточности собственной среды, обеспечивающий комфортные условия творчества и общения:

С теми, с кем у нас разные эстетические вкусы, мы и не дискутируем, нам нечего сказать друг другу. В основном, мы и не знакомы... У нас нет никаких причин встречаться, если наши вкусы не совпадают.

Интеграция в милье является важнейшим фактором, так как именно эта среда воспринимается как удобное и самодостаточное пространство личностного и профессионального существования,

выполняющее основные социальные и экзистенциальные функции. Милье хоть и имеет четкие границы, но не является замкнутым кругом избранных, а потенциально открыто для всех, проходящих по критерию «профессионализма».

Четвертый информант – успешная молодая художница. С самого начала она говорит о своем критическом отношении к «системе», т. е. коммерческой составляющей художественного производства (галереи, продажи).

У меня было намерение сломать в каком-то смысле эту систему и создать новое пространство в современном искусстве, которое до этого не существовало. Или как минимум попытаться понять эту систему, чтобы изменить.

Однако с самого начала карьеры большую часть ее профессионального существования занимает работа в галерее. Эта ситуация способствует тому, что информант проводит четкие границы между различными кругами общения, каждый из которых имеет собственные функции. Первый круг общения – это семья (родители), следующий по степени близости – это 4 ближайших друга, затем просто друзья (т. е. приятели), коллеги (милье). Наиболее важными референтными группами для информанта являются близкие друзья и коллеги. Именно эти два круга называются информантом значимыми для личностной и профессиональной самореализации. Узкий круг близких друзей осуществляет оценивание и признание работ информанта путем конструктивной критики и рефлексии над продуктом творчества.

Она [критика] всегда сводится к вопросу, почему мы занимаемся искусством, в чем его назначение, его необходимость. С помощью критики выясняется, является ли художественная практика того, кого критикуют, способом придать значимость своей персоне, или это настоящая практика, со своим собственным содержанием.

Можно сказать, что общение с этими ближайшими друзьями «гарантирует» «чистоту» творчества, его внесистемный характер, который признается информантом как значимый («подлинный»). Друзьям и их оценке доверяют. Этому узкому дружескому кругу

противостоит работа в галерее, к которой информант относится с подчеркнутым пренебрежением, как к неизбежному злу («Мне не пришлось многим жертвовать, чтобы попасть в милье»). Радикальная стратегия «сломать» трансформируется в стратегию «понять, чтобы изменить». Обе стратегии предполагают активное взаимодействие с «системой», определенную степень открытости. Милье – это пространство принудительного компромисса, которое не всегда идеально комфортно для творчества, но зато делает искусство вообще возможным, т. е. институционально закрепленным. Несмотря на несогласие с общим «духом» галереи, информант считает критику и признание своих коллег-профессионалов чрезвычайно важными условиями своего творчества.

Это [реакция коллег] другая форма признания, мне нужно ее тоже чувствовать... Я здесь для того, чтобы понять, как все это работает.

Информант сама ищет того, кто смог бы оценить ее работу, просит советов как у друзей, так и у коллег, у нее есть потребность, как и во всех предыдущих случаях, показать свою работу, получить мнение со стороны:

Мне нужно, чтобы кто-то другой валидировал мою работу. Мне нужны взгляд и оценка со стороны. Я сама ищу людей, которых прошу оценить мою работу.

Несмотря на такую важность критики в творчестве, информант говорит о том, что «научилась ее преодолевать», «не принимать лично». Это связано, как она объясняет, с тем, что она становится «публичным художником»:

...Мне больше не обязательно иметь непосредственный контакт с моим произведением. Раз появившись, оно функционирует без меня. И кто угодно может думать и говорить что угодно о моей работе, не касаясь меня лично.

Пространство галереи воспринимается как важнейшая, хоть и противоречивая, сфера профессиональной самореализации. Часто пребывание в ней и взаимодействие с коллегами бывает мучительно, отсюда «хочется поскорее уйти» («Это страх не быть понятой, постоянный стресс и напряжение»). Именно галерея какое-то время

была для информанта «чужим кругом». Тем не менее, информант остается в ней и проводит там бóльшую часть своего времени. Со временем она понимает, что в милье тоже есть «простые, не совсем сумасшедшие люди», «с которыми легко», т. е. можно общаться и не испытывать напряжения. Но главное, коллеги осуществляют важнейшую функцию признания, оценивания работы, продуктивной критики, институциональной поддержки:

Но со временем я стала надеяться, что мой проект и работа галереи идут, по крайней мере, не в разных направлениях... Мы разделяем примерно одну и ту же этику работы и творчества... со временем я стала чувствовать связь с галереей, у меня появилось желание работать с этими людьми. Галеристы знают больше, чем я. Я не уверена даже, сможет ли мой проект создать что-то.

Таким образом, более комфортная среда близких друзей, которая формируется на основе общих интересов и близости политических взглядов, сосуществует с менее комфортным, изначально чужым и постепенно «осваиваемым» пространством галереи, и оба эти «круга» играют важнейшую роль в производстве художественного продукта, в обоих есть потребность. В организационном плане (логистика, продвижение) информант предпочитает не задействовать друзей («Я чувствую, что не могу так просто, по дружбе отнимать у людей время на помощь мне») либо платить им.

Анализ четырех представленных интервью позволяет сделать следующие предварительные выводы о характере функционирования и роли дружеских связей в процессе художественного производства у современных французских художников. Во-первых, функционал дружеских связей, когда они не совпадают с профессиональными, ограничен конструктивной критикой, взаимной поддержкой, теплым межличностным общением по интересам. Не удалось выявить границы «круга друзей», который бы выступал важной (а главное, замкнутой, зафиксированной) референтной группой в творческом процессе. Важнейшим критерием художественного производства является признание коллег-профессионалов и включенность в более широкую профессиональную сеть – милье, в котором есть как друзья, так и не друзья,

«полезные люди», представляющие институции, которые и делают творчество возможным. Именно интеграция в милье, наличие собственной профессиональной сети, выходящей за рамки близких друзей, позволяет информантам позиционировать себя как профессиональных художников, отличать себя от любителей. Представляется, что такой тип организации творчества, ориентированный на профессионализм и институционализацию, работает на «развитие», прирост новаций в художественном поле. Он также предполагает определенную степень открытости, готовность в той или иной форме взаимодействовать с «системой», даже при критическом отношении к ней (случаи 1 и 4: стратегия «понять, чтобы изменить»). Именно «система», т. е. сообщество профессионалов, а не узкая группа «своих», выступает важнейшим референтом.

Во-вторых, всеми информантами признается безусловная значимость критики в творческом процессе, ее конструктивный характер. Ценность близких друзей в том, что они могут дать действительно откровенную оценку работе, не рискуя обидеть, чего не могут позволить себе коллеги, чьи комментарии носят в основном сдержанный характер. В этом смысле дружеский ресурс работает на профессиональный рост.

Другой важный аспект – признание ценности и продуктивности междисциплинарного сотрудничества, т. е. постоянный диалог, желание работать с другими направлениями в искусстве. Информанты отмечают как значимый факт наличие друзей из других художественных милье.

Друзья, если они не входят в профессиональное окружение, мало участвуют в продвижении художественного продукта, эти практические вопросы в основном удается решить внутри милье (случаи 2 и 4), либо, если все-таки их привлекают, им стараются заплатить. Друзья из милье, напротив, постоянно поддерживают в практических аспектах творческого процесса (случаи 1 и 3), это непрерывный эквивалентный обмен услугами, описываемый в дискурсе «взаимопомощи».

Особого внимания заслуживает важный для современной французской социологии концепт – милье. **Милье** – французский термин, использующийся в социальных науках для обозначения

профессионального окружения, или среды общения. **Русским эквивалентом понятия «милье» можно назвать «тусовку»**, т. е. круг людей, объединенных общими профессиональными интересами, но также и неформальными дружескими связями. Милье не является эквивалентом нашего «дружеского круга». Это более широкий слой, куда входят друзья, приятели, но также коллеги и потенциальные коллеги. Таким образом, это своего рода смежная среда, которая подразумевает как теплое дружеское общение, так и определенную степень «публичности», т. е. часто формальное общение с коллегами или «полезными» людьми. Милье, будучи профессиональным окружением, тем не менее не имеет четких границ и эксплицитных критериев входа в него. Такой полуформальный-полудружеский формат общения в милье, характерный для творческих и интеллектуальных профессий, отличает его от устоявшихся в социальных науках понятий «коллектив», «группа» и позволяет вводить понятие «милье» как категорию социологического и антропологического анализа в социологии профессий, социологии искусства, истории и социологии интеллектуалов. Используется наряду с понятием «сеть» (*network*), но в отличие от «сети» подразумевает наличие теплых дружеских отношений, выходящих за рамки профессиональных интересов.

Понятие *milieu* (*милье*) в социологии появилось относительно недавно. Оно базируется на идее современной социальной плюрализации, т. е. на возможности многовариативных форм существования в обществе. В современном постиндустриальном социуме сосуществуют различные стили и образы жизни. Они находят свое выражение во множестве субкультур и сред. Французский термин *milieu* (русский эквивалент – среда, тусовка) становится важной категорией анализа с расцветом западной социологии и антропологии повседневности в 1980–1990-е гг., которые рассматривают социальную реальность не как жесткую вертикальную иерархию, но как набор многообразных и подвижных горизонтальных связей и практик. Немецкие социологи обращаются к понятию *milieu* в его значении формирующей и референтной среды при изучении интеллектуальных сообществ в Германии конца 1980-х гг. *Milieu* – это группа единомышленников, людей, существующих в рамках схожих

«картин мира», у которых сходные ментальные установки и идейные позиции и, следовательно, сходные реакции на внешние условия жизни⁷¹. Речь идет, например, о либеральном, консервативном, ориентированном на карьеру или альтернативном *milieu*. Все эти среды отличаются разными менталитетами и разными этическими позициями относительно проблем и вопросов повседневности. Члены социальных *milieu* сходным образом толкуют свои условия жизни, жилья и работы, особенно часто общаются друг с другом, их действия в повседневной жизни во многом связаны со «своим» *milieu*⁷². Однако, в отличие от субкультуры, *milieu* лишено жесткой формализации норм и ценностных установок, в нем далеко не всегда встречается единство образа жизни, скорее людей в *milieu* объединяет сходство образа мысли.

Термин *milieu* во французских социальных науках вводится в связи с активным изучением творческих и интеллектуальных профессий в социологии профессий, социологии искусства и в интеллектуальной истории⁷³. Преимущества термина связаны с тем, что он хорошо подходит для описания общностей своеобразного типа, которые образуют творческие и интеллектуальные профессии. Эти важные в экзистенциальном плане общности отличаются тем, что не имеют эксплицитных правил входа и четких границ, характерных для дружеского круга, т. е. обладают высокой степенью публичности; при этом преобладающая доля близких друзей у людей творческих и интеллектуальных профессий, как показывают исследования, рекрутируется именно из *milieu*, что делает эту среду неформальной и дружественной. Таким образом, *milieu* образует своеобразное «неформально-публичное» окружение человека, которое

⁷¹ Hradil S. Sozialstrukturanalyse in einer fortgeschrittenen Gesellschaft. Von Klassen und Schichten zu Lagen und Milieus. Opladen : Leske + Budrich Vrlg., 1987.

⁷² Kreckel R. Politische Soziologie der sozialen Ungleichheit. Frankfurt/ Main ; New York : Campus, 1992.

⁷³ Heinich N. La sociologie de l'art. Paris : La Découverte, collection Repères, 2002; Menger P.-M. Profession artiste. Extension du domaine de la creation. Paris : Textuel, 2005; Moulin R. Le marché de l'art. Mondialisation et nouvelles technologies. Paris : Flammarion, 2000; Bourdieu P. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris : Éd. du Seuil, 1992.

состоит как из близких друзей, так и из коллег, потенциальных коллег и «полезных людей». *Milieu* возникает в обществах модерна среди представителей «свободных» профессий как особый тип общности, совмещающий в себе свойства избирательного (сообщества по интересам, круга друзей) и аскриптивного сообщества (коллеги, институции). Структура и логика функционирования *milieu* задает имплицитные правила поведения в сообществе, его *sens commun* (здравый смысл), а также работает на пророст новаций в профессиональной сфере.

В российской социологической традиции впервые понятие *milieu* использовалось как теоретический конструкт в антропологическом исследовании Бориса Гладарева «Формирование и функционирование *milieu* (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970–2000 гг.)»⁷⁴. Автор описывает практики ленинградского археологического кружка в терминах *milieu* и выявляет различия этого термина с известным социологическим конструктом «субкультура»:

- среда формируется и существует благодаря схожему образу мысли ее членов, тогда как субкультура – благодаря общему образу жизни;

- границы среды расплывчаты и проходят в «идеологическом пространстве», а границы субкультур лежат в «поле повседневных практик», и, следовательно, более формализованы и заметны;

- субкультуры обладают внутренней иерархической структурой, а среды – нет;

- субкультуры в большей степени зависят от характерных форм социального действия, чем от самих деятелей (акторов), *milieu* же видоизменяет формы, сохраняя деятелей (т. е. для субкультур характерна «экстенсивная кадровая динамика», а для сред – «интенсивная»).

Впоследствии Б. Гладарев пользуется термином *milieu* в своем исследовании зарождающихся общественных движений г. Санкт-

⁷⁴ Гладарев Б. Формирование и функционирование *milieu* (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970–2000 гг.) [Электронный ресурс] / Б. Гладарев // Центр независимых социологических исследований. URL: <http://www.indepsocres.spb.ru/boriss.htm> (дата обращения: 20.04.2012).

Петербурга⁷⁵. Автор основывает свое исследование на методологии французской прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено, а понятие *milieu* позволяет «схватить» смежный характер изучаемых сообществ, совмещающих в себе различные режимы действия (режим близости, режим планового действия и режим критики и оправдания).

Нам представляется, что суть западных трактовок дружбы точнее всего сформулировал М. Бланшо, который на примере парижских событий мая 1968 г. назвал сообщество друзей, собравшихся на баррикадах в Париже, «сообществом тех, кто лишен сообщества». Собравшихся отличала радикальная непохожесть, характерная для политических сообществ нового типа. Дружба непохожих бросала вызов сообществам, построенным на симметрии и взаимности. Западные историки феномена дружбы обращают особое внимание на то, что дружба становится возможна только за пределами общества, связанного едиными нормами, принципами, правилами. В формулировке Х. Арендт, дружба – это конфигурация практик, указывающая даже в своем названии на отношения «дружости», инаковости, которая противоположна «обществу»⁷⁶. **Западные трактовки наследуют аристотелевскому, античному пониманию дружбы как фонового качества политики – жизни демократического полиса.**

Российская художественная среда сформировала свои виды коммуникации, специфические формы объединения, критерии доверия, выработала способы достижения творческих целей с помощью дружеских сетей. Даже поверхностное знакомство с мемуарами, дневниками и другими документами позднесоветской эпохи позволяет увидеть в постсоветской художественной среде следы смешения практик совместного досуга (застолья, путешествия), профессионального обмена мнениями (чтение друг другу стихов, показ картин, прослушивание музыкальных опусов), финансовой поддержки

⁷⁵ Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общности из духа города / Б. Гладарев // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71–304.

⁷⁶ Цит. по: Дружба. Очерки по теории практик : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009. С. 38.

проектов, организационной помощи. Те сферы художественной культуры, которые автономизировались в западном сообществе: кураторство, продюсирование, спонсорство, менеджмент, маркетинг, художественная критика, – в советском пространстве были функционально слиты, тесно скреплены дружескими узами, и в современной России это, на наш взгляд, остается устойчивым признаком.

Наиболее подходящий для суммирования всех указанных значений и функций концепт – **компания**. Компания сохраняет в себе сходство с западными аналогами в плане альтернативной официальному порядку общности, но явно делает **акцент не на инаковости другого, а на сверхзначимости фоновых практик дружеского круга**. Профанным вариантом компании в постсоветское время стала тусовка. Компания включает в себя отношения между агентами художественной деятельности, которые могут быть описаны в дискурсе «творческой дружбы»; повседневные ритуализированные практики, воспроизводящие и сохраняющие отношения творческого производства, оценивания и продвижения художественного продукта; коммуникацию по поводу художественных ценностей и, самое главное, производство самих агентов в качестве субъектов искусства.

Глава 5

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКИХ ПРАВОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сегодня концепт «модернизация» стал основополагающим практически для всех сфер жизни российского общества – экономики, политической сферы, сферы образования и т. д. Модернизация, связанная с развитием новых технологий, обновлением социально-экономических отношений, качественным изменением жизни общества, становится насущной необходимостью. При этом, как справедливо замечают авторы доклада «Культурные факторы

модернизации», «модернизация может быть только комплексной, она потерпит поражение, если попытаться ограничиться только сферой управленческих решений»⁷⁷. Более того, модернизация может быть успешной лишь при условии закрепления новых установок, идей, ценностей на уровне повседневных социальных и культурных практик, «культурного обихода», нравов людей. В условиях модернизации социальной системы именно нравы зачастую оказываются самыми малоподвижными и консервативными. Поэтому и возникает вопрос: а каковы реальные нравы современных россиян? Насколько они соответствуют тем модернизационным задачам, которые стоят перед российским обществом?

С этой целью мы обратились к социологии как науке, которая предлагает определенный методический арсенал, способный пролить свет на устройство как социальности в целом, так и отдельных ее элементов.

Традиционно социология сосредоточивается на исследовании феноменов рациональных, либо сводящихся к таковым. Программа реалистической социологии дает возможности понимания и объяснения моделей поведения в опоре на статистические методы. Эмпирическая социология редко обращается к исследованию нравов в силу причин различного характера.

Во-первых, сам по себе существующий методический арсенал (в части так называемой количественной традиции) позволяет фиксировать не должное, но существующее либо в практиках деятельности, либо в сознании конкретного индивида. В этом смысле массовые опросы (и другие методы сбора массовой единообразной информации) исходят из само собой разумеющегося существования должного, а население только высказывает свое отношение к нему. Эта исследовательская традиция (восходящая к социальному реализму) предполагает априорную правоту социолога в деле

⁷⁷ Культурные факторы модернизации. Доклад. Авторы доклада: А. А. Аузан (рук. проекта), А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. При участии: А. О. Ворончихиной, Н. В. Зверевой, А. В. Золотова, Е. Н. Никишиной, А. А. Ставинской [Электронный ресурс] // Стратегия 2020. Фонд поддержки гражданских инициатив. URL: <http://www.strategy-2020.ru/ru/article/kulturnye-faktory-modernizatsii> (дата обращения: 20.03.2012).

построения теоретической матрицы, которая накладывается на индивида, в результате чего мы получаем определенный набор реакций на конкретные, зачастую стимульные раздражители. И в редких случаях сомнению подвергаются индикаторы, заложенные в матрицу. Интерес социологии к проблематике нравов носит довольно поверхностный характер⁷⁸ как раз в силу этого методологического свойства категории нравов: их сложно однозначно определить, а значит выстроить четкие логические связи между ними. В то же время, определить нравы – значит понять, каким образом люди выстраивают свое отношение к ним как к идеальным структурам, зафиксировать наличие или отсутствие когнитивной установки по отношению к ним.

Во-вторых, сложность измерения (исследования) нравов заключается в своеобразии их проявления. Как уже было отмечено, нравы проявляются в режиме повседневных практик, а потому подлежат минимальной рефлексии, особенно когда партнеры по взаимодействию реализуют сходные сценарные ходы. Лишь только в ситуации культурного шока, столкновения с неизвестным человек начинает обращать внимание на различия, поскольку они приобретают свойства очевидности и явности. В относительно однородных обществах нравы остаются за пределом сознательного (сфокусированного) восприятия, а потому потенциальный респондент или информант не в состоянии рассказать о них.

Таким образом, сложившиеся в рамках традиционной социологии методы обладают слабым потенциалом для объяснения повседневных и неотрефлексированных форм поведения. Поэтому в современной социологии для решения этой задачи используются специализированные методы и приемы, одним из которых является метод «виньеток». Под «виньетками» понимаются «специально созданные, часто вымышленные, описания социальных объектов, индивидов и ситуаций, составленных из отдельных, систематически варьируемых переменных-признаков»⁷⁹.

⁷⁸ См. подробнее раздел I (Гл. 1, 1.2.) данного исследования.

⁷⁹ *Девятко И. Ф.* Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода / И. Ф. Девятко // Социология. 4М. 2007. № 25. С. 15.

Исследование нравов вписывается в систему обыденного сознания, они, будучи элементами системы социального взаимодействия, с одной стороны, являются регуляторами поведения, а с другой – сами по себе служат объяснительными причинами стратегий повседневного поведения. В связи с указанными обстоятельствами было принято решение об использовании этого метода для исследования нравов в повседневных практиках поведения.

Для этого были сформулированы суждения-виньетки, каждое из которых содержит в себе постоянные и переменные исследуемые признаки.

Общая аналитическая модель состоит из трех, в некоторых случаях четырех или пяти высказываний:

1. Высказывание, соответствующее признаку «соблюдение социального порядка, следование правилам и сложившимся порядкам в социальной практике».

2. Высказывание, соответствующее признаку «ситуативная установка, действия по сложившимся обстоятельствам, без жесткого следования правилам».

3. Высказывание, соответствующее признаку «отрицание сложившихся правил, следование сиюминутному эгоистическому интересу».

Мы сознательно несколько модернизировали метод, внедрив в него два элемента:

1. Выбор варианта поведения в предложенной ситуации от первого лица (*«как я поступлю»*).

2. Выбор варианта поведения от имени окружающих людей (*«как поступят другие»*).

В обоих случаях респондентам предлагались ситуации с контролируемым стабильным набором элементов (факторов) и разные варианты исхода ситуации – от «нормативизма» через «ситуационизм» к «оппортунизму»⁸⁰. Как правило, в каждом вопросе содержится 3 значения. Вариант «затрудняюсь ответить» изначально был исключен.

⁸⁰ Под «оппортунизмом» (лат. *opportunus* – «удобный, выгодный») в данном контексте понимается поведение человека, преследующего свою выгоду и пренебрегающего нормами и правилами, принятыми в данном обществе, если они противоречат его интересам.

Композиционно парные вопросы следуют один за другим. При этом шкальные значения в парных вопросах совершенно совпадают. Это дает возможность зафиксировать нормативную коллизию в применении как к себе, так и к другим.

Ситуации, заложенные в качестве стимулов, максимально распространены, и с высокой степенью вероятности мы беремся утверждать, что в них оказывались практически все респонденты:

- переход регулируемого перекрестка, использование ремня безопасности;

- покупки и расчет в магазине;

- оформление документов, отношения с государственными/муниципальными органами власти;

- получение образования;

- реакция на организацию автопарковки во дворе и др.

Указанная коррекция метода необходима и задана спецификой объекта и предмета исследования. Сравнение личной позиции и мнения о том, как поступают другие, позволяет определить наличие и степень противоречивости между должным и сущим, личным и общественным, которые фиксируются в самооценке респондентов. В этом отношении регистрируемые нравы могут быть рассмотрены как основание оценки социокультурных взаимодействий в обществе.

Исследование проводилось в Екатеринбурге и городах Свердловской области. Метод – раздаточное анкетирование. На первом этапе – пилотном – была произведена апробация инструмента, а также модель наполнения выборочной совокупности. Тип отбора – многоступенчатый, гнездовой. После сбора информации на первом этапе была произведена коррекция исследовательского инструмента (изменены формулировки вопросов и пр.), а также изменены принципы отбора единиц наблюдения (респондентов). При сохранении общих правил гнездового многоступенчатого отбора было принято решение опрашивать только студентов вузов Екатеринбурга. Содержательно это требование объясняется тем, что студенты обладают относительно малым биографическим опытом и являются социально активной группой населения, несущей в себе потенциал социально-культурной модернизации общества.

На втором (основном) этапе исследования был произведен опрос 450 респондентов, 3 анкеты были выбракованы и исключены из дальнейшей обработки в связи с отсутствием ответов на значительное число вопросов. Исходя из задач проекта, указанный объем выборки достаточен для тестирования метода на возможность применения в исследовании нравов современного российского общества. Для проведения исследования была составлена анкета, которую респонденты заполняли самостоятельно. Анкетирование проводилось преимущественно в группах. Статистическая обработка данных осуществлена с помощью пакета SPSS.

Линейное распределение ответов респондентов на вопросы анкеты

Т а б л и ц а 1

Ситуация 1. Как Вы/другие обычно ведете себя на дорогах?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек переходит улицу, загорается красный свет. Человек останавливается и ждет разрешающего сигнала светофора, хотя его ждут неотложные дела	187	41,8	59	13,2
2	Человек переходит улицу, загорается красный свет. Человек оглядывается, оценивает обстановку и принимает решение перейти улицу на запрещающий сигнал (в условиях отсутствия видимой опасности)	224	50,1	243	54,4
3	Человек переходит улицу там, где ему удобно, независимо от наличия пешеходного перехода или светофора	36	8,1	145	32,4
4	ВСЕГО	447	100	447	100

Почти половина опрошенных (50,1 %) охарактеризовала как типичный для себя вариант поведения переход улицы «по ситуации» – в отсутствие видимой опасности без учета сигнала светофора. 41,8 % респондентов при переходе проезжей части «останавливаются и ждут разрешающего сигнала светофора». «Где удобно» переходят улицу 8,1 % респондентов.

В целом, большинство опрошенных действуют с оглядкой на правила, однако адаптируют их к каждой конкретной ситуации, т. е. не отрицают самой возможности перехода улицы на запрещающий сигнал светофора.

Относительно окружающих 54,4 % респондентов также отмечают, что люди действуют по обстоятельствам, оценивая наличную ситуацию и вероятность опасности. Однако 32,4 % опрошенных в качестве наиболее распространенного варианта поведения на дороге называют переход улицы там, где удобно, независимо от наличия пешеходного перехода или светофора, и лишь 13,2 % фиксируют как наиболее вероятную модель поведения ожидание разрешающего сигнала светофора.

Обращает на себя внимание противоречие между собственным поведением и поведением других людей. Одна из возможных причин заключается в том, что респонденты отвечают на вопрос о собственном поведении, но при ответах на вопрос о поведении окружающих ориентируются на бытующие в общественном мнении стереотипы.

Большинство респондентов (85,2 %) «пристегиваются всегда». 10,5 % опрошенных «набрасывают ремень». Полностью игнорируют правило 4,3 %. Малое число выборов варианта «не пристегиваюсь», как представляется, вызвано ужесточением административной ответственности за нарушение данного правила и серьезными экономическими санкциями за его несоблюдение.

Оценка наиболее распространенных поведенческих схем других людей распределяется примерно поровну между вариантами «пристегивается всегда» (38,1 %) и «набрасывает ремень» (49,8 %).

Т а б л и ц а 2

Ситуация 2. Как Вы/другие обычно ведете себя в автомобиле?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек садится в автомобиль и сразу пристегивается ремнем безопасности	380	85,2	170	38,1
2	Человек садится в автомобиль и лишь набрасывает ремень безопасности, чтобы не привлекать внимание сотрудников ДПС	47	10,5	222	49,8
3	Человек садится в автомобиль и не пристегивает ремень безопасности, поскольку не считает нужным это делать	19	4,3	54	12,1
4	ВСЕГО	446	100	446	100

Т а б л и ц а 3

Ситуация 3. Как Вы/другие обычно ведете себя в магазине?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек совершает покупку в магазине, у него имеется банковская карточка и наличные деньги. Для него проще расплатиться с помощью банковской карточки	64	14,3	93	20,8
2	Человек совершает покупки в магазине, у него имеется банковская карточка и наличные деньги. Для него одинаково приемлемо расплатиться как наличными деньгами, так и банковской карточкой	173	38,7	181	40,5

Окончание табл. 3

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
3	Человек совершает покупку в магазине, у него имеется банковская карточка и наличные деньги. Для него проще расплатиться наличными деньгами	210	47,0	173	38,7
4	ВСЕГО	447	100	447	100

Согласно результатам опроса, выбор между использованием банковской карты и оплатой наличными делается в пользу последнего варианта, который признали обычным для себя 47 % опрошенных. Для 38,7 % респондентов «одинаково приемлемо расплатиться как наличными деньгами, так и банковской карточкой», а 14,3 % опрошенных при оплате покупок в магазине пользуются банковской картой.

Эти тенденции подтверждаются и ответами на вопрос о поведении других людей в аналогичной ситуации. 38,7 % респондентов отметили, что человеку, совершающему покупку в магазине, «проще расплатиться наличными деньгами». Вариант равноценности наличных денег и банковской карты выбрали 40,5 % опрошенных, в то время как банковскую карту считают наиболее распространенным способом оплаты 20,8 %.

Анализ распределения ответов по данной ситуации показывает, что нет существенного расхождения в оценке предпочитаемых вариантов своего поведения и поведения других людей. Более того, новые формы оплаты постепенно становятся привычными в повседневных практиках респондентов.

В ситуации необходимости оформления заграничного паспорта – процедуры жестко регламентированной, но при этом не обязательной для всех, мы наблюдаем следующее распределение ответов респондентов: примерно половина (52,2 %) демонстрирует

Т а б л и ц а 4

*Ситуация 4. Как Вы/другие обычно поступаете
в следующей ситуации?*

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человеку необходимо оформить заграничный паспорт. Для получения информации и подготовки документов он обратится в районное отделение Управления Федеральной миграционной службы (УФМС) России	166	52,2	145	45,6
2	Человеку необходимо оформить заграничный паспорт. Для получения информации и получения документов он воспользуется специализированным интернет-порталом государственных услуг	128	40,3	121	38,1
3	Человеку необходимо оформить заграничный паспорт. Для получения информации и подготовки документов он воспользуется неспециализированными сайтами и сведениями, полученными от других интернет-пользователей	24	7,5	52	16,4
4	ВСЕГО	318	100	318	100

нормативное поведение; 40,3 % опрошенных обратится к специализированному portalу государственных услуг и только 7,5 % воспользуется какими-либо неспециализированными источниками информации о подготовке и передаче документов. Когда речь идет о том, какой вариант наиболее распространен, картина принципиально не меняется – рейтинги популярности остаются теми же самыми.

Т а б л и ц а 5

*Ситуация 5. Какой вариант предпочтителен
для Вас/для других?*

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек хочет иметь много денег, стать богатым. Он не меняет работу, но начинает экономить и откладывать часть от заработной платы (копить)	61	13,7	81	18,2
2	Человек хочет иметь много денег, стать богатым. Он начинает искать возможности для организации собственного бизнеса	139	31,2	102	22,9
3	Человек хочет иметь много денег, стать богатым. Он начинает искать более высокооплачиваемую работу	231	51,8	164	36,8
4	Человек хочет иметь много денег, стать богатым. Он играет в лотереи, надеется на выигрыш	2	0,4	14	3,1
5	Человек хочет иметь много денег, стать богатым. Он ничего не предпринимает для этого специально, надеется на удачу	13	2,9	85	19,1
6	ВСЕГО	446	100	446	100

Ответы респондентов выявили их достаточно активную позицию в вопросе улучшения своего материально-финансового положения. Большинство опрошенных, для того чтобы стать богатыми, займутся поисками высокооплачиваемой работы (51,8 %) и организацией бизнеса (31,2 %). Аналогичное распределение получила и оценка того, как поступают другие: соответственно, 36,8 % и 22,9 %. При этом значительную часть составляют те, кто будет «копить,

экономить, откладывать часть от зарплаты» (13,7 % – «я сам», 18,2 % – «другие»). Надежду на выигрыш, лотерею, счастливый случай как способ достижения богатства высказали 0,4 % («я сам») и 3,1 % («другие»). Это вновь свидетельствует, что самооценка респондентов значительно выше, чем оценка ими поведения (нравов) других людей. Вероятно, причиной этой активности в достижении богатства служит эгоистическая составляющая поведенческой установки.

Т а б л и ц а 6

Ситуация 6. Как Вы/другие обычно ведете себя в поезде?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек садится в поезд. С ним в купе оказываются иностранцы из ближнего зарубежья. Человек будет искать возможность поменять купе (обратится к проводнику, займет свободное место в других вагонах или купе и т. п.)	42	9,4	63	14,1
2	Человек садится в поезд. С ним в купе оказываются иностранцы из ближнего зарубежья. Человек останется в купе, но будет испытывать дискомфорт и демонстрировать его	21	4,7	142	31,8
3	Человек садится в поезд. С ним в купе оказываются иностранцы из ближнего зарубежья. Человек будет испытывать дискомфорт, но скрывать свою неприязнь за вежливостью	143	32,1	149	33,3
4	Человек садится в поезд. С ним в купе оказываются иностранцы из ближнего зарубежья. Человек не обратит на это внимания	115	25,8	56	12,5

Окончание табл. 6

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
5	Человек садится в поезд. С ним в купе оказываются иностранцы из ближнего зарубежья. Человек будет рад возможности пообщаться с представителями другой культуры и узнать что-то новое	125	28,0	37	8,3
6	ВСЕГО	446	100	447	100

Анализ этой ситуации выявил, что респонденты достаточно толерантны к представителям иной национальности и культуры. Для 28 % эта ситуация воспринимается как возможность более тесно пообщаться и познакомиться с представителями другой культуры. Для четверти респондентов (25,8 %) эта ситуация не представляется проблемной, значимой и они «не обращают на это внимания». Однако за внешней толерантностью и вежливостью 32,1 % опрошенных скрывается внутренняя напряженность и неприязнь к мигрантам, а 4,7 % респондентов демонстрируют свой дискомфорт в их присутствии и даже стремятся поменять купе (9,4 %). Это свидетельствует о том, что фактор культурных различий на уровне повседневных практик, бытовых нравов оказывается существенным в преодолении возможных конфликтов и выстраивании толерантных отношений мигрантов и принимающего общества.

Кроме того, вновь фиксируется разрыв в оценке позиции «я сам» – «другие» в сторону «я – лучше, толерантнее, культурнее». И если варианты «я сам не обращаю внимания» и даже «рад возможности пообщаться с другими культурами» составляют более четверти ответов, то в отношении обычного поведения других эти показатели резко меняются, соответственно, до 12,5 % и 8,3 %.

Т а б л и ц а 7

Ситуация 7. Как бы Вы/другие поступили?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Студент, обучающийся за деньги в вузе, узнал, что занятия отменяются. Он будет этому рад	306	68,5	415	92,8
2	Студент, обучающийся за деньги в вузе, узнал, что занятия отменяются. Он будет огорчен	97	21,7	17	3,8
3	Студент, обучающийся за деньги в вузе, узнал, что занятия отменяются. Он потребует компенсации несостоявшихся занятий (вернуть деньги или провести дополнительные занятия)	44	9,8	15	3,4
4	ВСЕГО	447	100	447	100

Ситуация отмены занятий воспринимается большинством респондентов с радостью и демонстрирует низкую мотивированность студентов на аудиторные занятия. Как наиболее распространенный вариант такой выбор для себя указали 68,5 %, а как обычный выбор других – 92,8 %. При этом стоит подчеркнуть, что большинство информантов действительно являются студентами екатеринбургских вузов, что дает основания оценивать эти результаты как максимально реалистичные.

В этой связи важно отметить, что только 9,8 % респондентов требуют компенсации несостоявшихся занятий. Что же касается вариантов поведения в этой ситуации других, то этот показатель еще ниже – 3,4 %.

В случае болезни 41,1 % респондентов обратятся к врачу, 29,7 % займутся самолечением, 29,2 % опрошенных «не будут принимать каких-либо специальных мер, пока всерьез не заболеют».

Т а б л и ц а 8

Ситуация 8. Как Вы/другие обычно поступаете?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек испытывает проблемы со здоровьем. Он займется самолечением, применением средств народной медицины	132	29,7	140	31,5
2	Человек испытывает проблемы со здоровьем. Он обратится к врачу	183	41,1	141	31,8
3	Человек испытывает проблемы со здоровьем. Он не придает этому значения и не будет предпринимать каких-либо специальных мер, пока всерьез не заболеет	130	29,2	163	36,7
4	ВСЕГО	445	100	444	100

Характеризуя поведение других людей, респонденты оценили все варианты как примерно равновероятные: 31,5 % считают, что человек займется самолечением, 31,8 % предполагают, что заболевший обратится к врачу, а 36,7 % признают наиболее типичным для окружающих игнорирование болезни до тех пор, пока она не перейдет во что-то действительно серьезное.

Таким образом, при анализе ответов на вопрос о здоровье не было выявлено устойчивой тенденции. Результаты распределились примерно поровну между всеми вариантами. Можно предположить, что окончательный выбор тактики поведения носит ситуативный характер и зависит от ряда дополнительных условий – серьезности заболевания, необходимости получить больничный лист и др. При этом обращение к врачу рассматривается лишь как одна из альтернатив, но отнюдь не приоритетный вариант действий.

Т а б л и ц а 9

*Ситуация 9. Какой вариант предпочтителен
для Вас/для других?*

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Человек работает на предприятии. Зная, что на нем предстоит сокращение, он решает получить дополнительное образование, повысить квалификацию	134	30,1	26	5,8
2	Человек работает на предприятии. Зная, что на нем предстоит сокращение, он решает заняться поисками новой работы	253	56,9	226	50,7
3	Человек работает на предприятии. Зная, что на нем предстоит сокращение, он решает не предпринимать никаких действий до прояснения ситуации	58	13,0	194	43,5
4	ВСЕГО	445	100	446	100

Из предложенных вариантов ответов более половины респондентов (56,9 %) указали в качестве наиболее вероятного варианта своего поведения поиск новой работы; чуть менее трети опрошенных (30,1 %) предпочли бы «получить дополнительное образование, повысить квалификацию» и только 13 % респондентов не будут ничего предпринимать до прояснения ситуации. В целом опрошенные демонстрируют наличие личной активистской установки, в которой почти нет места для развития конструктивного диалога с работодателем. В отношении оценок возможных вариантов поведения других мнения респондентов несколько изменились: 50,7 % указали вариант поиска новой работы; 43,5 % – «не будут предпринимать никаких действий до прояснения ситуации» и только 5,8 % будут получать дополнительное образование и повышать квалификацию.

Т а б л и ц а 10

Ситуация 10. Как Вы/другие обычно поступаете?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Из-за неблагоприятных условий (неурожай, экономические обстоятельства и пр.) возник риск удорожания некоторых продуктов питания. Человек закупает продукты впрок в количестве, значительно превышающем текущие потребности	46	10,4	216	48,6
2	Из-за неблагоприятных условий (неурожай, экономические обстоятельства и пр.) возник риск удорожания некоторых продуктов питания. Человек старается сделать небольшой запас продуктов, купленных по низкой цене	171	38,5	175	39,4
3	Из-за неблагоприятных условий (неурожай, экономические обстоятельства и пр.) возник риск удорожания некоторых продуктов питания. Человек будет покупать продукты по мере необходимости	227	51,1	53	11,9
4	ВСЕГО	444	100	444	100

51,1 % опрошенных ответили, что сами они ничего не предпринимают в этой ситуации. Однако почти половина (48,9 %) респондентов в предложенной ситуации возможного дефицита продуктов выбрали вариантом своего поведения «делаю запас» (10,4 %) и «купил бы немного на всякий случай» (38,5 %).

Это может свидетельствовать о том, что в культурной генетической памяти новых поколений еще сохраняются поведенческие схемы, стереотипы, нравы старших (советских и первых постсоветских)

поколений. В то же время сохраняется противоречие, разрыв в поведенческих схемах того, как «поступаю я сам» и «поступают другие». Если позицию «я сам сделал запас» выбрали 10,4 % от числа всех информантов, то в отношении «других» этот показатель увеличился до 48,6 %. Суммарно варианты «делают запасы» и «покупают на всякий случай» составляют 87,1 %.

Т а б л и ц а 11

Ситуация 11. Как бы Вы/другие поступили?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Предприниматель пытается открыть предприятие общественного питания. Для этого нужно разрешение специализированных служб. Чтобы его получить, предприниматель соберет все необходимые документы и обратится в установленном порядке в эту службу	207	46,5	37	8,3
2	Предприниматель пытается открыть предприятие общественного питания. Для этого нужно разрешение специализированных служб. Чтобы его получить, предприниматель будет искать знакомых, способных помочь решить эту ситуацию быстрее	198	44,5	169	37,9
3	Предприниматель пытается открыть предприятие общественного питания. Для этого нужно разрешение специализированных служб. Чтобы его получить, предприниматель найдет посредников, заплатив которым, он решит эту проблему	29	6,5	113	25,3

Окончание табл. 11

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
4	Предприниматель пытается открыть предприятие общественного питания. Для этого нужно разрешение специализированных служб. Чтобы его получить, предприниматель предложит взятку чиновнику, от которого зависит быстрое решение этого вопроса	11	2,5	127	28,5
5	ВСЕГО	445	100	446	100

Анализ данных выявил противоречивую позицию респондентов в оценке собственных нравов и нравов других в ситуации необходимости получить разрешение специализированных служб на открытие предприятия общественного питания. Почти половина (46,5 %) респондентов заявили, что в этой ситуации они будут действовать «в установленном законом порядке». Несколько меньшее число опрошенных (44,5 %) дали ответ «буду искать знакомых, способных решить эту ситуацию быстрее». 6,5 % сообщили о том, что будут искать посредников, а 2,5 % указали в качестве варианта решения проблемы «взятки чиновникам». Вместе с тем, оценивая наиболее распространенные варианты поведения других людей в предлагаемой ситуации, опрошенные указали, что примерно лишь каждый десятый будет разрешать ситуацию в установленном законом порядке (8,3 %), а практически 28,5 % предложат взятку чиновнику, от которого зависит быстрое решение данного вопроса. Таким образом, респонденты не отрицают для себя саму возможность дачи взятки чиновнику в подобных ситуациях.

Значительная доля респондентов указали, что будут решать эту проблему не самостоятельно, а путем привлечения знакомых или посредников, что суммарно составило 51 % для варианта «я сам»

и 63,2% для варианта «другие». Это даст основание фиксировать низкую активность в решении задач, предполагающих наличие развитой прагматической коммуникативной установки.

Т а б л и ц а 12

Ситуация 12. Как бы Вы/другие поступили?

№	Вариант ответа	«Как я поступлю»		«Как поступят другие»	
		Абсол., чел.	Доля, %	Абсол., чел.	Доля, %
1	Во дворе организовали несанкционированную парковку. Человек организует протестные выступления других жителей двора, чтобы ликвидировать парковку	23	5,2	41	9,3
2	Во дворе организовали несанкционированную парковку. Человек будет писать в различные инстанции с требованием ликвидировать парковку	94	21,1	64	14,6
3	Во дворе организовали несанкционированную парковку. Человек будет возмущаться и открыто высказывать свое мнение владельцам (работникам) парковки	38	8,5	70	15,9
4	Во дворе организовали несанкционированную парковку. Человек будет обсуждать ситуацию и возмущаться в кругу соседей	50	11,2	177	40,3
5	Во дворе организовали несанкционированную парковку. Человек ничего не будет делать, потому что лично ему она не мешает	240	53,9	87	19,8
6	ВСЕГО	445	100	439	100

Отвечая на вопрос о своих действиях в случае организации несанкционированной парковки, 53,9 % респондентов ответили, что ничего не будут делать в данной ситуации. Что касается активных действий, то 21,1 % будут решать проблему через обращение в соответствующие инстанции, 8,5 % выразят свое возмущение владельцам парковки, 5,2 % организуют протестное выступление. Еще 11,2 % ограничатся обсуждением сложившейся ситуации с соседями.

Совершенно иначе распределились варианты поведенческих схем при характеристике действий окружающих людей. Наиболее распространенной реакцией на несанкционированную парковку является обсуждение с соседями (40,3 %). Остальные варианты сопоставимы между собой по частоте: ничего не будут делать – 19,8 %, организуют протестное выступление – 9,3 %, выразят неудовольствие владельцам парковки – 15,9 %, будут писать письма в инстанции – 14,6 %.

Как представляется, в данном случае немалое значение имеет возраст опрашиваемых, что и дает расхождение в ответах. Основной массив респондентов составляют молодые люди. Молодежь не воспринимает ситуации, подобные описанной в вопросе, как отклонение от нормы или ущемление собственных прав, а потому пассивно реагирует на несанкционированные действия. В том случае, если парковка все же оценивается как нарушение, предпочтительными оказываются административные меры воздействия. Говоря о «других», респонденты подразумевают не только представителей своей возрастной группы, но и людей старших поколений. Исходя из этого, более традиционным и распространенным считается поведение, выражающее общественное мнение. Таким образом, активные действия, которые позволили бы достичь результата, как правило, не предпринимаются. В данном случае мы имеем дело с сопоставлением двух форм контроля, которые, пользуясь классификацией Р. Парка, можно определить как контроль через социальные институты и общественное мнение. При этом традиционной и общепринятой формой контроля выступает общественное мнение. Именно оно оказывается предпочтительным для представителей старших поколений. Молодежь же склонна

апеллировать к иным формам контроля, ориентированным на правовое разрешение проблемы. Таким образом, ответы на поставленный вопрос позволяют зафиксировать различия как в оценке происходящего, так и в способах отстаивания собственной позиции в разных возрастных группах и наметить динамику нравов. В принципе, это подтверждает выводы, полученные в ходе анализа поведения в ситуациях риска: нормы выполняются, если поддерживаются экономическим взысканием.

Таким образом, анализ линейного распределения ответов респондентов на предложенные вопросы-ситуации выявил несколько проблемных зон:

- 1) неоднозначность оценок своего поведения и поведения других в одних и тех же ситуациях;
- 2) преобладание ситуативности в выборе варианта решения проблемы;
- 3) строгое следование должному при жестком институциональном контроле.

В частности, сопоставление ответов по всему корпусу ситуаций, связанных с потенциальным риском для жизни и здоровья, показывает, что следование правилам тем неукоснительнее, чем строже экономические санкции за их несоблюдение.

Если сфера лишена институционального контроля, то повседневные практики оказываются разнонаправленными, несмотря на наличие неинституциональных норм, регулирующих данную сферу (например, нормы здорового образа жизни, активно утверждаемые через различные каналы просвещения и массовой коммуникации). Более того, институциональные нормы сами по себе не являются достаточным основанием для их соблюдения. В случае отсутствия этого фактора поведение определяется конкретной ситуацией, в которой правило выступает в качестве лишь одной из переменных, причем не самой значимой.

Анализ представленных данных позволяет предположить, что большинство респондентов не относятся к безусловным поклонникам правил, даже если правила носят исключительно институциональный характер и по логике вещей должны поддерживать относительное равновесие в обществе, направляя его движение

в ту или иную сторону. В то же время результаты исследования позволяют сделать вывод об относительно небольшом слое людей, для которых правила, существующие в обществе, не являются сколько-нибудь значимым источником регламентации поведения. Потенциал модернизационных изменений, судя по представленным данным, хотя и не является высоким, но должен разыскиваться среди «ситуативистов», нравы которых подвержены вариативной модели обоснования собственной деятельности.

Анализ обозначенных проблемных зон позволил выделить две группы ситуаций.

Первая группа – наиболее показательные ситуации, фиксирующие *значительные расхождения* оценок своего поведения и поведения других людей, а также раскрывающие доминирующие позиции в ситуациях выбора. К таким ситуациям относятся следующие: № 6, 8, 10, 11.

В этих ситуациях были выявлены нормативные коллизии, суть которых заключается в расхождении (разрыве) между представлениями о собственном поведении и поведении других людей. В данном случае мы имеем дело с тем, что в одних и тех же ситуациях индивиды склонны своему поведению приписывать большую социальную одобряемость, чем поведению других людей. Кроме того, самим себе в ситуациях, в которых явно присутствует элемент социального неодобрения, социальной нежелательности и даже неприятия, приписывается значительно более нормативное поведение, чем другим. Это свидетельствует о том, что нормативные правила, установления индивидуализируются, а сами ситуации не всегда соотносятся с вариантами практического поведения. В целом, это обозначает наличие несоответствий между тем, как должно быть, и тем, как делают, между тем, как поступают сами и поступают другие.

Эти несоответствия наглядно отражаются в следующих рисунках.

Рис. 1 отражает варианты оценки собственного поведения и поведения других людей в неблагоприятной экономической ситуации, связанной с возможным дефицитом продуктов (ситуация № 10).

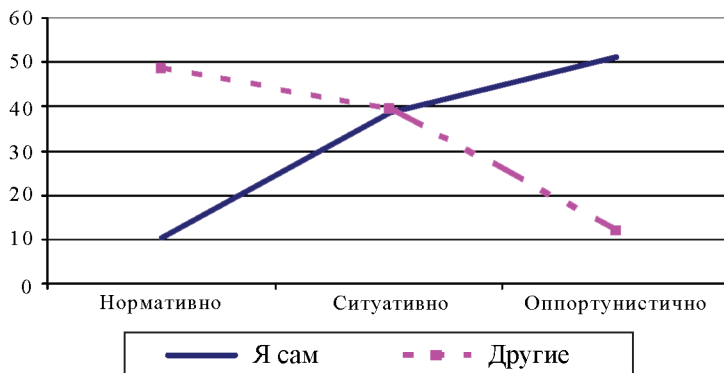

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы о поведении в ситуации возможного дефицита (%)

На рисунке видно, что респонденты, в целом, себе приписывают более разумные варианты поведения и в то же время считают, что большинство будет вести себя в ориентации на воспоминания о временах дефицита. Здесь нормативная коллизия заключается в существенном несовпадении оценок собственного поведения и поведения большинства других. В ситуации возможного товарного дефицита прагматическая составляющая, опирающаяся на индивидуалистические установки, приписывается собственному поведению. Вероятно, это связано еще и с тем, что почти 73 % респондентов – это молодые люди в возрасте от 17 до 22 лет, которые не имели опыта жизни в советский период и не сталкивались с таким явлением прошлой жизни как товарный, в частности, продуктовый дефицит. В то же время, по мнению респондентов, другие в предложенной ситуации опираются на нормативные привычки, образовавшиеся во времена доминирования ценностей коллективизма и коллективистских регуляторов поведения («они поступают традиционно, как было принято в прежние времена»). В этом отношении нельзя не согласиться с П. Бурдые, писавшим о том, что «в каждом из нас, в той или иной пропорции, живет вчерашний человек...»⁸¹

⁸¹ Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. социологии : АЛЕТЕЙЯ, 2001. С. 109.

Можно предположить, что такой результат во многом является не только проявлением культурной памяти поколений, но и следствием активного воздействия на общественное мнение СМК (средств массовой коммуникации), довольно активно распространяющих информацию о засухе и неурожаях, о дефиците продуктов и очередях в различных регионах России (2011 г.). Это также еще раз подтверждает вывод о том, что СМК являются одним из ведущих акторов, формирующих общественное мнение и нравы россиян. Доверие к сообщениям СМК традиционно высоко в России, как традиционно высок процент ожидаемых проблем и неприятностей со стороны государства, что и было подтверждено эмпирическими данными исследования.

Рис. 2 отражает варианты ответов на вопрос об оценках собственного поведения и поведения других людей в ситуации вынужденного взаимодействия с «другими» (ситуация № 6).

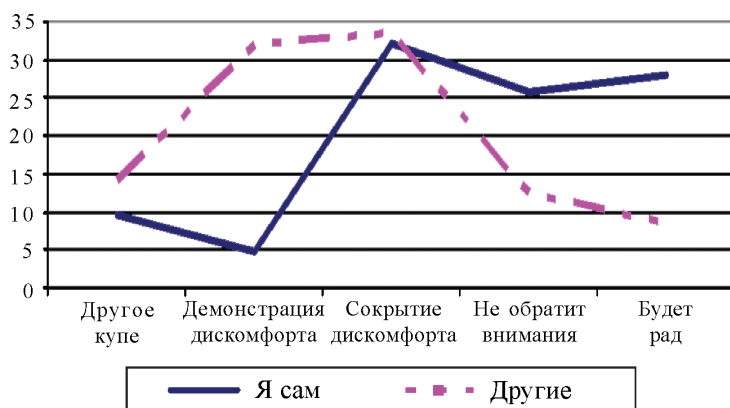

Рис. 2. Распределение ответов на вопросы о взаимодействии с иностранцами из ближнего зарубежья в купе поезда (%)

В ответах на этот вопрос четко прослеживаются нормативные черты в собственном поведении и преимущественно оппортунистические черты – в поведении других людей. Это свидетельствует о том, что идет процесс формирования, складывания новых

культурных практик, которые не обрели еще устойчивого характера доминирующих нравов в данной социально-культурной группе (студенты вузов).

Аналогичную картину распределения ответов демонстрирует также рис. 3, отражающий ситуацию № 11.

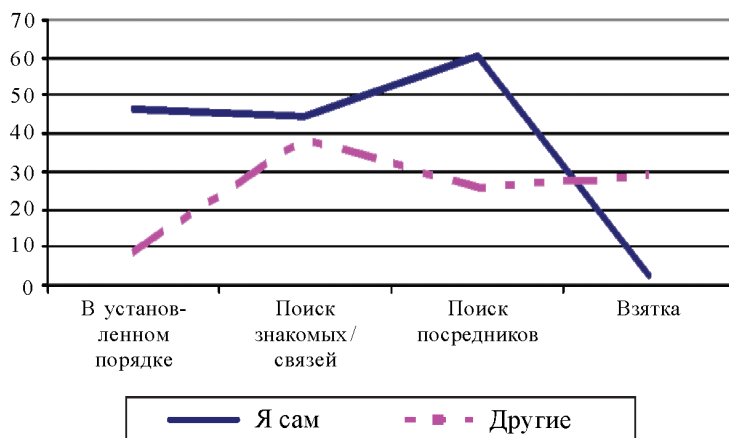

Рис. 3. Распределение ответов на вопросы о разрешении/согласовании бизнеса (%)

На этом рисунке обращают на себя внимание расхождения между оценками собственного поведения и поведения других практически по каждому варианту ответа. Оппортунистические установки в поведении приписываются преимущественно другим, в то время как себе – преимущественно нормативные стратегии поведения. Особенно ярко это проявляется по отношению к возможной даче взяток. Можно предположить, что такие оценки были даны на фоне усилившейся в последние годы риторики о необходимости борьбы с коррупцией в нашей стране, в том числе, в сфере образования, к которой респонденты имеют непосредственное отношение. Имея ограниченный опыт дачи взяток (или не имея такового вообще), они не исключают возможности того, что другие выбирают этот путь как один из возможных вариантов решения возникающих проблем.

Рис. 4 демонстрирует вариант нормативной коллизии, связанный с распределением ответов на вопросы о предпочитаемых способах лечения (ситуация № 8).

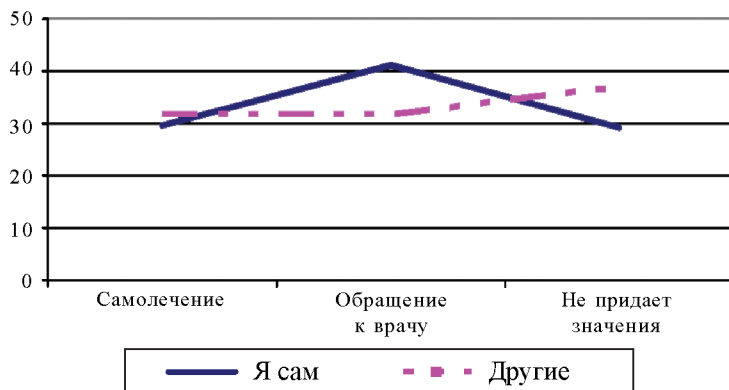

Рис. 4. Распределение ответов на вопросы о способах решения проблем со здоровьем (%)

Этот вариант коллизии фиксирует противоречие официальных норм и реальных культурных практик как сложившегося в данном сообществе, повторяющегося и транслируемого на уровне привычного поведения порядка. В частности, это демонстрирует зазор между существующим правилом, а иногда (во время эпидемии заболеваний) и жестким требованием обращения за медицинской помощью к специалистам и распространенными культурными практиками самолечения. Можно предположить, что это связано: во-первых, с организацией работы медучреждений, которые в действительности не всегда доступны для пациентов (бюджетные – в силу высокой загруженности и нехватки медперсонала, особенно в ситуациях эпидемии, а коммерческие – по причине высокой стоимости услуг) и др. Во-вторых, с формирующимися новыми практиками самолечения, связанными с доступностью информации о способах самолечения и самих лекарственных препаратах, которые можно получить через интернет-услуги даже без рецептов.

Вторая группа – это ситуации с *незначительными расхождениями* оценок своего поведения и поведения других людей: № 3, 4, 7. В них наблюдается в целом совпадение кривых распределения ответов респондентов на вопросы о вариантах поведения.

Рис. 5 демонстрирует распространенные практики использования банковских карточек при расчетах и закупке товаров (ситуация № 3).

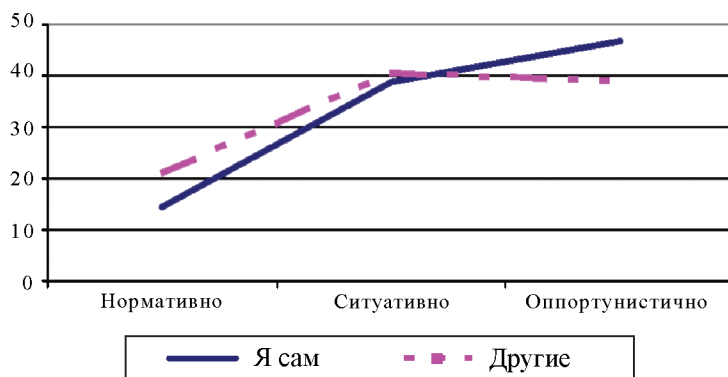

Рис. 5. Распределение ответов на вопросы о способах оплаты товаров в магазине (%)

В этой ситуации фиксируется сходное распределение ответов как при характеристике собственного поведения, так и при оценке действий других. Опрос проводился главным образом среди молодых людей – группы, наиболее восприимчивой к разного рода техническим нововведениям. Однако, несмотря на активное освоение электронных устройств, в устойчивых, рутинных ситуациях повседневной жизни предпочтение отдается формам взаимодействия, предполагающим коммуникацию лицом к лицу. Вероятно, для респондентов характерно неприятие автоматизированных форм оплаты как неких анонимных способов. Возможные технические сбои в работе этих терминалов решаются психологически сложнее, чем выяснение проблем с обычным кассиром. Личное общение выступает гарантом оплаты и отсутствия последующих проблем.

В случае с банковскими картами значимым становится вопрос готовности к инноватике в поведении – это сравнительно новый способ расчета в магазинах, каких-либо устоявшихся финансовых привычек в обществе не сформировалось, каких-либо представлений тоже. Наверное, по этой причине каких-то серьезных расхождений в оценках собственного поведения и поведения других обнаружено не было. В этой сфере контроль в большей степени осуществляется над финансовыми институтами, чем над обычными пользователями, оставляя тем самым относительно свободным этот сегмент поведения. Формирование какой-либо привычки в этом направлении только происходит, респонденты «открыты» для новых моделей повседневного поведения.

Рис. 6 показывает предпочитаемые респондентами способы обогащения (ситуация № 5).

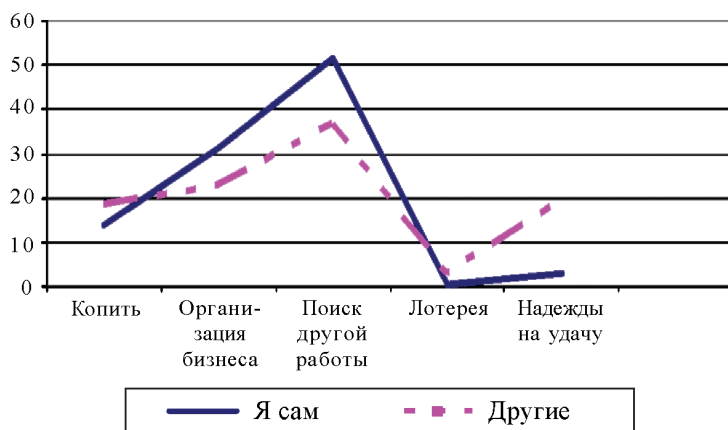

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о способах обогащения (%)

В целом, респонденты склонны себе и другим приписывать одни и те же варианты обогащения. Серьезных коллизий, связанных с нормативными предписаниями, сложившимися культурными традициями и текущими культурными практиками, не обнаруживается. Другими словами, и в первом, и во втором случаях мы видим

сходные «пики» и «спады» распространенности – поведенческие практики себя и других оказываются, в целом, похожими. Это может указывать на наличие относительно сложившихся и устойчивых представлений о том, что такое нормативно одобряемое поведение в той или иной ситуации. Кроме того, фиксируется наличие сформировавшихся тенденций активистских способов решения личных материальных проблем. Если в первые постсоветские годы доминировали патерналистские установки и нравы, надежды на то, что государство или работодатель помогут решить материальные проблемы, то сегодня эти установки и нравы молодых людей меняются. Все больше преобладают активные формы решения собственных проблем. Надежды на удачу, выигрыш в лотерею, накопительство уже не рассматриваются в качестве значимых.

Рис. 7 отражает проективную ситуацию, связанную с отменой занятий у студентов (ситуация № 7).

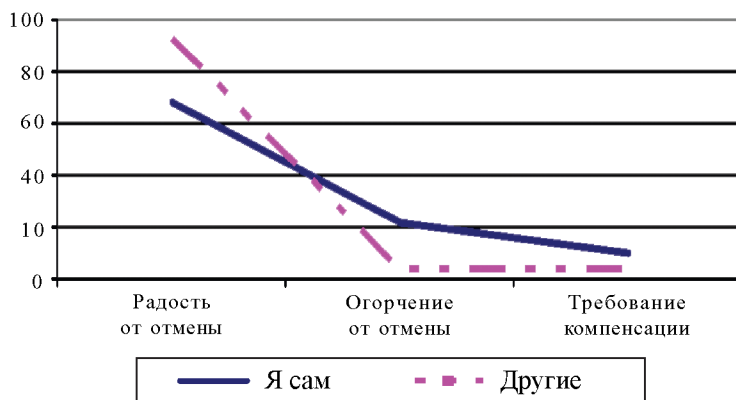

Рис. 7. Распределение ответов на вопросы о реакции студентов на отмену занятий (%)

В целом, мы наблюдаем сходство в рисунках кривых, описывающих распределение ответов на поставленный вопрос. По нашему мнению, это обозначает наличие нормативного консенсуса в представлениях о сложившихся практиках поведения современных студентов. Полученные данные позволяют констатировать, что

для студентов аудиторные занятия не являются востребованной и значимой с точки зрения овладения специальностью формой получения знаний даже в том случае, если их обучение платное. Причина низкой мотивированности на учебу требует специального анализа. Но можно предположить, что такая поведенческая практика сложилась в устойчивые студенческие нравы еще в советские времена. И эти традиционные поведенческие практики и нравы воспроизводятся и сегодня. Причем они не являются фактором различия «я» и «другие». Кроме того, наблюдается инертность студенческих нравов, незаинтересованность в систематических занятиях и глубине получаемых знаний, а также невысокая степень социальной ответственности студентов. Образование не рассматривается ими как инструментальная ценность, обретение которой необходимо для успешного карьерного старта.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим заключениям и выводам.

1. Во многом полученные данные подтвердили те положения о проблемности модернизации в стране, которые были получены сотрудниками Института современного развития (ИНСОР) и сформулированы ими в дискуссиях и интервью⁸². Ими были названы «4 признака русского менталитета, препятствующих модернизации», а именно: 1) «уровень избегания неопределенности (риск) – один из самых высоких в мире»; 2) «неуважение к правилу и стандарту»; 3) «удаленность власти» и при этом вера в государство, патернализм; 4) «состояние человеческого капитала» (частичная декалфикация, люмпенизация рабочих и др.).

Проведенное нами исследование позволило дополнить список этих проблем, которые могут быть обозначены следующим образом:

⁸² *Акимов В.* Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году (интервью с И. Юргенсом) [Электронный ресурс] / В. Акимов // Новый регион. 2010. 15 сентября. URL: <http://nr2.ru/moscow/300609.html> (дата обращения: 02.03.2012); Четыре признака русской ментальности, препятствующие модернизации [Электронный ресурс] // Новый регион. 2010. 23 сентября. URL: <http://www.nr2.ru/moscow/301707.html> (дата обращения: 02.03.2012).

- ситуативность (неустойчивость) реакций респондентов на различные правила (неумение или нежелание «играть строго по правилам»);

- низкая социальная активность в решении общих проблем при высокой степени активности по обеспечению собственного материального благополучия;

- сложность принятия технологических новинок на повседневно-бытовом уровне, инерция привычек;

- противоречивость восприятия рисков, неопределенность и ненаправленность общей схемы восприятия рискованных ситуаций – в некоторых случаях наблюдается готовность к рисковому поведению, восприимчивость к новациям, в других – следование консервативным вариантам поведения, направленным на минимизацию рисков;

- высокое доверие к информации, получаемой из средств массовой коммуникации (в частности, Интернета).

2. В целом, апробация эвристических возможностей метода «виньеток» в исследовании нравов (и вообще, в рамках эмпирической социологии) продемонстрировала продуктивность этого метода при объяснении повседневных и неотрефлексированных форм поведения. Полученные результаты позволяют сделать вывод о противоречивости и ситуативном характере российских нравов. В настоящее время фактически происходит контаминация (смешение, наложение) нравов разных эпох. Современные российские нравы – это, по сути, сочетание новых формирующихся привычек, стереотипов, социально-культурных практик повседневного поведения с теми, которые сохраняются с советских времен. Это создает определенные трудности в решении задачи модернизации современного российского общества.

Глава 6

ПРИЧИНЫ КОНСЕРВАЦИИ НРАВОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Анализ причин консервации российских нравов логично начать с уточнения исходных понятий, которые трактуются в социально-гуманитарной литературе неоднозначно. В словаре В. И. Даля отмечается, что слово «консерватор» заимствовано из французского языка и означает «боронитель, сохранитель, охранитель, охранник»; тот, «кто блюдет настоящий порядок дел, противник новизны, перемен»⁸³. В «Словаре иностранных слов» это понятие определяется следующим образом: «консерватор (лат. *conservator* «охранитель») – человек консервативных убеждений, отстаивающий неизменность чего-либо старого, отжившего, противник преобразований (в общественной жизни, науке, искусстве и др.)»⁸⁴. Кроме того, «консервативный» понимается как «враждебный всяким нововведениям, отстаивающий неизменность чего-либо, косный». Таким образом, мы можем зафиксировать ситуацию двойной коннотации данных понятий: положительной, связанной с функцией сохранения, и негативной, подчеркивающей приверженность устаревшему, отжившему, неприятие новизны, идеализацию прошлого. Применительно к нравам это означает, что их также можно рассматривать двояко: и как явление косное, тормозящее развитие общества, процессы его модернизации, и как явление позитивное, стабильное, охраняющее, консервирующее и передающее накопленный культурный опыт и ценности.

Нравы консервативны, инерционны по своей сущности. Нравы – это ставшие привычными, стабильными, традиционными социально-культурные практики, транслируемые из поколения в поколение и одобряемые общественным мнением той или иной социальной

⁸³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И – О. М. : ТЕРРА, 1994. С. 152.

⁸⁴ Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989. С. 252.

группы. Культурные практики – это конструируемые в повседневных опытах способы социально-культурного взаимодействия индивидов на фоне социальных норм. С них начинается формирование нравов как способов взаимодействия, закрепленных и постоянно воспроизводимых в социокультурной практике в различных сферах жизнедеятельности. Культурные практики становятся нравами в тот момент, когда они теряют динамизм, обретая качества привычности, стабильности, традиционности⁸⁵.

И эта консервативность нравов позитивна до определенной меры, пока их внутренняя стабильность не приводит к приверженности ко всему устаревшему, отжившему, препятствующему развитию и совершенствованию. Изменения нравов необходимы, ведь меняется сама жизнь. Но возникает целая серия вопросов: Как возможно изменение нравов? Каковы субъекты, каналы, механизмы этих трансформаций? И главное: Что препятствует этим изменениям? Каковы причины консерватизма российских нравов сегодня?

Можно предположить, что есть несколько вероятных ответов на эти вопросы. Мы подойдем к ним с позиции выделения двух групп факторов: объективных и субъективных причин консерватизма российских нравов.

К группе субъективных причин отнесем психологические, проявляющиеся как на уровне социальных групп (психологическая (моральная) атмосфера и др.), так и отдельных индивидов (психологические особенности, склонности и др.). Так, И. В. Бестужев-Лада, исследуя истоки сопротивления нововведениям, обнаруживает их в человеческом сознании, в стереотипизации сознания и поведения людей⁸⁶. А. И. Пригожин также указывает в качестве факторов, препятствующих восприятию нового, «силу привычки, нежелание менять устоявшийся стандарт поведения, боязнь неопределенности...»⁸⁷. А. Э. де Боно, задаваясь вопросом, почему мы

⁸⁵ См. подробнее Гл. 1 раздела III.

⁸⁶ См.: *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений / И. В. Бестужев-Лада. М.: Наука, 1993.

⁸⁷ *Пригожин А. И.* Современная социология организаций / А. И. Пригожин. М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. С. 31.

поступаем так, как поступаем, дает один из вариантов ответов: «Мы продолжаем поступать определенным образом просто потому, что не хотим задуматься об этом. Нам никогда не приходило в голову поискать лучший способ. Почему нам не приходит в голову поискать лучший способ? Это действие никогда не представляло для нас проблемы или трудности, поэтому у нас не было причин для того, чтобы уделять ему время или внимание. Наше мышление настолько поглощено проблемами, что, если что-то не представляет проблемы, мы не станем об этом думать. Есть известная и очень вредная поговорка: “от добра добра не ищут”...»⁸⁸.

К этому следует добавить, что в переломные эпохи, к которым, несомненно, можно отнести и сложившуюся в современной России ситуацию, в обществе возникает состояние неопределенности, неустойчивости, влекущее за собой психологический дискомфорт и желание найти «точку опоры», оставить все, как было раньше, в более стабильные и спокойные времена. В такие времена, как верно замечает Э. А. Паин, «...общество жаждет успокоения, и ему предлагают опыт успокоительного прошлого. В это время философы делают упор на особую неповторимость своей культурной ниши (цивилизации) и отмечают порочность сравнений с другими цивилизациями (“... что нам с ними ровняться, они из другой цивилизации, утешайтесь, что мы лучше, сложнее, духовно богаче”). В это время учителя нравов напирают на опасность и даже аморальность перемен: “Так всегда жили, и так жить будем”; “Власть от Бога”; “Культура – это судьба”; “Вообще, не дергайся, не рыпайся, не сравнивай, успокойся”»⁸⁹.

К другой группе причин (факторов) консервации нравов можно отнести социальные и культурные, задаваемые состоянием развития самого общества, его различных сфер.

⁸⁸ Боно Э. де. Серьезное творческое мышление / Э. де Боно. Минск : Попурри, 2005. С. 146.

⁸⁹ Общественные практики, культурные институции, этические нормы: можно ли воздействовать на традицию? : материалы семинара [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/1354> (дата обращения: 20.07.2012).

На эти причины, в частности, указывает Н. И. Лапин, опираясь на результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (ЦИСИ ИФРАН, 1990–2010)⁹⁰. В своей статье он выделяет «факторы стагнации, или тормоза модернизации», к которым относит «застойные сферы жизнедеятельности» («институциональные барьеры», «устойчивое воспроизводство массовых правонарушений, неэффективность их наказаний и правопорядка в целом», «низкую управляемость, отсутствие институтов саморазвития региональных сообществ и российского общества в целом») и «превращенную иерархию ценностных позиций населения» («двойственная иерархия позиций населения как предпосылка гражданского конфликта»)⁹¹.

Известный специалист в области кросс-культурных исследований Н. М. Лебедева считает базовым фактором консервативности российской действительности уровень благосостояния общества. «Очень многое зависит от развития экономики в стране... До тех пор, пока мы заняты проблемами выживания, у нас будет и мораль низкая, и культура невысокая»⁹².

Ряд других исследователей (Н. Бердяев, Ю. Лотман, А. Захаров и др.⁹³) видят причины консервации российских нравов в культурных традициях и специфической модели культуры России.

Так, В. Глеба, участвуя в опросе экспертов на тему «Просвещенный консерватизм в XXI веке», высказал следующую позицию: «Консерватизм имеет архетип – сохранение традиций, уклада, мировоззрения прошлых (идеологически правильных) времен и народов.

⁹⁰ См.: *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

⁹¹ Там же. С. 4.

⁹² См.: Общественные практики, культурные институции, этические нормы: можно ли воздействовать на традицию? : материалы семинара [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL : <http://www.liberal.ru/articles/1354> (дата обращения: 20.07.2012).

⁹³ См.: *Бердяев Н. А.* Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990; *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М. : Гнозис : Прогресс, 1992; *Захаров А. В.* Традиционная культура в современном обществе / А. В. Захаров // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.

Это больше тип мышления, чем идеология. В эмоциональном плане это может отражаться на стиле поведения»⁹⁴. В этом случае резонно задаться вопросом: а что есть культурная традиция и, соответственно, можно ли (и нужно ли) ее изменить, модернизировать? Каковы пределы устойчивости культурных традиций?

Вновь обратимся к словарям и энциклопедиям, дающим краткое, сжатое понимание этого термина. «Традиция» (лат. *traditio*, букв. «передача») – это «обычай, укоренившийся порядок в чем-нибудь (в поведении, быту и т. д.); то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи)»⁹⁵; «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени»⁹⁶; «разновидность (или форма) обычая, отличающаяся особой устойчивостью и направленными усилиями людей сохранить неизменными унаследованные от предыдущих поколений формы поведения»⁹⁷.

Обобщая данные определения, мы можем выделить несколько характерных черт, присущих традиции:

- устойчивость,
- инерционность,
- стереотипность,
- стабильность,
- адаптивность (приспособляемость) к новым условиям и др.

При этом, как считает ряд современных экспертов в данной проблематике, важнейшей чертой традиции является то, что «традиция не задает параметры, границы и механизмы социальных и культурных изменений», но сама она «реактивна и меняется в ответ

⁹⁴ Просвещенный консерватизм в 21 веке. Опрос экспертов – портал Русской Общины Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11605143> (дата обращения: 20.07.2012).

⁹⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз. ; Рос. фонд культуры. М. : Азъ Ltd., 1992. С. 835.

⁹⁶ Кравченко А. И. Культурология : словарь / А. И. Кравченко. 2-е изд. М. : Академический проект, 2001. С. 577.

⁹⁷ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 4-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 341.

на изменение внешних обстоятельств... Традиции меняются потому, что обстоятельства, которым они адекватны, меняются»⁹⁸.

Таким образом, традиция фактически оказывается тождественной самой культуре, функционирование и развитие которой осуществляется с помощью этих двух противоположных механизмов: стереотипизации и инновации. Не случайно уже расхожим выражением стало высказывание о том, что любая традиция – это бывшая инновация, а любая инновация в перспективе может стать традицией. Нравы же с этой точки зрения суть одна из практических, поведенческих форм реализации культурной традиции, ее «актуализированная составляющая» (по выражению С. Лурье). Инновационная составляющая заключена в культурных практиках как каналах («тропинках») возникновения новых моделей поведения и социально-культурного взаимодействия людей. Нравы же представляют собой результат принятия, закрепления и стереотипизации этих моделей поведения в повседневных практиках множества представителей той или иной социокультурной группы. В этом отношении динамика нравов заключается в процессе постоянного образования и замещения одних видов ментальных и поведенческих стереотипов другими.

Таким образом, успешная модернизация нравов, да и в целом культуры того или иного народа, возможна настолько, насколько она сохраняет преемственность с прошлым, с традицией. Прогрессивное развитие не означает отказа от прошлого, от традиций. Изменения без сохранения опасны, а сохранение без изменений бесперспективно. Особенно явным это становится в переломную эпоху, связанную с радикальными социально-экономическими и ценностными изменениями в российском обществе. Это влечет потерю ценностных ориентиров, мировоззренческих координат, вносит разрушительный диссонанс в морально-психологическое состояние общества. В этом отношении нельзя не согласиться с концепцией культурной травмы П. Штомпки, который обозначил не только позитивные, но и теневые дисфункциональные последствия социальных

⁹⁸ Лурье С. Культурная традиция и этнос [Электронный ресурс] / С. Лурье. URL: http://svlourie.narod.ru/2011-04-16/Kulturnaya_tradiciya_i_etnos.doc (дата обращения: 22.07.2012).

изменений⁹⁹. Один из вариантов представленных П. Штомпкой случаев культурной травмы как раз «связан с обновлением образа жизни под влиянием изменений технологий экономики, политических условий (и в рамках неизменной или медленно меняющейся культуры). Люди обнаруживают, что их новый образ действий, появившийся спонтанно или вызванный ситуационно, вступил в конфликт с традиционной культурой. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплён и не санкционирован в новых культурных правилах, традиционная культура теряет качество самого собой разумеющегося, делаясь проблематичной, навязанной, враждебной, устаревшей, и сопровождается конфликтом поколений»¹⁰⁰. При этом чем больше травматичные изменения затрагивают сферу базовых, терминальных ценностей, правил, ожиданий, тем сильнее она чувствуется агентами. Эти теоретические предположения подтверждаются многочисленными эмпирическими данными, полученными российскими социологами. Исследователи констатируют размытость, неопределённость и переменчивость общественных ориентаций и социального настроения россиян¹⁰¹. Отмечается антиномичность общественного сознания, нормативно-ценностной системы общества и поведенческих практик. Как отмечает И. В. Глушко, «сознание практически расколото пополам, существуют две основные позиции, противостоящие и исключаящие друг друга... При этом сами инструментальные ценности стали как бы равнозначными, представляют собой эклектичный набор прямо противоположных друг другу ценностей, в котором лидируют ценности достижения успеха, благополучия в жизни на основе признания очень важными связи с “нужными людьми”, умения приспособиться, заботы прежде всего о себе. Трансформируясь, ценностные ориентации, таким образом, представляют собой противоречивую совокупность коллективистских и индивидуалистских ценностей, что осложняет

⁹⁹ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

¹⁰⁰ Там же. С. 12.

¹⁰¹ См.: Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 10.

социокультурную целостность и возможности достижения стабильности и динамичности развития»¹⁰².

Важный момент, связанный с трансформацией / консервацией системы ценностей и нравов россиян, высказывает и Э. А. Паин: «За короткое время изменилась весьма существенная, базовая парадигма ценностных ориентаций народа, в то время как периферийные элементы культуры, наименее связанные с условиями среды (ритуалы, обычаи, термины), сохраняются, они оказываются наиболее устойчивыми»¹⁰³. Именно они и проявляют себя как консервативные повседневные практики поведения, именуемые нравами.

В связи с этим, как подчеркивает П. Штомпка, трансформация социальной системы и ее институтов невозможна без изменения самих акторов. Должны измениться жизненный уклад, жизненные позиции, мотивация людей. Иначе говоря, социально-экономические и организационно-политические изменения должны сопровождаться морально-психологической готовностью людей действовать в новых условиях и по новым правилам. Сам П. Штомпка, ссылаясь на Р. Мертон, отмечает четыре возможных способа поведения в условиях изменений (аномии): инновация, бунт, ритуализм, ретриатизм. «Первые два – активные, конструктивные типы адаптации. Вторая пара представляет собой пассивные адаптации. <...> Бунт – радикальная попытка полной трансформации культуры ради замены состояния травмы новой культурной системой. ...Пассивная ритуалистская адаптация обращается к неустановленным традициям, привычкам и их культивированию как надежным укрытиям от травм. Наконец, ретриатизм в данном контексте есть игнорирование травмы, попытка действовать, будто ее нет»¹⁰⁴.

¹⁰² Глушко И. В. Социальное доверие в контексте модернизации общества / И. В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. 1. С. 25.

¹⁰³ Общественные практики, культурные институции, этические нормы: можно ли воздействовать на традицию? : материалы семинара [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/1354> (дата обращения: 20.07.2012).

¹⁰⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая). С. 15.

С точки зрения модернизации нравов особый интерес представляют конструктивные типы, которые в современных социологических исследованиях стали обозначать понятием «люди – XXI» или «социальные инноваторы», т. е. социальная группа, усилиями которой в обществе распространяются новации. Как отмечают Р. Н. Абрамов и А. А. Зудина, «эмпирически такие люди выделяются с точки зрения включенности в современные практики по пяти позициям: приобщенность к информационным технологиям, активное финансовое поведение, стремление к расширению горизонта, оптимизация своего времени, забота о себе и своем здоровье» и др.¹⁰⁵ Именно эта группа людей задает образцы новых культурных практик, занимается, образно выражаясь, «протаптыванием дорожки», по которой следом пойдут другие. С них начинается формирование нравов как стабильных, привычных, транслируемых из поколения в поколение способов взаимодействия, одобряемых общественным мнением той или иной социальной группы, закрепленных и постоянно воспроизводимых в их социокультурной практике в различных сферах жизнедеятельности. Это подтверждает действие социального закона: социально-культурные новации не охватывают всего общества сразу и одновременно, а зарождаются в локальных («пилотных») группах. Именно эти группы людей и должны представлять особый исследовательский интерес и объект целенаправленного идеологического, мировоззренческого и формирующего воздействия в плане трансформации старых и зарождения новых нравов.

И в этом отношении вновь следует согласиться с Э. А. Паиным: модернизация нравов возможна «... как под воздействием социальных практик человека (важнейший фактор), так и под воздействием целенаправленного обучения, просвещения. В век информации особую “конструирующую” роль играют информационные технологии... Но еще в большей мере... под воздействием жизненных обстоятельств»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Абрамов Р. Н. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление / Р. Н. Абрамов, А. А. Зудина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 136.

¹⁰⁶ Общественные практики, культурные институты, этические нормы: можно ли воздействовать на традицию? : материалы семинара [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/1354> (дата обращения: 20.07.2012).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. XX век. История одной семьи / под ред. А. В. Попова. М. : Ин-т политического и военного анализа, 2003. 272 с.
2. 37-й на Урале. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 320 с.
3. *Абрамов Р. Н.* Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление / Р. Н. Абрамов, А. А. Зудина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 134–142.
4. *Акимов В.* Русские созреют для модернизации лишь к 2025 году (интервью с И. Юргенсом) [Электронный ресурс] / В. Акимов // Новый регион. 2010. 15 сентября. URL: <http://nr2.ru/moscow/300609.html> (дата обращения: 02.03.2012).
5. Алгоритмы российских модернизаций. Ведущие: М. В. Масарский, О. В. Доброчеев [Электронный ресурс] // Институт философии Российской академии наук. Клуб «Свободное слово» (Москва, 18 апреля 2001). URL: <http://iph.ras.ru/page50460771.htm> (дата обращения: 05.03.2012).
6. *Артемов Е. Т.* Урал / Е. Т. Артемов, А. В. Бакунин, В. Д. Викторова, Д. В. Гаврилов // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : УрО РАН, 1998. С. 521–532.
7. *Арутюнян Ю. В.* Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. М. : Наука, 1984. 255 с.
8. *Афанасьев П.* Да, это было... / П. Афанасьев // Завещание. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 7–50.
9. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь / А. С. Ахиезер. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 600 с.
10. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
11. *Бауман З.* Философия и постмодернистская социология / З. Бауман // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 46–61.
12. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 80–160.

13. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.

14. *Белик А. А.* Культурология: Антропологические теории культур : учеб. пособие / А. А. Белик. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 240 с.

15. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. М. : Новое лит. обозрение, 2000. 352 с.

16. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995. 323 с.

17. *Бердяев Н. А.* Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990.

18. *Бердяев Н. А.* Смысл истории / Н. А. Бердяев. М. : Мысль, 1990. 175 с.

19. *Берри Дж. В.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал, П. Р. Дасен. Харьков : Гуманит. центр, 2007. 558 с.

20. *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений / И. В. Бестужев-Лада. М. : Наука, 1993. 233 с.

21. *Блажес В. В.* Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала / В. В. Блажес. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 202 с.

22. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; пер. Е. М. Лысенко. М. : Наука, 1973. 230 с.

23. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / пер. с фр. Е. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.

24. *Боно Э. де.* Серьезное творческое мышление / Э. де Боно. Минск : Попурри, 2005. 416 с.

25. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1983. 413 с.

26. *Бурдые П.* Начала / П. Бурдые ; [пер. с фр.]. М. : Socio-Logos : Адапт, 1994. 287 с.

27. *Бурдые П.* Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. социологии : АЛТЕЙЯ, 2001. 563 с.

28. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые ; пер. с фр., сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперимент. социологии : АЛТЕЙЯ, 2005. 576 с.

29. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.
30. Волков В. О концепции практик(и) в социальных науках / В. Волков // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
31. Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации / В. Волков // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М. : МВШСЭН : Интерцентр, 1997. С. 323–333.
32. Волков В. Теория практик / В. Волков, О. Хархордин. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
33. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. СПб. : Питер, 2001. 160 с.
34. Гаген-Торн Н. И. Memoria / Н. И. Гаген-Торн ; сост., предисл., послесл. и примеч. Г. Ю. Гаген-Торн. М. : Возвращение, 1994. 415 с.
35. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель ; пер. Ю. И. Турчанинова, Э. Н. Гусинский // Социологическое обозрение. 2002. № 1. Т. 2. С. 26 – 47.
36. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2003. 526 с.
37. Гладарев Б. Жизненные миры «особой» ленинградской молодежи / Б. Гладарев // Неприкосновенный запас. 2004. № 36. С. 37–41.
38. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города / Б. Гладарев // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71–304.
39. Гладарев Б. Формирование и функционирование milieu (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970–2000 гг.) [Электронный ресурс] / Б. Гладарев // Центр независимых социологических исследований. URL: <http://www.indepsocres.spb.ru/boriss.htm> (дата обращения: 20.04.2012).
40. Глушко И. В. Социальное доверие в контексте модернизации общества / И. В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. 1. С. 24–27.
41. Голикова С. В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века / С. В. Голикова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. 284 с.
42. Горелик П. По течению и против течения... (Борис Слуцкий: жизнь и творчество) / П. Горелик, Н. Елисеев. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 392 с.

43. Горский Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров ; под ред. Д. П. Горского. М. : Просвещение, 1991. 208 с.
44. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
45. Гуськова Г. К. Облик рабочих Урала / Г. К. Гуськова // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М. : Наука, 1970. С. 293–316.
46. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И – О / В. И. Даль. Репр. изд. М. : Терра, 1994. 782 с.
47. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офестаса и М. Якубович. М. : Логос : Радек, 2000. 184 с.
48. Девятко И. Ф. Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода / И. Ф. Девятко // Социология. 4М. 2007. № 25. С. 5–21.
49. Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез ; пер. с фр. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. СПб. : Machina, 2002. 240 с.
50. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins : Русско-английский, англо-русский. Т. 1 : А – О / Д. Джери, Д. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече : АСТ, 1999. 544 с.
51. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins : Русско-английский, англо-русский. Т. 2 : П – Я / Д. Джери, Д. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече : АСТ, 1999. 528 с.
52. «Дорогой наш товарищ Сталин!» и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны / сост. Н. С. Черушев. М. : Звенья, 2001. 336 с.
53. Дружба. Очерки по теории практик / под ред. О. Хархордина : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009. 456 с.
54. Дьяков А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Изв. Саратов. ун-та. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.
55. Дюби Ж. История ментальностей / Ж. Дюби // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РАН, Ин-т всеобщей истории, 1996. С. 18–22.
56. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 431 с.
57. Дюркгейм Э. Определение морального факта / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофман // Теоретическая социология. Антология : в 2 ч. Ч. 1. М. : Ун-т, 2002. С. 11–31.
58. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, ме-

тод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 208–244.

59. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни / пер. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр. ; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 175–231.

60. *Ефименко М. Н.* Религиозная традиция как фактор регионального религиозного пространства [Электронный ресурс] / М. Н. Ефименко // Третьи Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург : Димур, 2007. URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=73:iii-&id=1014:2010-08-06-14-31-27&Itemid=195 (дата обращения: 12.05.2012).

61. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. М. : Идея-Пресс, 2000. 256 с.

62. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. М. : Логос, 2005. 561 с.

63. *Журавлев С. В.* «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. / С. В. Журавлев // Социальная история. Ежегодник, 2004. М. : Рос. политическая энцикл., 2005. С. 371–400.

64. *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. М. : Рус. кн., 1996. 496 с.

65. *Зарубина Н. Н.* Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 52–62.

66. *Захаров А. В.* Традиционная культура в современном обществе / А. В. Захаров // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.

67. *Здравомыслова Е. А.* Коллективная биография современных российских феминисток / Е. А. Здравомыслова // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / Центр независимых социальных исследований. СПб., 1996. С. 33–60.

68. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев. М. : Центрполиграф, 1994. 495 с.

69. Изгнанники в своей стране. Письма из советской ссылки 1920–1930-х годов: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / [сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Л. Милова ; отв. ред. С. В. Чешко]. М. : Наука, 2008. 553 с.

70. *Ионин Л. Г.* Социология культуры / Л. Г. Ионин. М. : Изд. дом ГУВШЭ, 2004. 426 с.

71. *Кавелин К. Д.* Наши недоразумения / К. Д. Кавелин // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М. : Правда, 1989. 654 с.

72. *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов / И. Кант // Кант И. Соч. Т. 3. М., 1997.

73. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. ; науч. ред. пер. О. И. Шкаратан. М. : Изд-во ГУВШЭ, 2000. 608 с.

74. *Керсновская Е.* Сколько стоит человек / Е. Керсновская. М. : Рос. политическая энцикл., 2006. 856 с.

75. *Кип Дж.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин. М. : Рос. политическая энцикл., 2009. 328 с.

76. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб. : Евразия, 1998. 352 с.

77. Книга памяти: Посвящ. тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов / Нижнетагил. о-во «Мемориал» ; сост. и вступ. ст. В. М. Кириллова. Екатеринбург : Наука, 1994. 337 с.

78. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории / Н. Козлова. М. : Европа, 2005. 526 с.

79. *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология / Н. Н. Козлова. М. : Ключ-С, 1998. 187 с.

80. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? / Р. Коллинз // Теория общества. Фундаментальные проблемы : сб. / пер. с нем., англ. ; Ин-т социол. РАН ; Моск. высш. шк. социал. и экономич. наук ; Центр фундамент. социол. ; под ред. А. Ф. Филиппова. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. С. 37–72.

81. *Костомаров Н. И.* История раскола у раскольников / Н. И. Костомаров // Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М. : Чарли, 1994. 606 с.

82. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. М. : Республика, 1992. 303 с.

83. *Костомаров Н.* Русские нравы / Н. Костомаров. М. : Чарли, 1995. 654 с.

84. *Кочетков В. В.* Психология межкультурных различий : учеб. пособие для вузов / В. В. Кочетков. М. : Per Se, 2002. 416 с.

85. *Кравченко А. И.* Культурология : словарь / А. И. Кравченко. 2-е изд. М. : Академический проект, 2001. 672 с.

86. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. М. : Гнозис, 2003. 375 с.

87. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультуралогия : лекционный курс / В. В. Красных. М. : Гнозис, 2002. 284 с.

88. *Кропоткин П. А.* Этика / П. А. Кропоткин ; общ. ред. Ю. В. Гридчина. М. : Политиздат, 1991. 496 с.

89. *Кудряшова И.* Как создавались общества трезвости [Электронный ресурс] / И. Кудряшова. URL: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/article.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (дата обращения: 07.06.2012).

90. Культурные факторы модернизации. Доклад. Авторы доклада: А. А. Аузан (рук. проекта), А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. При участии: А. О. Ворончихиной, Н. В. Зверевой, А. В. Золотова, Е. Н. Никишиной, А. А. Ставинской [Электронный ресурс] // Стратегия 2020. Фонд поддержки гражданских инициатив. URL: <http://www.strategy-2020.ru/ru/article/kulturnye-factory-modernizatsii> (дата обращения: 20.03.2012).

91. *Лазарев А. И.* Тип уральца в изображении русских писателей / А. И. Лазарев // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 2. Филология. 1997. № 1 (5). С. 30–42.

92. *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

93. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. С. В. Чистякова, Н. В. Шевченко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 328 с.

94. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф ; общ. ред. С. К. Цатуровой ; пер. с фр. Е. В. Морозовой. М. : Прогресс, 2001. 440 с.

95. *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств, 2002. 304 с.

96. *Липовецкий М.* Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых [Электронный ресурс] / М. Липовецкий // Новое лит. обозрение. 2003. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/li27.html> (дата обращения: 09.09.2012).

97. *Лихачева Л. С.* Российские нравы: проблема модернизации / Л. С. Лихачева // Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация : материалы Всерос. конф. с междунар. участием (20 апреля 2012 г.) / отв. ред. Л. С. Лихачева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 126–131.

98. Логический словарь : ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Перерезева, В. В. Петрова. М. : Мысль, 1994. 268 с.

99. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб, 1999. 414 с.

100. *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 3. Таллин : Александра, 1993. С. 343–355.

101. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М. : Гнозис : Прогресс, 1992.

102. *Лоусон Т.* Социология. А – Я : словарь-справочник / Т. Лоусон, Дж. Гэррод ; пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с.

103. *Луман Н.* Изменение парадигмы в системной теории / Н. Луман // Современная зарубежная социология (70–80-е гг.). М. : ИНИОН РАН, 1993. С. 196–210.

104. *Луман Н.* Теория общества / Н. Луман // Теория общества: фундаментальные проблемы. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. С. 196–235.

105. *Лурье С.* Культурная традиция и этнос [Электронный ресурс] / С. Лурье. URL: http://svlourie.narod.ru/2011-04-16/Kulturnaya_tradiciya_i_etnos.doc (дата обращения: 22.07.2012).

106. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис ; пер. с англ. Т. А. Нестик. М. : Дело, 2001. 447 с.

107. *Магд-Созн К. де.* Эмансипация женщин в России: Литература и жизнь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 252 с.

108. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. псих. наук / Н. Г. Мальшева. М. : Изд-во МГУ, 2008. 27 с.

109. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Статьи и очерки / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск : Свердловгиз, 1947. 405 с.

110. *Маньков А. Г.* Дневники 30-х годов / А. Г. Маньков. СПб. : Европейский дом, 2001. 320 с.

111. *Мацумото Д.* Психология и культура / Д. Мацумото. М. ; СПб. : ОЛМА-ПРЕСС : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 414 с.

112. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 568 с.

113. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; сост., пер. А. В. Матешук. М. : Мысль, 1999. 672 с.

114. Мурзин А. «Иконы красит, а церковь грабит»: уголовное дело о святотатстве, богохульстве и кощунстве в Пермской области / А. Мурзин // Родина. 2010. № 4. С. 56–58.

115. Невьянский завод // Географический и статистический словарь Пермской губернии, составленный Н. Чупиным / Н. К. Чупин. Пермь : Тип. Поповой, 1873.

116. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (Очерки и впечатления) / В. И. Немирович-Данченко. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1890.

117. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : [избр. произведения]. Кн. 2 / Ф. Ницше ; сост., подгот. текста М. Ш. Ивановой. М. : Сирин, 1990. 416 с.

118. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов ; науч. ред. В. Л. Абушенко, М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. Минск : Б. и., 1999. 878 с.

119. «Новые тихие». Режиссерская смена – смена картин мира» [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2011. № 8. URL: <http://kinoart.ru/2011/n8-article4.html> (дата обращения : 09.09.2012).

120. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 326 с.

121. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева / М. М. Щербатов, А. Н. Радищев ; под ред. М. В. Нечкиной, Е. Л. Рудницкой. Факс. изд. М. : Наука, 1983. 175 с.

122. Общественные практики, культурные институции, этические нормы: можно ли воздействовать на традицию? : материалы семинара [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/1354> (дата обращения: 20.07.2012).

123. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1990. 917 с.

124. Орлова Э. А. Проблемы модернизации в России: культурные аспекты / Э. А. Орлова // Теоретические основания культурной политики. М. : Рос. ин-т культурологии, 1993. С. 5–26.

125. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. 832 с.

126. Перцев А. В. Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям). Толерантность. Ч. 2 / А. В. Перцев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

127. Петров Н. «Сталинский питомец» – Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. М. : Рос. политическая энцикл., 2008. 447 с.

128. Поликарпов В. С. История нравов России. Восток или Запад / В. С. Поликарпов. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 575 с.

129. Положение рабочих Урала во второй половине XIX и начале XX века (1861–1904 гг.) : сб. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 666 с.
130. Поляковская М. Византия: феномен некорпорированности общества / М. Поляковская // Екатеринбургский гуманитарий : науч. альманах. № 1 (1). Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 1999. С. 17–23.
131. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
132. Пригожин А. И. Современная социология организаций / А. И. Пригожин. М. : ИНТЕРПРАКС, 1995. 295 с.
133. Просвещенный консерватизм в 21 веке. Опрос экспертов – портал Русской Общины Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11605143> (дата обращения: 20.07.2012).
134. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная системология : пособие / Ю. М. Резник. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. 526 с.
135. Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского, что Осинского уезда // ПЕВ. 1885. № 30. Неофициальный отдел.
136. Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.
137. Роденберг Б. Empowerment. Влияние женщин на характер власти [Электронный ресурс] : комплексный анализ результатов исследования зарубежных женских проектов Фонда им. Генриха Белля. 2007 / Б. Роденберг, К. Вихтерих // Информационный портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/3.htm> (дата обращения: 29.09.2011).
138. Российский Этнографический музей : толковый словарь : Нравы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/glossary/?Нравы> (дата обращения: 30.06.2012).
139. Руднев П. Театральные впечатления Павла Руднева [Электронный ресурс] // Новый мир. 2008. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/povyi_mi/2008/10/ru19.html (дата обращения : 09.09.2012).
140. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение по вопросу: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
141. Савкина И. Л. Испытание чтением, или Барышня в библиотеке / И. Л. Савкина // Мальчики и девочки: реалии социализации : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 163–173.
142. Самнер У. Г. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики / У. Г. Самнер ; пер. М. Добряковой // Рубеж. 1998. № 12. С. 4–32.

143. *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sartre/Literature.php (дата обращения: 29.09.2011).
144. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В. В. Семенова. М. : Добросвет, 1998. 292 с.
145. *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. Т. I–II. М. : Изд. Союза старообрядческих начетчиков, 1908–1912 [Электронный ресурс] / В. Г. Сенатов. URL: <http://oldbelief.chat.ru/senatov/philos.htm#ed> (дата обращения: 07.02.2012).
146. *Сережко Т. А.* О теоретико-методологическом подходе к исследованию религиозности крестьянской субкультуры в современных условиях / Т. А. Сережко // Аналитика культурологии. Электронное науч. изд. 2010. Вып. 1 (16). [Электронный ресурс]. URL: http://www.analiculturolog.ru/component/k2/item/269-article_30.html (дата обращения: 05.05.2012).
147. *Скотт Дж.* За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали / Дж. Скотт ; пер. с англ. М. : Свердловск, 1991. 304 с.
148. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989. 624 с.
149. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М. : Политиздат, 1981. 430 с.
150. *Смеюха В. В.* Процессы идентификации и женская пресса / В. В. Смеюха. Ростов н/Д : Ростиздат, 2012. 318 с.
151. «Совок»: живее всех живых? [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/11-09-2012/sovok-zhivее-vsekh-zhivyykh> (дата обращения: 16.11.2012).
152. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 864 с.
153. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000. 1056 с.
154. Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая Книга, 2006. 651 с.
155. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. М. : Терра, 1998. 528 с.
156. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура / Э. Б. Тайлор ; пер. с англ. Д. А. Коропчевского ; предисл. и примеч. А. И. Першица. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
157. *Такер Р.* Сталин. История и личность / Р. Такер ; пер. Г. Бляблин, А. Габриэлян, А. Зур, М. Кобрин, А. Обухов, Р. Руденко. М. : Весь мир, 2006. 864 с.

158. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.

159. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации / В. А. Тишков. М., 1997.

160. *Триандис Г. К.* Культура и социальное поведение / Г. К. Триандис ; пер. В. А. Соснина. М. : Форум, 2007. 382 с.

161. *Уорд Л.* Психические факторы цивилизации / Л. Уорд. СПб. : Питер, 2001. 352 с.

162. *Усенко О. Г.* К определению понятия «менталитет» / О. Г. Усенко // Русская история: проблемы менталитета. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 3–7.

163. *Успенский Г. И.* Нравы Растеряевой улицы / Г. И. Успенский // Успенский Г. И. Власть земли. М. : Сов. Россия, 1988.

164. *Ушакин С.* Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии / С. Ушакин // Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 760–792.

165. *Ушакин С.* Рухлядь быта: семья, наследственность, природа / С. Ушакин // Семья: между насилием и толерантностью : коллектив. моногр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005.

166. *Фан И. Б.* От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина / И. Б. Фан. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. 316 с.

167. *Февр Л.* Бои за историю / Л. Февр ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. М. : Наука, 1991. 632 с.

168. *Фикс Е.* Ответственность советского художника [Электронный ресурс] / Е. Фикс // Художественный журнал. № 65–66. URL: <http://xz.gif.ru/pumbers/65-66/fix/> (дата обращения: 09.09.2012).

169. *Философия.* Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

170. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. С. С. Аверинцева. М. : Сов. энцикл., 1989. 718 с.

171. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия / пер. А. Гарраджи // Проблема человека в западной философии : сб. переводов. М. : Прогресс, 1988. С. 357–403.

172. *Флоренский П.* Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг. / П. Флоренский. М. : Сатисъ, 2004. 553 с.

173. *Франц А. С.* Нравственная культура: стратегия исследования идеального образа / А. С. Франц. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2005. 166 с.

174. *Франц А. С.* Российские нравы: истоки и реальность : учеб. пособие / А. С. Франц. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 336 с.

175. *Фуко М.* Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М. : Касталь, 1996. 448 с.
176. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. [СПб.] : Академический проект, 2004. 432 с.
177. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М. : Новое изд-во, 2007. 384 с.
178. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности / О. Хархордин. М. ; СПб. : Летний сад : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. 509 с.
179. *Хаттон П.* История как искусство памяти / П. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Фонд «Университет» : Владимир Даль, 2003. 424 с.
180. *Хаустов В.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. М. : Рос. политическая энцикл., 2009. 432 с.
181. *Хлебников О.* Исповедь рядового палача / О. Хлебников // Правда ГУЛАГа. Спецвыпуск «Новой газеты». № 133 (1836). 28 ноября 2011 г.
182. *Хлевнюк О. В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. М. : Республика, 1992. 270 с.
183. Четыре признака русской ментальности, препятствующие модернизации [Электронный ресурс] // Новый регион. 2010. 23 сентября. URL: <http://www.nr2.ru/moscow/301707.html> (дата обращения: 02.03.2012).
184. *Шангин М.* Дороги / М. Шангин // Шангин М. Завещание. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С.195–253.
185. *Швед С.* Заветные тетради / С. Швед. Челябинск : Изд. Татьяна Лурье, 2005. 192 с.
186. *Шрейдер М.* НКВД изнутри. Записки чекиста / М. Шрейдер. М. : Возвращение, 1995. 256 с.
187. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма (статья первая) / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
188. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М. : Рос. политическая энцикл. (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
189. *Шюц А.* Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
190. *Эберт Т. Л.* Испытывая пределы: границы психоанализа, феминизма, патриархата / Т. Л. Эберт // Введение в гендерные исследования. Ч. 3 / под ред. С. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001.
191. *Эко У.* От галактики Гутенберга к галактике Маклюэна [Электронный ресурс] / У. Эко. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 27.09.2011).

192. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 01.10.2011).

193. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. / Н. Элиас ; пер. А. М. Руткевича. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001.

194. Эткинд Е. Г. Добровольный крест / Е. Г. Эткинд // Правда ГУЛАГа. Спецвыпуск «Новой газеты». 25 августа 2011. № 93 (1796).

195. Bourdieu P. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris : Éd. du Seuil, 1992. 480 p.

196. Certeau M. de. The practice of everyday life / M. de Certeau ; transl. by S. Rendall. Berkeley ; Los Angeles ; London : Univ. of California Press, 2007. XXIV, 229 p.

197. Certeau M. de. The practice of everyday life. Vol. 2 : Living and cooking / M. de Certeau, L. Giard, P. Mayol ; ed. by L. Giard ; transl. by T. J. Tomasik. Minneapolis ; London : Univ. of Minnesota Press, 1998. XIV, 292 p.

198. Chen G.-M., Starosta W. J. Foundations of Intercultural Communication. Boston : Allyn & Bacon, 1998. 340 p.

199. Condon J. C., Yousef F. S. An introduction to intercultural communication / J. C. Condon, F. S. Yousef. Indianapolis ; New York : Bobbs-Merrill, 1975. 306 p.

200. Ekbredline [Электронный ресурс]. URL: <http://ekbredline.livejournal.com/> (дата обращения: 02.04.2012).

201. Hall E. T. Beyond Culture. New York : Doubleday, 1976.

202. Hall R. The Myth of Post-feminism // Gender & Society. Vol. 17. № 6, December 2003. P. 878–892.

203. Heinich N. La sociologie de l'art. Paris : La Découverte, collection Repères, 2002. 122 p.

204. Hofstede G., Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York : McGraw-Hill, 2005. 434 p.

205. Hradil S. Sozialstrukturanalyse in einer fortgeschrittenen Gesellschaft. Von Klassen und Schichten zu Lagen und Milieus. Opladen : Leske+Budrich, Vrlg., 1987.

206. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variation in value orientation. New York : Row & Peterson, 1961.

207. Kreckel R. Politische Soziologie der sozialen Ungleichheit. Frankfurt/Main ; New York : Campus 1992. 344 s.

208. Menger P.-M. Profession artiste. Extension du domaine de la creation. Paris : Textuel, 2005. 116 p.

209. *Moulin R.* Le marché de l'art. Mondialisation et nouvelles technologies. Paris : Flammarion, 2000. 202 p.

210. *Screws R. H.* Paradoxes of Globalization, Liberalization and Equal Rights between Men and Women // *Gender & Society*. Vol. 17. № 4, August 2003. P. 544–566.

211. *Trompenaars F., Hampden-Turnek C.* Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. London : Nicholas Brealey Publ., 1997. 275 p.

212. *Yang F.-C. I.* International Women's Magazines and the Production of Sexuality in Taiwan // *The Journal of Popular Culture*. Vol. 37. 2004. № 3. P. 505–529.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Светлана Ивановна. Кандидат исторических наук, доцент кафедры евразийских исследований Уральского федерального университета. Автор главы 3 раздела II.

Вандышев Михаил Николаевич. Кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета. Автор подраздела 1.2. главы 1 раздела I; главы 5 раздела III.

Гудова Маргарита Юрьевна. Кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального университета. Автор подраздела 1.3. главы 1 раздела I; главы 3 раздела III.

Капкан Мария Владимировна. Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета. Автор главы 1 раздела III.

Клещина Александра Владимировна. Ассистент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета. Автор подраздела 1.4. главы 1 раздела I.

Круглова Татьяна Анатольевна. Доктор философских наук, профессор кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального университета. Автор главы 4 раздела III.

Лебедева Галина Викторовна. Кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального университета. Автор главы 1 раздела II.

Лихачёва Лилия Сергеевна. Доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета. Автор введения; подразделов 1.1, 1.5. главы 1 раздела I; главы 2; главы 1 раздела III; главы 5 раздела III; главы 6 раздела III.

Мурзин Александр Андреевич. Кандидат культурологии, научный сотрудник кафедры культурологии Уральского государственного педагогического университета. Автор главы 2 раздела II.

Мурзин Андрей Эдуардович. Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Уральского государственного педагогического университета. Автор главы 2 раздела II.

Неменко Екатерина Петровна. Аспирант кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального университета. Автор главы 4 раздела III.

Немченко Лилия Михайловна. Кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального университета. Автор главы 2 раздела III.

Ольховиков Константин Михайлович. Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета. Автор главы 4 раздела II.

Попова Виктория Николаевна. Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры общих гуманитарных и специальных театроведческих дисциплин Екатеринбургского государственного театрального института. Автор главы 1 раздела II.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ВЫРАБОТКИ ИНВАРИАНТНОЙ МОДЕЛИ НРАВОВ

	12
--	----

Глава 1. Типология метаподходов к анализу нравов и повседневных практик в современной гуманитарной науке	12
1.1. Состояние проблемы нравов в этических исследованиях	12
1.2. Состояние проблемы нравов в теоретической социологии	16
1.3. Состояние проблемы нравов в исследованиях представителей и последователей школы «Анналов»	26
1.4. Состояние проблемы нравов в культурантропологических и кросс-культурных исследованиях	34
1.5. Состояние проблемы нравов в культурологических исследованиях	47
Глава 2. Проблема типологизации нравов	55

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКИХ НРАВОВ

	61
--	----

Глава 1. Нравы и коллективная память	61
Глава 2. Религиозность горнозаводского населения Урала в XVIII – начале XX века: очерк нравов	76
Глава 3. «Чекист... морально и политически абсолютно безупречен»: о нравах сотрудников НКВД в 1930-е годы	100
Глава 4. Предпосылки и направления трансформации региональных российских нравов: от советского к постсоветскому	113

РАЗДЕЛ III. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ НРАВЫ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

	119
--	-----

Глава 1. Нравы как практики повседневности в поликультурном пространстве современной России	119
Глава 2. Современные российские нравы: между буржуазностью и нищетой (на материале театра и кино 2000-х)	131

Глава 3. Гендерные нравы и женское чтение: опыт прерванной модернизации	145
Глава 4. Нравы художественной среды: советский габитус в современной российской культуре и французский опыт сотрудничества художников	185
Глава 5. Состояние российских нравов (по материалам социологического исследования)	228
Глава 6. Причины консервации нравов в процессе развития российского общества	260
БИБЛИОГРАФИЯ	269
Сведения об авторах	284

Научное издание

НРАВЫ
КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Редактор *А. А. Макарова*

Корректор *А. А. Макарова*

Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

План изданий 2013 г. Подписано в печать 18.06.13.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 14,62. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ 1509.

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press.urfu@mail.ru